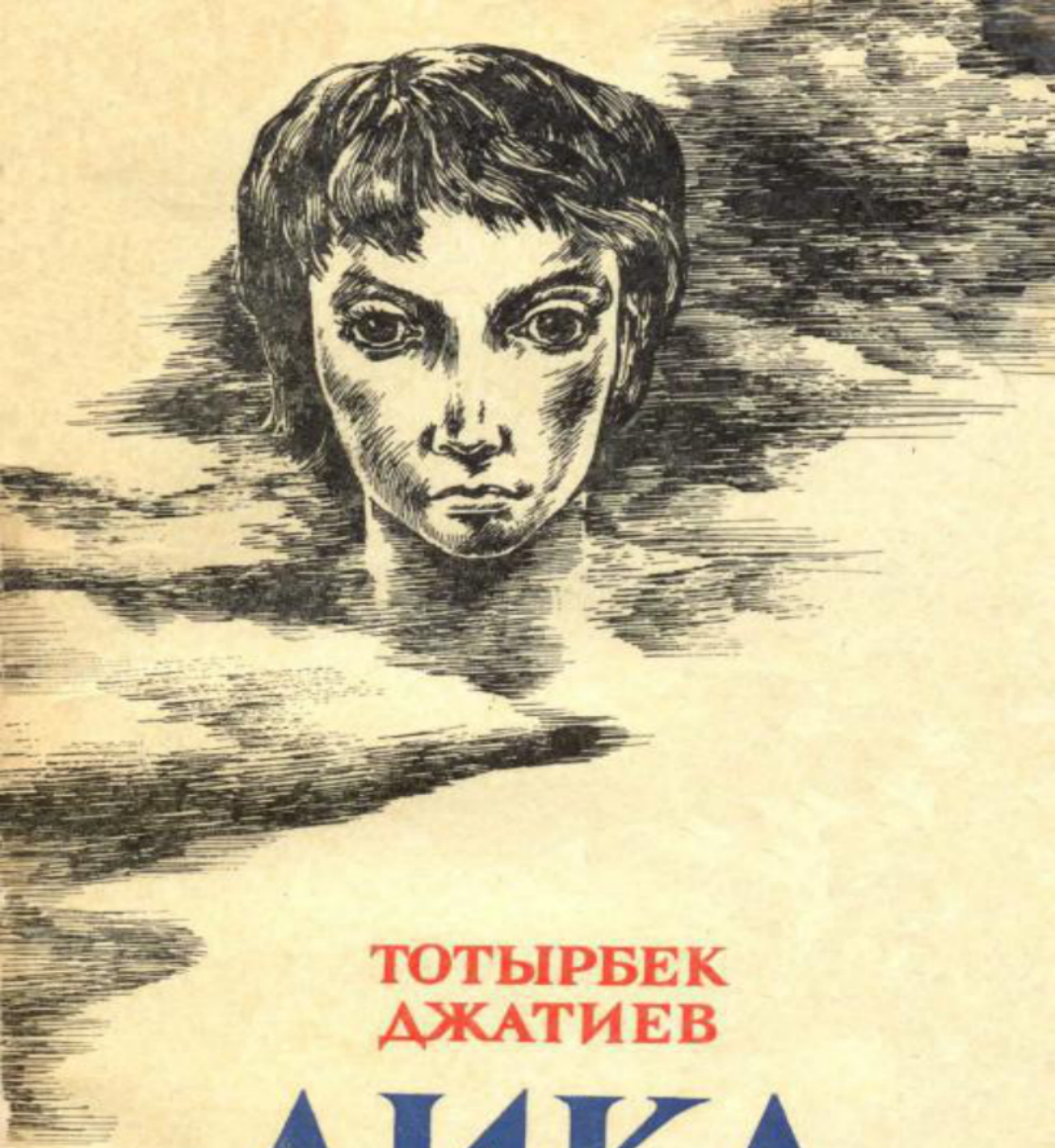


ТОТЫРБЕК
ДЖАТИЕВ

ДИКА

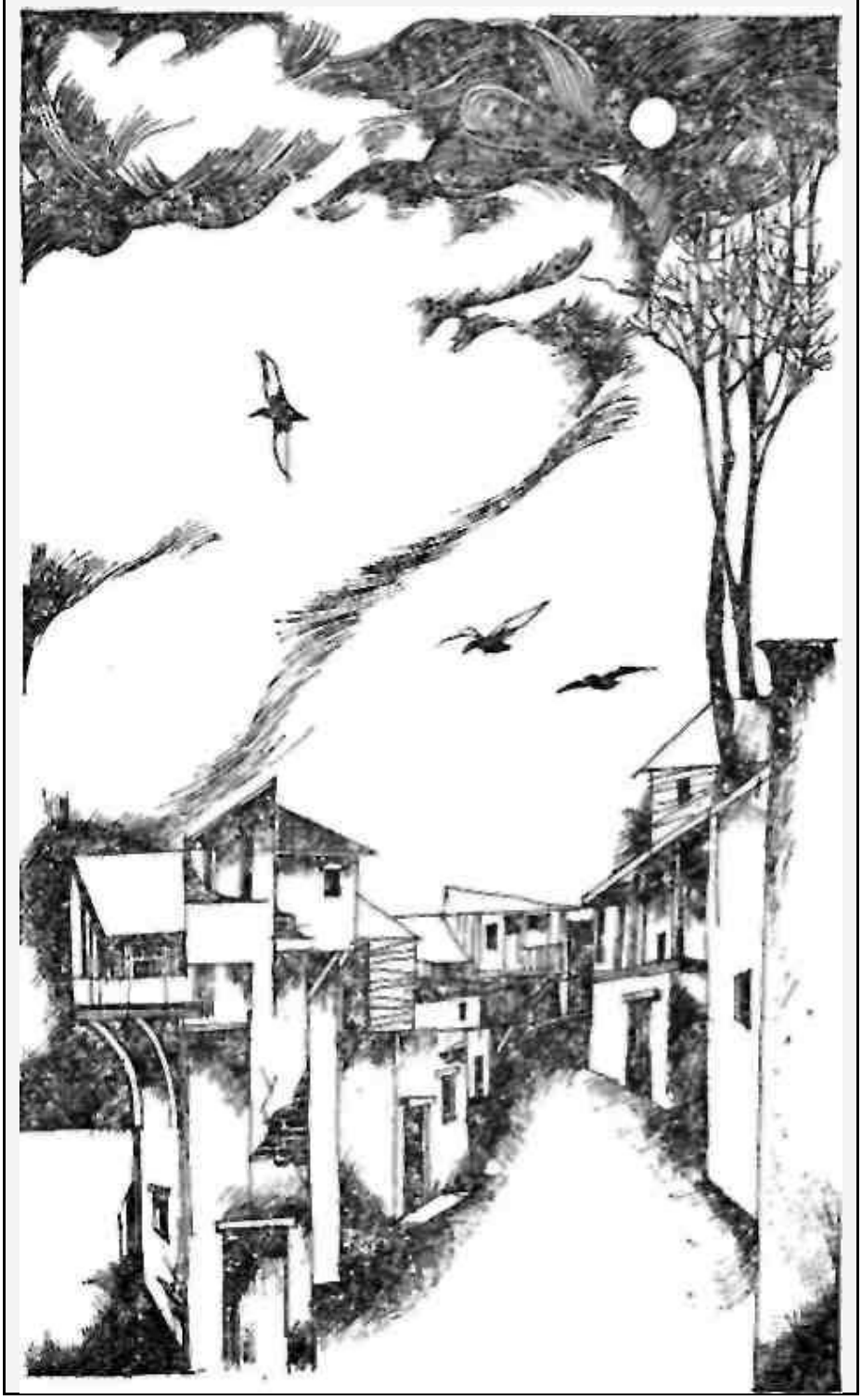
SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Осетинский писатель Тотырбек Джатиев, участник Великой Отечественной войны, рассказывает о событиях, свидетелем которых он был, и о людях, с которыми встречался на войне.

- Дика
  -
  - ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
    - НЕЗАДАЧЛИВЫЕ СВАТЫ
    - ПИСЬМА
    - ДОРОГА В НЕБО НАЧИНАЕТСЯ НА ЗЕМЛЕ
    - СТУПЕНИ ЖИЗНИ
    - ЗДРАВСТВУЙ, ЛЕТНАЯ ШКОЛА!
    - ВСТРЕЧА С ХАРИТОНОМ
    - «НУ И ОТЧАЯННАЯ ТЫ, ИЛИТА!»
    - НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ СЧАСТЬЕ
  - ЧАСТЬ ВТОРАЯ
    - ДАЛЕКО ОТ ЛИНИИ ФРОНТА
    - ФРОНТ — ОН ВЕЗДЕ
    - «ЛАСТОЧКА»! ГДЕ ТЫ?»
    - ОДНИМ «МЕССЕРШМИТТОМ» МЕНЬШЕ…
    - ПО ПРИКАЗУ СЕРДЦА
    - НА ВОЛОСОК ОТ ГИБЕЛИ
    - В ОСАЖДЕННОМ ГОРОДЕ
    - БОЙ НА ИНКЕРМАНСКИХ ВЫСОТАХ
    - ВСТРЕЧА С ВАЛЕРИКОМ ВОЛКОВЫМ
    - РЕЧКА ЧЕРНАЯ
    - «ОКОПНАЯ ПРАВДА»
    - СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ГАВРОШ
    - ДО СВИДАНИЯ, СЕВАСТОПОЛЬ!
    - СНОВА НА РОДИНЕ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7

Дика



Дорогие ребята!

Сейчас вы начнете читать книгу известного осетинского писателя Тотырбе́ка Джа́тиева «Ди́ка».

Дика — так звали на фронте летчицу, а потом разведчицу и защитника Севастополя Илиту Кирилловну Да́урову.

Вы спросите: «Это книга о войне?» Да, о войне. О тех суровых и трудных днях, когда советским людям пришлось драться с фашистскими полчищами, дробя и перемалывая силы Гитлера,

покорившие всю Европу. О вере наших бойцов в победу. О легендарных героических подвигах защитников осажденного врагами Севастополя. О братстве всех народов Советской страны — братстве, сделавшем нас непобедимыми. О маленьком герое — пионере Валерии Волкове, кавалере ордена Отечественной войны, отдавшем свою жизнь в борьбе с гитлеровцами.

Но война для советских людей была только суровой необходимостью. Нам навязали войну фашисты. И совершенно естественно, что Джатиев, рассказывающий в книге о тех, кто вступил в суровую и кровавую схватку с армиями Гитлера, видит в своих героях не просто летчиков или связистов, разведчиков или моряков; он видит в них прежде всего защитников мира — пахарей и металлургов, чабанов и токарей, оторванных от созидательного, счастливого труда.

Вы прочтете в книге «Дика», как смело и мужественно сражалась с фашистами первая осетинская летчица Илита Даурова.

Вы узнаете и о том, как она до войны работала в поле, как росло в ней сознание того, что она — член большой советской семьи и, значит, в ответе за все радости и все боли наших людей.

Жизнь и фронтовые подвиги Илиты Дауровой — хороший пример для тех, кто пока сидит еще на школьной скамье, но уже мечтает о настоящих, «взрослых» делах.

А мечтать и всеми силами души стремиться к осуществлению этой мечты очень, очень надо!

Книга Джатиева «Дика» написана взволнованно, искренне. Можно не сомневаться, что эта повесть, основанная на документальном, жизненном материале, будет прочитана вами с интересом.

Тотырбек Джатиев более тридцати лет работает в советской литературе. Он выпустил около двадцати прозаических книг, и большинство из них — книги, посвященные борьбе нашего народа за Советскую власть, книги, в которых герои, верящие в правду Ленина, мужественно и красиво живут и бьются за наше дело.

Борьба за честь и славу Родины — это основной мотив произведений осетинского писателя.

Да, в сущности, вся жизнь Тотырбека Джатиева и была такой борьбой. Его биография — трудная, боевая — шла параллельно с биографией страны.

Ему было десять лет, когда он пошел в батраки. Во время отступления армии Деникина с Северного Кавказа белогвардейские офицеры убили его отца. Тотырбек видел первые шаги Советской власти в Осетии — рождение комсомольских

ячеек, борьбу с муллами и ревнителями адата, яростное сопротивление кулаков, боявшихся колхоза больше, чем шайтана.

Джатиев сам стал одним из первых комсомольцев Осетии.

В 1932 году вышла первая книга Джатиева, названная им «Герой революции». Эта книга, как и многие последующие, рассказывала о рабочем классе Осетии в годы гражданской войны, в те годы, когда маленький край раздирали на части, терзали и мучили националисты всех мастей, белоказаки и белогвардейцы.

Позже Джатиева приняли в Союз писателей. Билет творческой организации подписал ему первый пролетарский писатель — Алексей Максимович Горький. Тогда же Джатиев стал студентом Литературного института в Москве.

Однако кончить учебу не удалось. Началась война с белофиннами. Тотырбек Джатиев, как истинный патриот своей Родины, добровольно ушел на фронт.

Он воевал храбро, был тяжело ранен.

В госпитале Джатиев думал о новых книгах. Тема патриотизма, защиты Советского Союза волновала его сейчас еще больше.

Но и на сей раз жизнь дала писателю лишь краткую передышку. Она снова потребовала, чтобы он стал солдатом, — на нашу страну напали фашисты.

Четыре года Джатиев был на фронте: сначала на Северном флоте, потом — на Черноморском, а закончил войну в логове врага — в Берлине.

И, в сущности, только после окончания войны Джатиев всерьез взялся за перо.

Есть разные писатели. Одни пишут о переживаниях товарищей и знакомых, другие черпают материал из собственной жизни…

Жизненная судьба Тотырбека Джатиева — счастливая судьба! Рассказывая о себе, он рассказывает и о других, а рассказывая о других, повествует и о себе. Писатель никогда не отделял себя от народа, да и не мог бы отделить: корни его чувств и мыслей — в думах и чаяниях народа.

«Дика» — это ведь тоже книга о народе, хотя в центре внимания писателя и стоит один человек — Илита Кирилловна Даурова.

За рубежом часто проводятся конкурсы красоты и самых красивых девушек называют «Мисс Америка» или «Мисс Бразилия». Но у советских людей гораздо более широкие представления о красоте. Красота человека — это не только античные пропорции лица и тела. Истинная красота — пропорции

души, сердца, деяний.

И если так и считать, то Илиту Кирилловну Даурову, образ которой с такой любовью и жизненностью нарисовал в своей книге Тотырбек Джатиев, следовало бы назвать «Мисс Осетия».

Да, сегодня женщины Осетии, женщины Советского Союза сильны и мужественны, красивы и благородны! Сделал их такими наш советский строй!

Книга Тотырбека Джатиева «Дика» — еще одно свидетельство этому.

Ц. ГОЛОДНЫЙ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НЕЗАДАЧЛИВЫЕ СВАТЫ

Доски высокого забора громыхнули, когда с улицы кто-то сильно и требовательно ударил по ним палкой.

Илита вздрогнула. Уж не хулиганят ли мальчишки? Она окинула озабоченным взглядом возившихся под цветущими яблонями и у песочниц малышей. Нет, дети, кажется, ничего не слышали, они были заняты играми. Так же взад и вперед раскачивались качели, расписанные по бокам фигурками зайцев и лягушат, катился по зеленой лужайке ярко-красный мяч, девчушки продолжали выпекать в своих пластмассовых формочках затейливые пироги из песка…

Стук повторился.

Илита решительно шагнула к калитке, крикнув на ходу:

— Кто там?

Калитка распахнулась, и в сад не спеша вошел высокий, сутуловатый старик в темной войлочной шляпе и поношенной синей телогрейке. В вытянутой руке он держал толстую суковатую палку, держал торжественно и даже, пожалуй, величественно, словно жезл.

— Дядюшка Дза́бо? — удивилась Илита, всматриваясь в морщинистое, темное от загара лицо, на котором остро и молодо поблескивали агатовые глаза. — Проходите, пожалуйста! — Вежливым жестом она пригласила старика к маленькому круглому столику, врытому под старой яблоней.

— Э, погоди, дорогая сестра![1] — остановил ее Дзабо, кивнув на калитку. — Я не один пришел. Со мной человек…

«Понятно, — подумала Илита. Еле заметная усмешка тронула ее губы, тонкие смоляные брови строже сошлись к переносице. — Интересно, кого на сей раз привел ко мне беспокойный сват?» Она знала уж порядком надоевшее ей стремление дядюшки Дзабо во что бы то ни стало выдать ее замуж. Нет, Илита не сердилась на старика, она понимала, что делает он это из самых добрых побуждений, и прежде всего потому, что любит ее, желает помочь ей устроить свою судьбу.

— Доброму гостю мы всегда рады, дядюшка Дзабо. — Илита слегка поклонилась, пытаясь спрятать чуть ироническую, понимающую усмешку. — Зови того, с кем пришел…

Но старик все-таки заметил эту усмешку — брови его сердито насупились. Медленно, словно нехотя, он выглянул за калитку:

— Входи! Смелей! Или ты намерен вечно стоять у ворот своего счастья? Не пристало настоящему джигиту робеть перед женщиной, пусть даже красивой. Входи!..

Через порог калитки, с трудом скрывая смущение, перешагнул мужчина средних лет в тщательно отглаженном сером костюме. Он глядел в сторону, словно и не замечал Илиту. Остановился, переступил с ноги на ногу, потом неловко снял фетровую шляпу, такую же серую, как и костюм. Смуглое худое лицо его казалось по-детски растерянным, темные глаза под кустистыми бровями смотрели в землю, будто мужчина что-то потерял и не мог найти. Наконец с видимым усилием он поднял взгляд и виновато посмотрел на Илиту, затем на детишек, что играли в тени яблонь.

— Здравствуй, Илита…

— Здравствуй.

Илита сразу же узнала мужчину, пришедшего вместе с дядюшкой Дзабо: это был Сала́мов, родственник Харитона.

На лицо Илиты легла тень печали: воспоминание о Харитоне, пропавшем без вести двадцать лет назад где-то во вражеском тылу, острой мгновенной болью отозвалось в сердце. За эти годы боль утраты ослабла, стала глуше, но всегда вспыхивала с новой силой, если что-то напоминало Илите о любимом.

Через минуту она справилась с собой и смогла даже пошутить:

— Вы ко мне в детсад с направлением? — спросила она. — К сожалению, принять вас не могу: у меня свободных мест нет.

Гости подошли к круглому столу в тени цветущей яблони. Деревья уже отцветали, и на столе стаей белых бабочек вздрагивали, колыхались под ветром лепестки яблонь.

— Ты все шутишь, сестра, — с укором сказал Илите Дзабо, присаживаясь к столу. Он поставил палку между колен, положил на стол, прямо на яблоневые лепестки, свои большие, натруженные полувековой работой руки. — Ты шутишь, а человеку, — он кивнул на Саламова, — не до шуток. Да, — повторил он, — ему не до шуток, вот почему я и пришел к тебе…

— Ко мне? — подхватила Илита, поправляя растрепавшиеся на ветру волосы. — Но разве нет в нашем селении женщин, кроме Илиты Дауровой? — Она кивком головы показала Саламову на скамью. — Странно, что для вас свет клином сошелся на Илите… Я не молода. И кругом немало женщин красивее меня…

Саламов устроился рядом с Дзабо; коротким взглядом окинул Илиту, севшую напротив, и в смущении принялся рассматривать игравших неподалеку детей.

Дзабо сурово взглянул на жениха:

— Ну, говори джигит! Раскрой Илите свое сердце. Когда мы шли сюда, ты был так красноречив! Что ж молчишь сейчас? Или проглотил вместе с шашлыком язык?

Илита сидела молча, не поднимая головы.

— Старший прав, укоряя меня, — негромко заговорил Саламов, облизнув сразу запекшиеся, сухие губы. — Мне сейчас действительно трудно объясняться… Я пришел, Илита, чтобы просить тебя… Ты знаешь, Харитон мне не чужой, и если б я хоть на мгновение усомнился в его гибели, разве осмелился бы прийти к тебе со своим делом?

Илита промолчала.

Тут Дзабо решил, что настала его очередь вставить веское слово. Он заговорил, сердито шевеля седыми бровями.

— Я, по праву старшего в роде Дауровых, заявляю: мы, твои родственники, сестра Илита, не хотим терять кровной связи со славным родом Саламовых. Да-да! Мы настаиваем, чтобы ты прислушалась к голосу близких тебе людей. Не нам нарушать обычаи дедов и отцов, Илита. Эти обычаи священны. Харитон был из рода Саламовых, и ты обязана сдержать слово, данное его роду…

Илита улыбнулась уголками губ. В сущности, эта улыбка больше походила на горькую усмешку. Да, она хорошо знала законы адата, касающиеся женщин. Если умирал жених, уплативший калым роду невесты, она должна была стать женой брата умершего; не было у погибшего братьев — права жениха обретал ближайший родственник. Сложившийся веками обычай имел раньше свой смысл: родители невесты могли не возвращать калым, полученный от жениха как выкуп за девушку.

А калым не был грошовым, Илита и это знала по рассказам людей старшего поколения. Для незнатных родов он исчислялся стоимостью двадцати, а иногда и сорока коров. Брали калым и пахотными, и сенокосными угодьями, что при тогдашнем земельном голоде на Северном Кавказе было особенно распространено; брали калым и деньгами, и верховыми породистыми лошадьми, и отарами овец; не брезговали порой и козами, медными котлами для приготовления пищи и даже посудой. И, в случае несчастья с женихом, родители девушки были готовы пойти на все, лишь бы не возвращать полученный калым. Любит или не любит молодая жена своего нового, как говорится, неожиданного супруга, значения не имело.

Старики, знакомые Илиты, частенько рассказывали страшные истории, связанные со старинным адатом. Сколько раз случалось прежде, что девушек насильно выдавали за нелюбимых. А сколько девушек шло на смерть, чтобы только не изменить своей первой любви.

Илита горько усмехнулась.

— Обычаи дедов и отцов… — начала она. — Но ни сам

Харитон, ни его родственники Дауровым калыма не платили. Ни единой копейки, ни зернышка. Разве не так? — Она взглянула на дядюшку Дзабо.

— Пусть так, — неохотно согласился старик.

— И вообще пора даже тем, кто шагнул из прошлого века в этот и носит седую бороду, им тоже пора понять, что женщина не корова и не коза, которые продаются и покупаются…

— Хм, — неопределенно кашлянул Дзабо.

— И коли так, — продолжала Илита, — ни к чему вспоминать о старых обычаях. — Она наклонилась к старику. Ей хотелось смягчить резкость своих слов. — Я понимаю, не все старые обычаи плохи. Есть ведь и хорошие. Но этот, — Илита окинула быстрым взглядом Саламова, — мне не по душе… Да и какой женщине он сегодня может нравиться?

Дзабо долго не отвечал, только коричневые узловатые руки его нервно блуждали по столу, роняя на землю лепестки яблоневого цвета. Илита поднялась и с мягким укором смотрела на старика. Она понимала его чувства. Ясно, Дзабо любит ее, как родную дочь, хочет, чтобы она тоже получила свою долю женского счастья, чтобы в этом детском саду, которым она заведует, вместе с другими ребятишками играли бы и ее дети. Вот о чем думал Дзабо, выступая в роли свата. Но при чем здесь адаты предков? Если б она снова полюбила — тогда другое дело, тогда бы Илита не придиралась к словам дядюшки Дзабо…

— Пусть так, — повторил Дзабо, не глядя на Илиту. — Мы, Дауровы, не брали за тебя калым, это верно. Но ведь мы отдавали тебя Саламову! Харитону Саламову! Каждый народ должен жить по своей совести, — он поднял вверх большой палец, — и по своим обычаям… У нас, горцев, есть и такой обычай: дал человеку слово — сдержи его! Пусть будет тебе сто раз трудно — сдержи! Иначе ты замараешь честь своего рода. И потом, сестра… ведь Саламов любит тебя, он будет холить и беречь тебя, он будет тебе хорошим мужем… Мы, старики, скоро в землю ляжем. Кто, если не муж, станет тебе защитой в беде, в несчастье?

Илита не разомкнула губ и сейчас. Лишь щеки ее покраснели и вновь сошлись к переносице тонкие черные брови.

— Твой Харитон погиб за Родину — честь ему, слава и вечная наша благодарная память! — продолжал старик. — Но твои слезы, твоя тоска уже не воскресят его. Будь же благоразумна! Человек, которого я привел сюда, любит тебя, любит давно…

— Это правда, — торопливо закивал Саламов, с надеждой глядя на Илиту. — Прости меня за откровенность, но… я любил тебя еще до того, как ты стала невестой Харитона. Если бы не Харитон, ничто бы меня не удержало. Я выкрал бы тебя из

родительского дома! Поднял бы сто всадников, сто джигитов, и мы бы похитили тебя, — пусть бы потом мне грозила тюрьма или смерть. Ты же знаешь, Илита, как мы, горцы, умели похищать девушек, коли они показывали свою гордость и не желали добром выходить замуж. А любовь приходила потом… Джигиты…

— Джигиты? — перебила его Илита, вставая. — Не слышала я, что ты такой отважный джигит, Саламов! Не верится мне, что это так. Харитон был отважен, и, когда нужно было, он встретил врага грудью… А ты? Говорят, когда осенью сорок второго ты услышал у Эльхóтовских ворот вой немецких снарядов, твоя отвага козлом в горы поскакала и ты вслед за ней. Она за Крестовый перевал, ты — за ней! Или врут люди?

Лицо Саламова налилось кровью; он судорожно провел ладонью по лбу, утирая пот, и опустил взгляд в землю.

— На войне всякое случалось, — глухо произнес Саламов. — Тебе ли не знать этого? Ты сама была на фронте. Как же ты можешь упрекать меня, если порой перед фашистами отступали целые армии? Ты несправедлива, Илита.

— Несправедлива? — вспыхнула Илита. — Но кто первый завел речь об адате, кто первый вспомнил о так называемой доблести джигитов, похищавших беззащитных девушек? Не я, а вы! — Она в упор посмотрела на дядюшку Дзабо и Саламова. — И как похищали: десяток здоровенных молодцов — на одну девчонку! Мне обидно вспоминать об этом. Но есть прошлое, которое я не забуду! Доблесть тех джигитов, что во время походов и войн показывали чудеса героизма, — вот что навсегда, до смертного часа, останется в моей памяти! — Она снова присела на скамейку и уже другим, спокойным и твердым, голосом закончила: — Разве я могу забыть годы войны с фашистами? Разве забуду смерть родных мне товарищей? А могилу бесстрашного мальчугана Валерика Волкова… Ведь я думаю о нем, как о сыне, как о погибшем сыне!.. Сотни тысяч славных джигитов дрались с фашистами не на жизнь, а на смерть… А что делал ты в это время, Саламов?

Саламов рывком поднялся из-за стола; руки его, державшие шляпу, дрожали.

— Ты хочешь напомнить мне о плене? Да, я был в немецком плену… Но разве после войны я не искупил свою вину? Я работал за десятерых, я давал стране лес — тысячи и тысячи кубометров сибирского леса дал я народному хозяйству! Ты, Илита, всегда была справедливой, недаром мы выбирали тебя в Верховный Совет… Почему же сегодня ты несправедливо судишь меня? Почему?

— По-разному можно жить и в плену, — сказала Илита.

Саламов молчал. Затем вдруг заговорил, злобно блестя глазами:

— Всю жизнь несчастья преследуют меня! Был еще мальчишкой, когда отца назвали кулаком… Каково было мне жить с тавром последыша кулака?..

— Ну-ну! — сердито замахал руками Дзабо, будто отгоняя от себя страшные сны. — Что нам вспоминать старое? Кто его вспомнит, тому глаз вон! Пусть у него ночью зубы болят, пусть в дороге его конь падет, пусть зимой его дом сгорит… Не затем мы сюда пришли, чтобы старину вспоминать…

Илита улыбнулась.

— Видите, что получается, — сказала она, поглядывая на Дзабо. — То вы всё на старину кивали, а теперь — конь падет, дом сгорит… Чему же мне верить?

— Ну и язык у тебя, сестра! — Старик покачал головой. — Тебе слово, а ты поперек — двадцать. В мое время женщина на седобородого и глаза поднять боялась…

— Ха-ха-ха! — от всего сердца расхохоталась Илита, блеснув сахарной полоской зубов. — Опять старину вспомнили, дядюшка?

— Ладно. Хватит. Перестань шутки шутить да зубы скалить! — сердито одернул Илиту старик. — Ты Саламову прямо ответь. И извини, если что не так сделали. Может, зря к тебе на работу с этим разговором пришли? Может, домой надо было?

Лицо Илиты снова посуровело. Она резко ответила:

— А какая разница? Что на работу, что домой. И дома, и здесь — везде у меня для вас один ответ. Вы это знаете, дядюшка Дзабо. Так чего же вы от меня хотите? — Она смотрела только на старика, словно тут и не было никакого Саламова. — И пора бы забыть о тех обычаях предков, которые оскорбляют женщину. После революции немало лет прошло, а некоторые все еще жуют старину, назад оглядываются. Неужели не надоело?

Дядюшка Дзабо снял и снова надел свою войлочную шляпу. Затем он заговорил. Слова его звучали грустно, задумчиво.

— Ах, Илита, Илита… Ты еще не знаешь, что такое старость. И ты не вечно будешь молода… Где найдешь ты друга на старости лет? На кого обопрешься? В конце концов, зачем живет женщина, а? Я скажу тебе: чтобы рожать детей, служить украшением семьи, дома…

— Вот мой дом! Вот моя семья! — Илита улыбнулась и показала на малышей, игравших под яблонями. — У меня — сами можете посчитать — сто детишек! Мало? А кроме того, дядюшка Дзабо, есть у меня целый выводок племянниц и племянников. Я с радостью вожусь с ними… Вам, мужчинам, этого не понять.

Дзабо круто повернулся к Саламову. Тот стоял неподвижно,

глядя куда-то в сторону.

— Пойдем, джигит, — окликнул его Дзабо. — Видно, не здесь твое счастье. Она у нас умнее всех, — старик грустно усмехнулся, бросил на Илиту короткий взгляд, — думает, завтра или послезавтра Харитон вернется. Нет, даже на́рты[2] не могли осилить смерть! Харитон умер, а тебе жить надо, понимаешь, жить!

— А я — живу! — отозвалась Илита. — И верю, что надежда сильнее смерти. Всякое случается на свете. Вы знаете, дядюшка Дзабо, бывало, что и похоронку домой пришлют, и в газетах напечатают о гибели человека, а он возьмет и вернется. Вспомните Дахци́ Кубати́ева… И вот вернется вдруг Харитон и увидит, что я с другим. Что скажет он мне? Он скажет: «Изменница». И у меня не будет ответа — ни словечка не будет для него. Стыд сожжет мою душу, испепелит сердце… Дядюшка Дзабо, не нужен мне никто, кроме Харитона. Нет его — я буду одна. Не водите ко мне женихов, прошу вас! А то ведь и я умею сердиться…

— Это мне известно, — вздохнув, произнес старик. Он кивнул Саламову, приглашая его за собой.

Сват покидал территорию детского сада с поникшей головой. А на жениха смотреть было жалко — он словно бы даже похудел за этот час.

ПИСЬМА

Илита проводила гостей до калитки. Затем вернулась обратно, поднялась на крыльцо дома, вытерла слезы, неожиданно набежавшие на глаза, и устало опустилась на стул.

Отсюда хорошо был виден весь дворик и сад, где так беззаботно и весело играли ребятишки. Приглядывая за ними, по дорожкам сада ходила старенькая Бабу́ца, нянечка, следила за озорниками, утешала обиженных, поднимала тех, кто падал в песок или на траву.

Илита взглянула на часы: через двадцать минут обед. Надо было сходить на кухню, заглянуть в столовую, поглядеть, все ли в порядке. Но неожиданный визит Дзабо и Саламова утомил ее, всколыхнул в памяти многие горькие и радостные события. Она сидела, устало положив на колени тонкие, но сильные руки, сидела и думала, вспоминала…

В прошлом году из Куйбышевской области пришло заказное письмо, в котором ее просили сообщить, есть ли в городе Орджоникидзе специальный дом для слепых. Как депутат, она часто получала письма, содержавшие самые различные просьбы. Но это письмо сразу взволновало Илиту. Человек, обращавшийся к ней, сообщил только свой обратный адрес — ни фамилии, ни имени в письме не было. Это и поразило ее. Кто он, этот незнакомец? Откуда ему известно ее имя, отчество и фамилия? Почему он не назвал себя?

Ей пришла тогда в голову радостная и одновременно пугающая догадка: а вдруг это Харитон? Вдруг это он, раненный или контуженный в бою, слепой, теперь живет где-то вдалеке от Осетии, не желая навязываться никому? Разве не бывало так? Бывало, тысячи раз бывало!

Она не спала тогда несколько суток, твердила про себя: жив, жив! Жив и нашелся, написал ей! Пусть слепой! Пусть без руки или без ноги — все равно! Она будет любить его и таким, будет любить так же, как любила всегда, а может быть, и больше! Она поедет и найдет его! Он не станет жить в доме для слепых, ни за что! Разве нет у нее своего дома, разве нет рук, чтобы прокормить любимого человека?

Она взяла отпуск и поехала в Куйбышевскую область, в село, названное в письме… Увы, это был не Харитон, а престарелый осетин, заброшенный сюда в годы войны и желавший вернуться перед смертью на родную землю. Илита сделала для него все, что могла…

Но, как ни странно, после этой, в сущности, напрасной

поездки надежда найти Харитона еще больше утвердилась в сердце Илиты. Нет, она ждет не напрасно! Найдется ее Харитон, обязательно найдется! Это будет чудо, но разве нет чудес на свете? Теперь Илита с трепетом ждала прихода почты, надеясь и веря, что когда-нибудь розовощекая Маша, почтальон, принесет ей драгоценный листик бумаги, исписанный знакомым до боли почерком…

Громкий детский смех вывел Илиту из задумчивости. Она охватила одним взглядом — внимательным и любовным — весь сад, всех ребятишек. Цветы жизни!.. Как хорошо назвал детей Горький! Малыши играют, малыши резвятся, их разноцветные трусики и рубашонки вспыхивают пятнами мозаики в зеленой тени деревьев. Лепестки отцветающих яблонь падают на головы детей, путаются в косичках девочек, ложатся на плечи… Страшно представить себе, что было бы с ними, если б вновь разразилась война. Война… Лучше бы и не слышать этого слова ее питомцам!

Илита вспомнила фотографию в одной из газет: обожженные напалмом детские лица и ручонки, искаженные предсмертной болью глаза вьетнамцев… Когда же это кончится? Что сделать для того, чтобы визгливый и страшный голос войны утих, сгинул?..

Снова звякнула щеколда калитки. Илита настороженно оглянулась: неужели дядюшка Дзабо вернулся?

Во двор детского сада вошла розовощекая, пышущая здоровьем Маша, Она шагала, еще издали улыбаясь Илите. На боку у нее была большая сумка, набитая газетами и письмами.

— Совсем замучили меня твои писатели, Илита! — «Писателями» она называла тех, кто пишет письма. — Ты одна, наверное, получаешь больше писем, чем вся наша Камбелеевка.

Илита улыбнулась.

— А тебе-то что завидовать? — Илита положила руку на плечо почтальона. — Насколько мне известно, тебе нужно всего одно письмо… из Мурманска.

Вся Камбелеевка знала, что жених у Маши служит во флоте, он моряк, и Маша с нетерпением ждет его возвращения.

— Что правда, то правда! — засмеялась Маша. — Но, честно говоря, Илита, завидно мне, скольким людям ты нужна… Пишут тебе и пишут! У меня на плечах мозоли от тяжелой сумки. Раньше-то, когда ты еще не была депутатом Верховного Совета, сумка полегче была. Ну, принимай! — Маша поставила одну ногу на ступеньку крыльца, положила на колено свою почтовую сумку и вытащила из нее толстую пачку писем. — Два из Ленинграда, три из Москвы. И в столице тебя знают, вон куда твоя слава шагнула! А это из Севастополя — сразу шесть писем! Помнят тебя

в Севастополе — ведь ты там воевала, правда, Илита? Эти вот с Урала, одно из Баку, еще одно от какой-то Марико, из Тбилиси… Ох, сразу сумка полегчала! Теперь читать тебе письма не перечитать — до самого вечера хватит. А это газеты и журналы: «Правда», «Дошкольное воспитание», «Мурзилка»… Кажется, все. Наконец-то! — Встряхнув светлыми кудряшками, выбившимися из-под косынки. Маша направилась к калитке. — Будешь отвечать своим писателям — передай им горячий привет от Маши из Камбелеевки!

Каждый раз, получая почту, Илита ждала чуда, ждала письма от Харитона. С волнением перебирала она конверты. Но нет, опять нет… Отложила письма, развернула «Правду», пробежала глазами заголовки. И едва не задохнулась от радости, увидев на первой странице Указ Президиума Верховного Совета СССР о посмертном награждении Валерия Волкова орденом Отечественной войны!

Она перечитывала Указ вновь и вновь. Строчки сообщения мелькали перед глазами, путались. Валерик, милый мой мальчик, бесстрашный, мужественный разведчик! Но о нем ли Указ? Может, были на фронте и другие мальчишки с таким же именем и фамилией?

Торопливо перевернула страницу и сразу же увидела в уголке фотографию знакомого, родного лица. Он! Тут и статья о нем: Валерий Волков, юный пионер-разведчик, погиб при обороне города-героя Севастополя.

Валерик! Матросы-разведчики звали его ласково — Волчонком. Сколько же лет прошло с того дня, как он погиб? Больше двадцати, а кажется, все это было только вчера. Худенькое мальчишеское тело опустили в могилу, поставили на холмике камень с выцарапанной штыком надписью. Грянул залп — это матросы-разведчики прощались с юным героем… Неужели минуло с тех пор столько лет?

Илита, сама того не замечая, вытерла бегущие по щекам слезы.

К дому, под командой старенькой Бабуцы, парами шли дети: наступило время обеда, за которым следовал тихий час. Одна из девочек, заметив слезы на глазах Илиты, бросилась к ней. В одно мгновение ряды смешались; теперь все дети толпились около Илиты.

— Мама Илита! Ты почему плачешь? — наперебой спрашивали они. — Кто тебя обидел?

Девочка, подбежавшая к Илите первая, начала объяснять другим:

— Она читала газету и вдруг заплакала…

— Ну что вы, дети, — заговорила Илита, — газету я получила хорошую…

— А сама плачешь! — попыталась уличить ее девочка.

— Это я от радости, что и Валерика моего не позабыли. Помните, я рассказывала вам о Валерике? Его убили фашисты в Севастополе.

— Помним! Помним!.. — раздалось со всех сторон.

— Посмотрите, какой он был. — Илита подняла газету с фотографией маленького героя.

— Сразу видно, что смелый, — сказал шестилетний Максим.

— Это ты правильно заметил, — подхватила Илита. — Валерик был очень смелым мальчиком…

Бабуца зазвонила в небольшой колокольчик: звала на обед.

— Ну, идите, дети, идите, обед на столе стынет, — заторопила своих питомцев Илита.

— А вечером ты нам снова расскажешь про Валерика? — спросил шустрый Максим. — Расскажешь, а, мама Илита?

— Обязательно!

* * *

Поздно вечером, когда аул уже спал, Илита, сидя у себя в комнате, просматривала полученную почту. Прочла письма от защитников Севастополя, от боевых друзей. Много лет минуло с тех пор, как кончилась война, но в радостный День Победы, когда память снова воссоздает события военных лет, ее однополчане, фронтовые товарищи, всегда вспоминали о ней. Илита долго сидела молча, глядя на огонь прикрытой зеленым абажуром настольной лампы, а видела прошлое: лица тех, кто, пройдя горнило войны, остался в живых, лица погибших…

Было много писем от девушек, от тех, кто только еще начинал жизнь. Молодежь спрашивала, как Илита стала летчицей, в какой летной школе училась, на каких самолетах летала. Участвовала ли в воздушных боях с фашистами, сбивала ли их самолеты? А кем была до войны, до того, как попала на фронт?.. Вопросы, вопросы, вопросы, и на каждый надо было ответить.

А вот письмо из-за рубежа, из Болгарии. Илита положила перед собой аккуратно исписанный листок. Что же пишут ей из солнечной Болгарии?

«Несколько дней назад в журнале «Рабоче-крестьянский корреспондент» я и мои подруги

прочитали статью о подвиге Валерия Волкова. Несколько строк там было посвящено и Вашей жизни, дорогая Илита. Я люблю и уважаю храбрых, мужественных людей, и поэтому мне хотелось бы познакомиться с Вами лично, а пока хотя бы завязать дружескую переписку. Хорошо, если б Вы смогли приехать в наш, город. Мы — я и мои подруги — были бы так рады! Нам всем очень хочется познакомиться с Вами и узнать подробности Вашей боевой жизни. Как Вы воевали? Люди должны знать своих героев, а ведь Вы — самая настоящая героиня! Вы — первая женщина-осетинка, поднявшаяся в небо. Примите наш самый сердечный привет. Желаем Вам отличного здоровья И большого счастья во всем, во всем!

Ваша болгарская подруга Катя Манева.

Мы с нетерпением будем ждать ответа!»

Опять тот же вопрос: как она воевала?

Но разве ее дорога в небо началась в сорок первом? Если уж говорить о фронтовых делах, если говорить о том, как стала она летчицей, то прежде всего надо вспомнить детство и юность.

ДОРОГА В НЕБО НАЧИНАЕТСЯ НА ЗЕМЛЕ

Серые сакли с плоскими крышами прилепились, словно ласточкины гнезда, к каменистому склону Даргáвского ущелья. Здесь стоит аул Южный Ламардóн, в одном из жилищ которого родилась Илита.

Отца ее звали Крим, по-русски — Кирилл; а мать — Ама, или Анюта. Сколько помнила Илита своих родителей, они всегда работали, всегда были заняты делом: прокормить такую большую семью — не шутка. Семь девочек и один мальчик. Как говорится, целая орава. И каждый ребенок прожорлив, словно галчонок, каждый просит: «Есть! Есть! Есть!»

Дауровы владели маленьким клочком земли, таким маленьким, что, по выражению Крима, его можно было бы прикрыть буркой. Обычно удавалось собрать с участка всего несколько пудов зерна — овса или ячменя. Семья жила бедно. Отец частенько уходил с другими бедняками в горы ломать камень; алдáры — князья за бесценок скупали этот камень для своих построек. Илита помнила, как ее сестры вместе с подружками летом и осенью ходили в горы, собирали ягоды и дикие яблоки, — даже это считалось тогда лакомством.

Кончилась гражданская война. В 1921 году, когда на Северном Кавказе окончательно установилась Советская власть и у алдаров отобрали земельные наделы, жители аулов, ютившиеся на каменных бесплодных уступах гор, переселились в зеленую плодородную долину. Это было ранней весной, и Ама всю дорогу несла свою меньшенькую — Илиту — на руках. Горцы, в сбитых сапогах, в драных бурках, шли по этой благословенной земле, все еще не веря, что отныне она будет принадлежать им, что времена нищеты и голода ушли навсегда.

Жители Южного Ламардона остановились на берегу буйного, скачущего по камням Терека. Первой заботой переселенцев было построить хотя бы шалаши, времянки, чтобы как-то укрыть детишек и стариков от ненастья. А уж потом, позже, предстояло подумать, как поставить настоящие дома, в которых можно будет жить по-человечески.

Свое новое село переселенцы назвали Фарн. Почему? Да потому, что «фарн» — на осетинском языке — означает счастье, благополучие, изобилие, богатство! Какой мог быть «фарн» у ламардонцев до революции? Ведь тагаурские алдары, всесильные в этом краю, не только лишили бедняков земли, они запретили свободу передвижения от села к селу. Нельзя было, например, без их разрешения проехать ущельем; тех, кто осмеливался нарушить

этот порядок, били плетьми, сталкивали с горных круч.

Самый большой фарн для народа — земля! И вот ламардонцы, так же как и другие горцы, получили свою долю счастья: революция освободила их от пут тагаурских алдаров, дала тучную и щедрую землю на равнине. Изнемогавший в борьбе с нищетой старый Крим Дауров воспрянул духом: ему отвели земельный надел не только на него, но и на сына, на Аму, на семь дочерей. Это был самый настоящий фарн, и притом неожиданный! Крим даже помолодел, распрямил спину, согнутую многими годами непосильной работы. Сейчас он смотрел в будущее радостно и легко.

Через два года Крим поставил на берегу Терека новый просторный дом. Вокруг насадил плодовых деревьев и кустарников: пусть радует детишек зелень, пусть лакомятся они вкусными и сочными яблоками и грушами! Дети росли быстро, хотя Крим и не кормил их одним медом и маслом. Да, с питанием стало лучше. Только вот с одеждой не все было ладно: ходили дети в обносках, чаще всего босиком. Но, признаться, это их не очень печалило. В зной они плескались в пенящейся воде Терека, зимой стайкой бегали в школу; здание новой школы возвышалось в самом центре села; рядом с аулсоветом, и было хорошо видно издалека.

Крим долгим взглядом провожал своих детей, спешивших в школу. И не он один — Илита тоже оставалась дома; для школы она была еще мала. С обидой и великой завистью глядела она вслед своим сестрам: вот бы и ей взять в руки книжку, сесть за парту! Учительница сказала, что примет Илиту в школу на следующий год. Хоть бы он поскорее пришел, этот следующий год!

А Крим уже шел к каменным и плетневым сараюшкам — теперь у него завелись в хозяйстве и куры, и гуси, и овцы.

Да, круто повернула жизнь к фарну!

Илита росла смелой, бедовой. Пошла учиться в школу и училась хорошо. В пионерском отряде была первой заводилой. Родители иногда говорили, что она заменяет им второго сына, которого они так и не дождались. Илита не боялась проехаться верхом на самых норовистых конях, не хуже любого мужчины запрягала лошадей в арбу, помогала отцу во всех его мужских делах, хотя никто ее об этом и не просил. Она любила мальчишеские, смелые и озорные игры, и часто случалось, что сверстники-мальчишки признавали ее своим атаманом.

Когда Илите исполнилось девять лет, отец научил ее обращаться с охотничьим ружьем; Крим считался одним из лучших охотников в округе: на его счету были десятки туров и

волков. Илите доставляло гораздо большее удовольствие стрелять из ружья, чем пеленать и баюкать тряпичных кукол, которыми развлекались в детстве шесть ее сестер, «Ты должна была родиться джигитом, — не раз говорил ей отец. — У тебя, дочка, мой характер».

Вечерами неподалеку от нихáса[3] играла гармошка. Молодежь веселилась, пела, отплясывала бурную, как Терек, лезгинку. Конечно, Илита не могла усидеть дома. Звуки гармошки звали ее, заставляли ее сердце стучать громче и радостнее.

Илита так отплясывала лезгинку, что самые отчаянные мальчишки сходили с круга, а взрослые, глядя на огневой танец, только одобрительно покачивали головами и цокали языком: «Ой, джигит!» Слух о ее смелости и лихости распространился по всему селению особенно после того, как она, выбежав ночью во двор с отцовским ружьем в руках, обратила в бегство трех воров, пытавшихся увести у Дауровых корову. «Повезло тебе, дорогой Крим, наградил тебя бог дочкой — любому парню сто очков вперед даст!» — восхищались соседи.

Осенью 1934 года в селении Фарн был большой и радостный праздник: в гости к горцам приехал всесоюзный староста — Михаил Иванович Калинин. Отмечалось провозглашение автономии Осетии. Илита запомнила этот день на всю жизнь.

Михаил Иванович и сам стал похож на горца; сельчане подарили ему белую праздничную черкеску, кинжал и папаху, и он, весело поблескивая очками, сидел в этом наряде среди самых уважаемых стариков селения и пил традиционное для торжественных дней ячменное пиво.

Был митинг, и было сказано много радостных и красивых слов. Но особенно весело было Илите вечером, когда она в черкеске лихо танцевала на площади. Танец и музыка опьяняли ее, она чувствовала себя быстрой птицей; она летала над землей, еле касаясь ее кончиками сафьяновых ичигов. Калинин смотрел на Илиту с восхищенной, доброй улыбкой. А когда умолкла музыка, он все с той же улыбкой поманил ее к себе. Она подбежала и, как водится у осетинских девушек, поклонилась дорогому гостю. Счастье и радость переполняли ее сердце.

Калинин взял Илиту за руку, посадил рядом с собой. И — надо же было так случиться! — именно в этот момент с головы Илиты свалилась мужская папаха, и на ее плечи, на серую ее черкеску упали толстые черные косы. Михаил Иванович не просто удивился, он растерялся. Сняв очки, он несколько минут с изумлением разглядывал Илиту.

— Так ты девушка? — воскликнул он наконец и,

рассмеявшись, широко развел руками. — Ну, теперь я вижу, что не зря про осетинский народ ходит столько легенд! Уж если у вас девчата такие, какие же у вас парни!..

Он крепко обнял Илиту, а подоспевший фоторепортер запечатлел эту сцену: девушка-осетинка в черкеске и всесоюзный староста радостно, доверительно улыбаются друг другу…

Недавно Илиту приняли в комсомол. Когда аулсовету дали для распределения две путевки в пионерский лагерь Артек, одну из них было решено предоставить Илите.

В Артеке Илита впервые увидела Харитона. Высокий, стройный, с густой шапкой черных смоляных волос, он сразу привлекал к себе внимание; серьезность и обстоятельность его суждений заставляли окружающих относиться к нему с большим уважением.

Харитон работал пионервожатым в отряде, где в основном были дети испанских революционеров. Совсем недавно их привезли в Советский Союз. В Испании, на родине этих мальчишек и девчонок, шла воина: под Барселоной, на подступах к Мадриду, на полях Астурии рабочие и крестьяне сражались с фашистами, вооруженными до зубов пушками и танками Гитлера и Муссолини. Маленькие испанцы еще жили этими сражениями; по ночам некоторые из них просыпались с криком, в котором были боль и страх; им казалось, что они участвуют в кровавых боях, что они защищают свою многострадальную родину.

Вечерами под крупнозвездным южным небом вспыхивали пионерские костры, и испанские ребята, словно став выше и сильнее, пели мужественные, гордые песни. Илите перевели слова Пассионарии — Долорес Ибаррури, ставшие лозунгом борцов с фашизмом: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях».

Костер медленно угасал, головешки покрывались серым налетом пепла, тьма, будто хищное животное на мягких лапах, медленно подступала к пионерам, и тогда они, бросая вызов этой тьме, всему черному и злому на свете, кричали, поднимая над головой крепкие кулаки: «Но пасаран!»

Илита и Харитон верили, что фашизм действительно не пройдет, что народ окажется сильнее франкистов. Харитон доверился Илите: он мечтает стать летчиком, чтобы защищать Мадрид и Валенсию, Барселону и Сарагосу. Илита завидовала ему: «Ах, если бы я была парнем!» Да, если б она была парнем, во что бы то ни стало пошла в летчики, села за штурвал самолета, сразилась бы с фашистскими стервятниками, безнаказанно убивающими мирных и свободолюбивых испанцев!

Она не очень-то верила в возможность стать летчиком — у Харитона это получится, у нее нет, — но с некоторых пор, видя

самолет в небе над Артеком, всякий раз запрокидывала голову и долго-долго следила глазами за тающей в кисее облаков машиной.

Так пришла мечта о полетах в небе. Конечно, эту мечту подарил Илите Харитон. Она, хотя и неосознанно, была влюблена в него, и желание быть равной ему, достойной его, питало эту мечту, словно родник целину.

Вернувшись домой, Илита все так же горячо мечтала об авиации. Пусть это случится не сегодня, не завтра, а через год, через три, но когда-нибудь ее мечта осуществится, — настанет время и Илита поведет крылатую железную птицу над родным Фарном, над Осетией!

Она поделилась своими мыслями с отцом. Тот только усмехнулся, с укором покачав головой.

— Не женское это дело — в небе летать, — сказал он. — Оставь самолеты мужчинам, джигитам, у них и сердце потверже, и руки сильнее. Ну где ты видела, чтобы женщины летали? Нет, Илита, ты у меня будешь врачом…

— А Осипенко? А Раскова? — спорила Илита. — Ты ведь читал про них в газетах! Они пролетели на самолете двенадцать тысяч километров!

— Читать-то читал, — Крим пожал плечами, — но ведь таких героинь на весь Советский Союз две или три. Уж если тебе так нравятся машины, если ты без них жить не можешь, иди в МТС, садись на трактор. Вот Ангелина и Демченко не лезут в небо, им и на земле дела хватает…

Илита замолчала. Отец упрям, он будет стоять на своем, его так сразу не переубедишь. А может, в том, что он говорит, есть доля правды? Может, путь в небо действительно начинается с земли?

Все газеты сейчас полны материалами о Паше Ангелиной и Марии Демченко. В Фарне только и разговору что о них. Молодцы! В короткое время освоили трактор, выехали на поля и стали работать так, что всех мужчин завидки берут.

Илита в это время работала в полеводческой бригаде. Руководил бригадой молодой, но опытный, знающий кукурузовод — Мылыхо́ Цора́ев. Так вот, она не раз замечала, как Мылыхо вздыхает украдкой, разглядывая портреты героинь, а ведь сам тоже не обойден вниманием. Откуда только не приезжали к нему корреспонденты! Сколько раз фотографии его появлялись на страницах газет. Но слава Паши Ангелиной и Марии Демченко была ярче, романтичнее. Их пример казался факелом, освещающим будущее миллионов советских девушек.

Для Илиты мечта о небе не умерла. Эта мечта словно бы

отошла в сторону, и, раздумывая над примером Паши Ангелиной и Марии Демченко, решая свое будущее, Илита всегда помнила о ней. Быть врачом, как того хочется старому Криму? Спорить нечего, это и интересно, и почетно. Но Илиту тянет в небо. И не будет для нее большего счастья, чем надеть шлем летчика и сесть за штурвал самолета.

Однако до этого было еще далеко…

Как-то ранней весной, в один из теплых дней, на площади Фарна состоялось общее собрание колхозников. Представитель райкома партии прочитал обращение Ангелиной и Демченко к девушкам и женщинам, живущим на селе.

> «Все на колхозные поля, дорогие друзья! На тракторы, сестры! — говорилось в нем. — Пусть придет изобилие на наши поля, в наши дома!»

Следом за представителем райкома выступил бригадир Мылыхо Цораев. Картинно сбив на затылок смушковую папаху и горячо размахивая руками, он рассказывал собравшимся о значении трудового подвига Ангелиной в Демченко.

Как это было заведено испокон веков, девушки и женщины стояли в стороне от мужчин и стариков. Говоря по правде, они были смущены тем, что представитель райкома и Мылыхо обращались именно к ним.

— Я уверен, дорогие сестры, — говорил Цораев, озорно поблескивая темными глазами, — среди вас найдутся и Паши Ангелины и Марин Демченко! Не обязательно, чтобы каждая из вас стала трактористом. Но почему бы вам не организовать свои, женские звенья? Выходите на родные поля, покажите свое мастерство и силу!

Мылыхо приостановился, улыбнулся с хитрецой, постучал себя в грудь костяшками пальцев.

— Ясное дело, меня вы не обгоните. А может быть, кто-то попытается обогнать? Хотел бы я посмотреть, у кого это получится…

Девушки Фарна застенчиво молчали. Ни одна из них не могла набраться храбрости, чтобы выступить на таком большом собрании. Ну как будешь говорить, как раскроешь свою душу, если рядом мать, отец, самые почтенные люди селения — седобородые старики?

Учитель Тузáр незаметно подошел сзади к Илите и прошептал:

— Иди, не бойся. Ты ведь недавно на комсомольском собрании очень хорошо говорила. Скажи и здесь.

Илита отрицательно покачала головой.

— Зря боишься, — продолжал убеждать ее учитель. — Почему бы людям не узнать, что вы решили организовать комсомольское звено? Кто-то должен заговорить первый. Помнишь нашу пословицу? В дороге дальней надо только раз хлестнуть коня, на площади большой — сказать правдивое слово… Скажи это слово, Илита, не робей!

Илита с трудом пересилила себя. Она вышла к трибуне и, чувствуя, как вдруг стало жарко ее щекам, рассказала, что она и ее подруги решили делом ответить на призыв Ангелиной и Демченко — они создадут комсомольское звено и будут выращивать кукурузу.

Наступило лето, потом пришла осень. И тогда выяснилось, что комсомольское звено Илиты Дауровой сдержало свое обещание вырастить богатый урожай.

Поработали девушки на славу, что называется, в грязь лицом не ударили. Той же осенью на первой странице «Известий» появилась фотография: девушки Фарна во главе с Илитой стоят посреди высоких зарослей кукурузы, веселые и счастливые.

Много писем получила тогда Илита от девушек страны, но самым дорогим и неожиданным было письмо от Харитона. Он учился в военном училище, жил в Ленинграде. Харитон писал, что скоро окончит учебу и поедет в часть. Куда пошлют — пока не известно. А сейчас он ежедневно поднимается в небо, совершает учебные полеты — мечта его жизни сбылась! Он писал, что очень рад за Илиту и ее подруг: шутка ли, на одном участке они сняли с каждого гектара шестьдесят семь центнеров кукурузы, а на другом тридцать два центнера пшеницы!

Звено Илиты заняло в области первое место, опередив все другие звенья бригады Мылыхо Цораева. После уборки урожая районный агроном написал даже брошюру об успехе девушек.

Так впервые пришла к Илите слава. Но не этой славы хотелось ей. Письмо Харитона с новой силой пробудило в Илите давнюю, неувядаемую мечту — летать!

Она завела альбом, в который вклеивала заметки об авиации и фотографии женщин-летчиц. И достаточно было ей просмотреть эти вырезки, как сегодняшний день отступал и перед глазами Илиты нескончаемой чередой проходили картины ее будущей, романтической и прекрасной летной жизни.

Разглядывая лица Осипенко и Расковой, она стискивала маленькие кулаки и твердила себе: «Я буду летать! Все равно буду! Непременно!»

И уверенность, что все будет именно так, крепла в ней день ото дня.

Боясь насмешек, Илита никому не поверяла своей мечты.

Знал об этом лишь старый Крим.

А потом? Что же было потом?

Словно счастливый ветер удачи подхватил Илиту и понес ее в самое сердце страны — в Москву.

Но до этого была короткая поездка в Орджоникидзе. Именно там Илита узнала счастливую новость. Зимним вечером она возвращалась в родной Фарн, не чувствуя под собой от радости ног. Ну разве это не чудо? Она едет в столицу, она — делегат Чрезвычайного съезда Советов!

Дома ждали ее с нетерпением. Сестры наперебой обнимали и целовали Илиту, а мать то и дело украдкой вытирала слезы.

Отец встретил ее недоверчиво.

— Это правда, что ты едешь в Москву? — спросил он.

— Правда, отец! Меня выбрали делегатом на съезд. — Волнуясь, Илита прикрыла лицо руками. — И все столько хорошего говорили обо мне, прямо совестно было слушать…

— Чего же тут совеститься? Ты эту честь заслужила, — возразила мать, собирая на стол ужин. — Садись, доченька, поешь. Устала, наверно…

— Делегатом… — проворчал отец. — А не слишком ли тебя поднимают? Мы уже отправляли делегатов в Москву к Михаилу Ивановичу Калинину. Пожилые, почтенные люди поехали — Цымырза́, Хату́, Уа́линка, наш председатель колхоза…

— Это были колхозные делегаты, отец, — заговорила Илита. — Помнишь, когда в Фарн приезжал Калинин, ему начислили трудодень. Так вот, Цымырза, Хату, Уалинка и председатель колхоза ездили в Москву, чтобы передать Михаилу Ивановичу зерно, шерсть, мед. Я слышала, что Калинин принял подарок и передал все продукты детскому саду. А сейчас в Орджоникидзе были выборы делегатов от всей Осетии. Мы будем утверждать новую Конституцию!

Крим смотрел на дочь внимательно, серьезно. Ни тени улыбки не было на его лице.

— А кого еще выбрали? — спросил он.

— Из Фарна? Мылыхо Цораева.

— Ах, Мылыхо! — Крим удовлетворенно кивнул головой. — Он, конечно, достоин. А вот с тобой, право слово, поспешили! Неужели во всем селении не могли найти человека более серьезного? Быть на съезде, обсуждать государственные дела, выносить решения — для этого надо обладать мужским умом! А ты еще совсем девчонка…

Ну, насчет «мужского ума» отец явно перегнул палку. Хоть у

многих звеньевых и мужской ум, однако Илита с подругами оставила всех их позади. В одном отец прав: молода она, чтобы на равных разговаривать с самыми мудрыми, самыми знатными людьми страны.

Сказать по чести, Илита и не предполагала, что ее изберут делегатом на Чрезвычайный съезд. Она была поражена, когда в зале назвали ее имя, а затем все присутствующие дружно проголосовали за нее…

Конечно, старый Крим ворчал только для вида. В глубине души он был рад за Илиту, гордился ею. Растут дети, мужают, слава, словно ручной сокол, садится к ним на плечо. С той поры как семья перебралась в долину, жизнь наладилась. Появился достаток. Дети выучились. И Крим рад, что все они нашли свое счастье. О старшей дочери, доярке, жившей с мужем в соседнем селе, не раз писали газеты, хвалили ее. Другая дочь, Катя, по призыву комсомола поступила на Бесланский маисовый комбинат, работает лаборанткой. Это совсем недалеко от дома Крима — стоит только перейти Терек. С этого берега, из Фарна, хорошо видны светлые корпуса комбината.

Крим всегда с интересом слушает Катины рассказы о работе. Оказывается, в цехах комбината из кукурузного зерна изготавливают сахар, крахмал, кукурузное масло… Да мало ли что еще делают на этом предприятии — Крим никогда не мог запомнить всего.

Катя домой возвращается поздно — общественных нагрузок у нее тоже хватает. Бывало, зимой, когда рано темнело, Крим подзывал Илиту: «Ну-ка, дочка, надевай мою шапку, шубу, возьми ружье и беги встречать Катюшу!» Гордясь отцовским поручением, Илита спешила к мостику, что висел над Тереком. Завидев в полутьме фигурку сестры, начинала насвистывать веселую песенку. Да, у Илиты еще в детстве выработался смелый, независимый и гордый характер. С таким характером она многого добьется!

Другие дочери у старого Крима тоже хороши. Зина будет врачом, Тамара мечтает стать учительницей в родном Фарне. И сам Крим, несмотря на годы, не думает уходить на покой — сколько еще надо построить и жилых домов, и колхозных помещений. Руки у него крепкие — молодые могут позавидовать. Они уверенно держат мастерок и топор. Глаза тоже видят зорко. В общем, работу его в колхозе ценят. Считай, каждый праздник им с Амой дают почетные грамоты и премии. Нет, теперь жить можно, не то что раньше, при алдарах.

* * *

В пути от Орджоникидзе до Москвы Илита подолгу стояла у окна вагона, не переставая восхищаться и радоваться. Как велика и прекрасна Россия! Мимо проносились поля и леса, грохотали мосты, лежали закованные льдом реки, по вечерам сияли бесчисленными огнями города…

Мылыхо Цораев и другие делегаты из Осетии тоже все время тянулись к окнам, с нетерпением ожидая когда же кончится бесконечная, как им казалось, дорога. Всем хотелось поскорее взглянуть на Москву — может, только двое или трое из всей делегации и бывали раньше в столице.

На вокзале их тепло и радушно встретили, рассадили по машинам и отвезли в гостиницу. И хотя был уже поздний час, Илита и две девушки, с которыми она подружилась в дороге, решили пойти на Красную площадь, к Мавзолею Ленина.

Уже зажглись огни; бесчисленными светлыми бусинами фонари разбегались во все стороны — по улицам и площадям огромного города. Падал снег, пронзительный холодный ветер взметал белые языки и, крутя и расшвыривая их, гнал поземку по брусчатке Красной площади. Поднимались в небо шпили Исторического музея, над круглым куполом за стеной Кремля трепетал в свете невидимых прожекторов красный флаг.

А вот и Мавзолей. Илита и ее подруги остановились, не в силах отвести взгляда от больших букв на мраморе: «Ленин».

По обе стороны Мавзолея, присыпанные снегом, выстроились голубоватые ели.

Вдруг, нарушая тишину площади, звонко и сильно ударили куранты на Спасской башне. И тотчас же в воротах показались три красноармейца. Они шли, печатая шаг, по-парадному вскидывая ноги. Вот прошагали мимо Илиты и ее подруг. Вот приблизились к Мавзолею и стали на пост у дверей.

Это была смена караула.

Илита смотрела на твердые, мужественные лица красноармейцев, охранявших покой Ленина, и завидовала им. Доверили бы этот пост ей — хоть на часок!

Мрамор Мавзолея был покрыт морозным инеем, но имя вождя по-прежнему ясно выделялось на камне. Илита повторяла про себя: «Ленин». И еще раз — «Ленин», и мысленно связывала с этим великим именем всю свою небольшую жизнь: историю создания Фарна, пионерские дела, школу, поездку в Артек, работу на кукурузных полях…

В гостиницу они вернулись поздно. Илита долго не могла уснуть — ворочалась с боку на бок, вставала, пила воду. Но уснуть все же было надо: утром открывался съезд, хотелось, чтобы внимание и память были ясными. Она уснула после того,

как куранты на Спасской башне пробили два. Но спала она тоже беспокойно: боялась, как бы не опоздать к открытию съезда. Утром долго расчесывала перед зеркалом волосы и заплетала свою длинную черную косу. Нарочно отпустила ее и, глянув в зеркало, удивилась: коса чуть ли до щиколотки не доходила. Потом надела специально сшитый к съезду национальный костюм с позолоченными застежками на груди, новые туфли, накинула на плечи нарядную косынку.

Одна из подруг не выдержала:

— Красивая ты, Илита!

Илита задорно рассмеялась. Ей была приятна эта неожиданная похвала.

— И ты тоже, — ответила она подруге.

Сегодня весь мир, все люди казались Илите красивыми, празднично прекрасными!

Мылыхо Цораева и других делегатов из Осетии девушки встретили в вестибюле. Мужчины тоже были в национальных костюмах. На бригадире ладно сидел белый бешмет. Черная черкеска была стянута в талии серебряным поясом; каракулевая шапка подвинута на брови; сапоги блестели так, словно хотели соперничать с зеркалом. В общем, собрался Мылыхо Цораев будто на свадьбу.

За завтраком Илита почти ничего не ела — очень волновалась. Что ждет ее в Кремле? Увидит ли она на съезде руководителей партии и правительства? В Кремль решили идти пешком, хотя у подъезда гостиницы делегатов ожидали машины. Уж очень хотелось увидеть Красную площадь при ярком солнечном свете, — день как раз выдался светлый, ясный, безоблачный.

Они шли в ярких национальных костюмах, и все прохожие оглядывались им вслед.

Вот наконец и Кремль. В вестибюле большого здания Мылыхо и его друзья скинули мохнатые бурки, приняли пальто у девушек и передали одежду гардеробщице. Потом вся группа осетин не торопясь поднялась по широкой, покрытой ковром лестнице на второй этаж. Сбоку кто-то щелкнул затвором фотоаппарата, затем еще и еще. Наверху, в большом зале, Илита увидела кинооператоров, которые суетились возле большой съемочной камеры, стоящей на трех ножках. Один из операторов случайно взглянул на Илиту и вдруг заспешил к ней:

— Простите, вы не Илита Даурова из Осетии?

Илита кивнула.

— Подождите, сейчас мы кончим съемку.

Он исчез, но на смену ему тут же появился высокий и

толстый человек — тоже фоторепортер. Без лишних слов он нацелился на группу осетин своей «лейкой». Затем вспыхнул магний, вспыхнул так неожиданно, что Илита вздрогнула, и фоторепортер, сказав: «Большое спасибо!» — куда-то умчался.

Илита была смущена этим вниманием. Она растерялась и, когда группа осетин вошла в зал, свернула в сторону. Не глядя юркнула в первую же попавшуюся дверь.

Здесь тоже хозяйничали фотокорреспонденты. Они снимали большую группу людей, среди которых большинство было военных. В одном из военных Илита сразу узнала Климента Ефремовича Ворошилова. Неужели это он — человек легендарной храбрости, знаменитый командарм гражданской войны? О, точно он! А что это за человек с маленькой, аккуратной бородкой, стоящий в самом центре? Калинин! Это ведь перед ним танцевала она в Фарне! Это он хвалил ее за лихость!

Ей было неудобно стоять на виду у всех. Она собралась уже повернуться и уйти. Но в этот миг к ней быстро подошел какой-то военный.

— Вы, по-видимому, с Кавказа? — спросил он. — Сделайте одолжение, сфотографируйтесь с нами. — Он посмотрел на Калинина. — Вы присоединяетесь к моей просьбе, Михаил Иванович? Рядом с такой розой и мы, мужчины, будем выглядеть красивее!

— Конечно, присоединяюсь! — Калинин улыбнулся и, прищурившись, стал разглядывать Илиту. — Тем более, что мы, кажется, знакомы…

— Знакомы, Михаил Иванович, — еле слышно пролепетала Илита. — Вы приезжали к нам в Фарн, в Осетию.

— Вот-вот!

Илита перевела взгляд на военного, который пригласил ее сняться вместе с группой. Где она могла его видеть? Что-то очень знакомое было в лице этого высокого, стройного мужчины. Тухачевский!.. Конечно» это он! Теперь Илита вспомнила: она видела Тухачевского на портретах — и в газетах, и в журналах. Как она сразу не узнала это чеканное лицо с пристальными, умными глазами?

Когда фотографы закончили свою работу, группа распалась на несколько кучек. Люди окружили Калинина и Ворошилова, завязалась оживленная беседа. Тухачевский так и не отошел от Илиты. Усадив ее рядом с собой, он принялся задавать ей один вопрос за другим: кто она, откуда, как вышло, что такую молодую избрали на съезд, похвалил ее костюм.

Илита не очень хорошо говорила по-русски, но все же сумела ответить на вопросы маршала.

— А что вы собираетесь делать в ближайшие годы? — спросил ее Тухачевский. — По-прежнему собирать кукурузу?

— Нет. Я хочу… — Илита лишь одно мгновение помедлила, — хочу в летную школу. — Она твердо и прямо посмотрела в лицо маршалу.

— Ого! — Тухачевский, видимо, о чем-то подумал — морщинка легла на его крутом, высоком лбу. Потом с сомнением покачал головой, словно отбрасывая недавнюю мысль. — Боюсь, что не по плечу себе дело выбрали. Хотя… — Он снова задумался. — Однако зачем же бросать дело, в котором вы добились таких значительных успехов? Вы умело выращиваете кукурузу, вы даете стране хлеб — нет ничего выше и благороднее этой работы! Вот взяли бы и поступили в Сельскохозяйственную академию имени Тимирязева…

Илита молчала.

— Значит, не соглашаетесь со мной? — улыбнувшись, спросил Тухачевский.

— Нет, — сказала Илита. — Я буду летчиком, обязательно буду! Это моя мечта… давняя мечта…

— А вы, оказывается, упрямая девушка! — Тухачевский улыбнулся еще шире. — Ну что ж, желаю вам успеха и буду рад, если ваша мечта осуществится!

Илита чувствовала, как пылает ее лицо. Вот если бы увидел ее Харитон в эту минуту! Как она стоит рядом с Тухачевским и прославленный маршал пожимает ей руку! Интересно, что бы он сказал?

Только где сейчас Харитон? Давненько от него не было писем. Илита даже беспокоиться стала. Но, может быть, послали Харитона так далеко, что оттуда целый месяц письма идут? И это могло случиться…

Кто-то окликнул Тухачевского. Ласково попрощавшись с Илитой, он ушел.

Так начались для Илиты незабываемые дни в Москве. С утра она отправлялась в Кремль, устраивалась на одном из мест, предназначенных для осетинской делегации, и слушала речи самых знатных, самых известных людей страны. Говорили они о том, что дала народу Советская власть, подводили итоги проделанной работе, смело заглядывали в завтрашний день.

Илите посчастливилось несколько раз беседовать с Пашей Ангелиной и Марией Демченко. Обе они собирались поступать в Сельскохозяйственную академию имени Тимирязева. Чувствовалось по их словам — крепко они любят землю, которая кормит их, готовы отдать своему делу все силы.

Говорили героини так взволнованно и горячо, что Илита как-

то даже усомнилась в своем выборе. Кто знает, может быть, действительно профессия летчика — это не ее призвание? В словах Тухачевского была своя правда: Илита научилась хорошо выращивать кукурузу, она дает стране хлеб, и выше, благороднее этого дела нет ничего на свете! Что же, тогда надо вслед за Пашей Ангелиной и Марией Демченко идти в Сельскохозяйственную академию?

Но эти новые мысли недолго владели Илитой. Сердце спорило с ними и побеждало. Сердце девушки рвалось в небо. Дрожь радостного волнения охватывала его, когда Илита представляла себя за штурвалом самолета.

Нет, она не изменит своей мечте, не может изменить! Она станет летчиком! Стране сегодня нужны не только хлеборобы, но и военные летчики тоже. Кто-то ведь должен защищать мирный труд той же Паши Ангелиной, той же Марии Демченко, труд миллионов раскрепощенных революцией людей!

Тухачевский пожелал ей удачи. Он сказал, что будет рад, если мечта ее осуществится. И она должна осуществиться!..

В мире неспокойно. Итальянские фашисты оккупировали одинокую, беззащитную Абиссинию. Испанские фалангисты продолжают бомбить Мадрид, стирают с лица земли поселки басков и деревни каталонцев. Все труднее и труднее отстаивать свои позиции обескровленным республиканцам. Во многих капиталистических странах солдаты и полицейские бьют рабочих и крестьян, гноят их в тюрьмах; от стонов обездоленных и голодных пролетариев содрогается земля…

Трудно, невозможно видеть страдания трудящихся, сердце зажигается огнем мщения, слыша их стоны…

Харитон не зря стал военным летчиком. Для него эта профессия — не только романтика полета, не просто покорение воздушной стихни. За штурвалом военного самолета — бомбардировщика или истребителя, все равно, — он чувствовал себя защитником родного края, родной страны; он сильнее других ощущал, как горячо пламя войны, и был готов сделать все, чтобы не дать ему ворваться на землю Родины.

Илита пока что только мечтала стать летчиком — далеко еще было до исполнения этой мечты! Но мысли Харитона, высказанные им в Артеке, стали тоже ее кровными мыслями. Мало ли что может случиться в этом неспокойном мире? Вдруг обнаглеют фашисты и полезут на Страну Советов? Тогда не одному Харитону — и ей, Илите, обязательно найдется место за штурвалом самолета.

Ясно, агрономом быть почетно. Хлеб нужен каждому человеку, в том числе и летчику. Агроном — покровитель и

хозяин полей, хозяин той самой земли, на которую его предки не смели ступить свободно. Агроном — сеятель и кормилец. Отличная это профессия, лучше и не сыскать!

И не будь у Илиты Харитона, который заразил ее своей мечтой, вдохнул в сердце девушки желание летать, наверно, она бы и не устремлялась мыслью в облака, а успокоилась бы на том, что окончательно связала свою судьбу с трудом хлебороба, земледельца.

Но разве возможно забыть разговоры с Харитоном под звездным небом Крыма? Харитон осуществил свою мечту. Придет пора, и Илита осуществит свою. Вот будет здорово, если они встретятся на небесных дорогах!

Она сама не знала еще, как назвать свое чувство к Харитону. Быть может, это только увлечение? А если любовь, то настоящая, любовь на всю жизнь или нет?

Илита тосковала о Харитоне. Он часто снился ей — и обязательно в кабине самолета. Даже тут, в Москве, он прилетал к ней во сне.

ЗДРАВСТВУЙ, ЛЕТНАЯ ШКОЛА!

Большие перемены начались в жизни Илиты.

С Чрезвычайного съезда она вернулась в Осетию как бы новым человеком. Странно, но эта короткая поездка во многом изменила ее. Она стала серьезнее. Она начала думать о том, о чем никогда раньше не задумывалась, — о делах всего колхоза; казалось, несколько дней, проведенных в Кремле, внесли в ее жизнь ответственность не только за себя и за свое звено, но и за многих и многих людей, живших с ней рядом.

Да и люди смотрели на нее по-другому: хоть и молода, но умна, трудолюбива, на съезде в Москве побывала!

Через несколько месяцев Илиту Даурову избрали депутатом Верховного Совета республики.

Конечно, это событие сильно взволновало Илиту. Вдруг не справится она с новыми и большими обязанностями?

Волновался за дочь и старый Крим, как обычно по-своему.

— Чтоб им пусто было! — восклицал он, коря неизвестно кого. — Шла девчонка по земле, хорошо шла, так нет же — подняли ее к самому небу! Вместо того чтобы поехать в Орджоникидзе и поступить в институт и стать врачом или учителем, она день и ночь раскатывает на этом проклятом мотоцикле и норовит учить усатых мужчин и седобородых стариков! Рано тебе еще заниматься государственными делами, Илита, рано!..

Илита действительно вскоре после приезда из Москвы купила себе мотоцикл, быстро научилась управлять им, получила права и теперь при необходимости катила из Фарна то в соседнее селение, то в Орджоникидзе.

Старый Крим кипятился зря. Через некоторое время и он понял: Илита дело делает и получается оно у нее совсем неплохо. Оказалось, что не только в Фарне, но и во многих соседних селениях Илиту уже узнали, полюбили. Отзывались о ней как о человеке с большой энергией, готовым всегда помочь людям в беде. А ведь деловитый, отзывчивый и сердечный человек почитается всегда и всеми.

Рассказали Криму, например, о таком случае с Илитой.

Как-то летним утром подъехала она на своем мотоцикле к зданию райисполкома. Было еще рано, но на ступеньках крыльца уже сидела какая-то женщина — немолодая, усталая, как отметила про себя Илита, в траурном платье и черной косынке.

— Кого вы ждете, на́на? — спросила Илита, почтительно назвав женщину «мамой». — Какое горе привело вас сюда?

На голове Илита носила шлем. Это и смутило женщину. Она решила, что перед ней мужчина.

— Ах, милый ты мой! — с тяжелым вздохом заговорила она, вытирая слезы дрожащей рукой. — Муж у меня умер. А зовут меня Уалинка, Газда́новы наша фамилия…

— И кого же вы ждете?

— Илиту жду, сынок, Даурову, депутата нашего. Живет она в Фарне. Пришла у нее помощи просить… Говорят, добрая она, справедливая, людям помогает…

— Я — та самая, кого вы ищите, нана, — с невольной улыбкой сказала Илита, снимая шлем и поправляя закрученные вокруг головы косы.

Теперь, разглядев Илиту и увидев ее косы, женщина так поразилась, что отпрянула назад.

— Ты — женщина? А я думала, передо мной парень, джигит! Значит, ты и есть Илита? — Скорбные морщинки у ее глаз на мгновение разгладились, улыбка скользнула по губам. — Похожа на мою Анна́, на доченьку мою старшую…

— Так кто же вас обидел? — спросила Илита, поставив мотоцикл у крыльца. — Не беспокойтесь, нана, я постараюсь вам помочь… Что же случилось? Да садитесь вы вот хотя бы сюда, на завалинку…

Илита притянула женщину за руку к себе, подвинулась, усадила рядом:

— Рассказывайте.

Женщина молчала, словно собираясь с мыслями, затем заговорила торопливо и сбивчиво:

— Понимаешь, солнышко ты мое… Я из Дзуарика́у… Шестеро детей у меня. Сироты… В прошлом году муж мой умер… Трудно мне одной. Детей кормить надо, утром встанут и за свое: «Есть! Есть!» А у нас правление колхоза роздало коров бескоровным семьям, тем, у кого малышей много. И Аба́су дали корову…

— А кто такой этот Абас? — вставила Илита.

— Сейчас, сейчас и до Абаса дойду, — заспешила женщина. — Абас-то, милая моя, лодырь из лодырей, бездельник из бездельников — вот кто он такой! Но жена у него работящая: корову нажила, телку нажила. Стало быть, есть у Абаса корова и телка. Но ему этого мало, на чужое добро рот у него широкий. Идет он к председателю колхоза и просит, чтобы дали ему еще одну корову: дети, мол, у меня, молоко им надобно. И что же, милая моя деточка, — дают ему вторую корову!

— Это почему же? — снова удалось вставить Илите.

— Потому как Абас — родственник нашему председателю! — воскликнула женщина. — Ну ладно. Я-то сначала к председателю

не лезла. Но как узнала, что Абасу из общественного стада вторую корову дали, решила сходить в правление. И вот, солнышко мое, пришла я к председателю и объясняю свою просьбу. А он — молодой, глупый еще, как желторотый птенец, — отвечает мне: «Твой муж почему позже всех в колхоз вступил? Знаю я почему: не было у него надежды на колхозный строй! Все выгоду искал!» Я говорю: «Не искал он выгоды, а просто думал». Председатель меня передразнивает: «Думал? Долго он думал. Так вот теперь и получается, как по осетинской пословице: «Пока Созрыко думал да примеривался, его товарищи мясо съели!» Для детей врага колхозного строя у нашего колхоза коров нет и не будет!» Тут я не выдержала, на крик перешла: «Какой же мой муж — враг? Он и красногвардейцем был, и партизаном был, и Деникина бил, и Шкуро, и Врангеля в море сбросил! Разве можно назвать врагом того, у кого на теле двенадцать шрамов было? И каждый шрам — за Советскую власть получен!» Не стал слушать меня председатель… Что же мне теперь делать, доченька? Нет ведь такого закона, чтобы из-за глупого председателя дети с голоду пухли!

Лицо Илиты потемнело от гнева, тоненькие брови словно завязались узелком на переносице.

— Подождите, подождите, Уалинка, мы это дело так не оставим. Не допустим, чтобы ребятишки ваши голодали!.. Вот еще спросить вас хочу: не в вашем ли колхозе все поля сорняками заросли, а председатель и в ус себе не дует?

— У нас, у нас, милая! — Уалинка махнула рукой. — Все заросло: что тебе кукуруза, что ячмень, что пшеница — ничего не видать из-за бурьяна! А председатель только джигитует себе с дружками — то в район гоняет, то в Орджоникидзе. Теперь вот охотой стал баловаться. Останется колхоз без хлеба, если так дальше пойдет.

Взволнованная Илита будто ветер ворвалась в свой кабинет, раскрыла папку, в которой лежали недавно полученные письма. Да вот они, эти два письма, что говорят о плохих делах в колхозе! Она быстро пробежала глазами по строчкам, сунула письма в кармашек комбинезона. Затем приколола к стене записку: «Уезжаю в Дзуарикау по делу. Даурова» — и выскочила на крыльцо.

— Садитесь сзади, Уалинка! — скомандовала она, выводя мотоцикл на дорогу.

Но Уалинка Газданова попятилась:

— Да что ты, что ты, милая! Упаду ведь я…

— Не упадете, нана! — твердо сказала Илита. — Садитесь! — Она завела мотор. — Мигом в вашем ауле будем! Только

держитесь за меня покрепче!

Боясь перечить Илите, Уалинка с замирающим сердцем уселась позади девушки, крепко вцепившись обеими руками в комбинезон. Потом судорожно закрыла глаза, чтобы не видеть, как пыльным вихрем летит дорога, — страшно ведь! Открыла она глаза только тогда, когда мотор затих, встречный ветер перестал бить в лицо и решительный голос Илиты произнес:

— Приехали, Уалинка, слезайте!

Через несколько часов в колхозе состоялось экстренное собрание колхозников. Первое слово предоставили депутату. Резко говорила Илита о состоянии посевов в колхозе. Она видела их своими глазами, когда ехала сюда. Молодой, бравый председатель, сидевший рядом с ней за столом, то бледнел, то наливался кровью, то яростно сверкал темными глазами. Быть может, впервые в жизни его так честили при всем народе. И кто! Девушка! Он с трудом сдерживался, чтобы не вскочить и не выругаться. А то еще хлестче — махнуть на все рукой, броситься к двери и бежать куда глаза глядят!

Но он продолжал сидеть за столом президиума. Только порой вскидывал голову и сверлил взглядом депутатский значок Илиты. Нет, с этим депутатом шутки плохи! Не мог председатель махнуть на все рукой, не мог!

А Илита не давала ему спуску:

— Не хочет слышать председатель, как стонут посевы от засилья сорняков! Я видела ваши поля — в некоторых местах бурьян все всходы покрыл. — Она повернулась к председателю. — Что скажут твои односельчане осенью, когда ты им выдашь по горсти кукурузы? А? Останется ли что-нибудь в колхозе на семена? Или снова поедешь в район семенную ссуду просить?

— Здесь не одна моя вина, — буркнул председатель. — Мне помощь нужна от районного руководства.

— Ах, вот оно что! — вспыхнула Илита. — Значит, райисполком и райком должны прополоть твои поля? Этого ты добиваешься?

— Не такой я жду помощи, — возразил председатель. — Надо, чтобы районное руководство провело с народом агитационную работу, а то люди не очень-то охотно на поля выходят…

Илита невольно рассмеялась.

— Агитационную работу? — переспросила она. — Да лучшая агитация — это полновесный, богатый трудодень! Твоя жалоба лишь подтверждает мои слова: люди неохотно выходят в поле, потому что не рассчитывают получить осенью достаточное количество хлеба! Да, да и тридцать раз да! Это так. Стало быть,

дело не в агитации райисполкома и райкома, а в том, как ты, председатель, организуешь труд в колхозе… Кстати, не можешь ты его организовать или не хочешь? Если не хочешь, чтобы твои земляки, односельчане, стали жить богаче и счастливее, откажись от руководства, уходи. Не дожидайся, пока на следующих выборах тебя прокатят на вороных. А мы — можешь быть уверен — найдем человека, который возьмется за дело горячо, с охотой!.. Ну хватит, — остановила себя Илита. — Вот что, товарищи: завтра все на прополку!

Илита была довольна: на собрание пришли все — и стар и млад.

Разговор шел серьезный, обстоятельный, хотя отдельные выступающие, не в силах сдержать своего темперамента, вели речи слишком уж пылко. Илита говорила не только о состоянии посевов и трудовой дисциплины. Она рассказала и о случае с Уалинкой Газдановой, сурово критиковала председателя колхоза за грубость и самоуправство. Люди поддержали ее.

Как легко было, оказывается, разбудить в их душах интерес к делу! Как легко было поднять их к борьбе за справедливость!

Речь Илиты — горячая и убедительная — взволновала всех. Чувствовалось, колхозники преодолели в себе равнодушие, поверили в свои силы.

Илита осталась ночевать в Дзуарикау. На следующее утро вышла в поле вместе со всеми. До самого вечера полола с колхозницами участки кукурузы, а когда уезжала, чуть ли не половина аула провожала ее до околицы.

— Спасибо тебе, спасибо, доченька! — благодарила Илиту Уалинка. Она прищурила глаза, удовлетворенно усмехнулась и, понизив голос до шепота, произнесла: — А председатель-то после твоих слов готов черных баранов в белые выкрасить; был у меня, сказал, что правление решило отдать мне корову, которую Абасу выделили. Говорили мне люди, что ты справедливая. Так оно и вышло. Правду говорили, святую правду…

В райкоме Илиту тоже похвалили. Сказали, что поведение председателя колхоза в Дзуарикау она оценила принципиально правильно и помощь ее Уалинке Газдановой была своевременной. Правда, не слишком ли резко говорила Илита о председателе? Руководитель он молодой, опыта у него маловато, вот и перехлестывает порой. Помогать ему действительно надо. Как говорится, доверять, но и проверять. Так вот, если говорить о второй части этого правила, то Илита соблюдала его. А что касается доверия — не к словам председателя, не к тем его промахам, о которых сказано в письмах, не к амбиции, проявленной в случае с Уалинкой, — то, как посчитали в

райкоме, Илита могла бы более доверительно разговаривать с председателем. Товарищеский совет, дружеский укор помогли бы ему ничуть не меньше, чем разнос при всем честном народе. И уж во всяком случае не стоило Илите ставить вопрос так, будто председатель не хочет работать, нарочно заваливает дела в колхозе. Не все люди еще достаточно сознательны, они по-своему могут истолковать слова депутата…

— Ты считаешь, я неправ? — спросил Илиту первый секретарь райкома.

— Пожалуй, правы, — задумчиво сказала Илита.

Сейчас, сидя в кабинете секретаря райкома, она, может быть, впервые за год своей депутатской работы мысленно оценила все, что сделала. И для себя, и для людей, и для родного края — малой, но кровной частицы великой страны. Конечно, изменилась она. Думать стала по-другому, говорить. Выросла, в общем. Но сколько промахов она еще совершает! Как порой неопытна! Прав секретарь. Ведь даже в случае с этим зазнавшимся председателем из Дзуарикау можно было обойтись без грубоватых выводов. Ясно, что после выступления ее, Илиты, в колхозе председателю будет в чем-то легче, а в чем-то труднее…

— Учиться тебе надо, вот что! — заключил разговор секретарь райкома.

«Учиться надо», — мысленно откликнулась Илита, но не заговорила, лишь кивнула головой.

Проводив Илиту, секретарь райкома задумался. Интересный человек эта Илита! Есть у нее дар с первого взгляда располагать к себе людей. Она не делит их на «больших» и «маленьких». Все для нее равны, но к заботам о тех, кого называют «рядовыми», она особенно внимательна. Несправедливость для нее будто гвоздь в сапоге. Не терпит она малейших отступлений от новой морали, не терпит самодурства, грубости, лености. И коли встречается с этим, готова идти врукопашную, словно храбрый джигит в правом бою. Только условия жизни в Осетии, в этом крае, где царизм действовал кнутом и пряником, где религия вила прочные гнезда в душах людей, где, наконец, адаты дедов и отцов уважались и посейчас, не всегда позволяли действовать подобным образом.

«Круто берешь! Слишком круто! — говорили некоторые Илите. — Смотри, девушка, не сносить тебе головы! Как бы однажды темной ночью не пырнули тебя кинжалом на узкой тропинке!»

Но, признавшись секретарю, что иной раз действительно «берет слишком круто», Илита между тем не боялась ни угроз, ни кинжалов. В главном она права. Главное она делает хорошо. И единственное, чего ей не хватает, — это знаний. Надо учиться!

Осенью 1939 года Илиту и ее бывшего бригадира Мылыхо Цораева послали на курсы по подготовке в Академию социалистического земледелия. Курсы были в Москве. Что скрывать — учиться было трудно. Преподавание велось на русском языке, а владела им Илита плохо. Она ночи напролет сидела над грамматикой, читала, то и дело обращаясь к товарищам, чтобы они разъяснили ей непонятные слова, читая книги или учебники, она мысленно переводила тексты на осетинский.

На душе у Илиты было неспокойно. Зимняя Москва не радовала. Илита невольно сравнивала ее с той, которую видела в дни Чрезвычайного съезда. Тогда было много солнца, тогда небосклон был чист и лучезарен. Что же сейчас мешало ей радоваться? Неожиданно жестокие морозы, заковавшие дома и улицы в ледяной плен? Неудачи с русским языком? Ощущение, что мечта ее — летать, сесть когда-нибудь за штурвал самолета, — не приближается ни на шаг? А может быть, все, вместе взятое?..

Этой зимой началась война с Финляндией. Многие студенты курсов оставили учебники и ушли добровольцами на фронт. Илита была бы счастлива, если б ей позволили присоединиться к товарищам.

Война с белофиннами была только искрой, предвещавшей большой пожар. Но и искры было достаточно, чтобы тысячи и тысячи советских людей ощутили грозное и тревожное дыхание приближающейся опасности. Нет, не хотят примириться капиталисты с тем, что Страна Советов растет, богатеет. Нет, не устанут фашистские громилы бряцать оружием и зариться на наше счастье, на наш уголь, наш хлеб!

Газеты были наполнены тревожными заметками. На военных, что шли улицами Москвы, смотрели как-то особенно внимательно, с гордостью отмечая их подтянутость и мужественный вид.

Устав от занятий, Илита бездумно бродила по Москве. Надо было отвлечься. Нельзя же терзать и терзать себя мыслями, что она совершила ошибку, поехав на курсы. Да, это ошибка! Теперь она особенно видна. Если Илита крепко решила, что станет летчиком, не надо было делать ничего, что уводило бы ее от этой мечты. Летчики сейчас особенно нужны. Они будут во всеоружии защищать мир и счастье советского народа…

Однажды в одной из переулков Илита наткнулась на небольшую афишку. Там было написано, что при Московском аэроклубе организуются группы курсантов, желающих овладеть пилотированием. Дальше говорилось что-то о парашютном

спорте. Но Илита уже не стала дочитывать афишку — заспешила по упомянутому адресу в аэроклуб.

Боясь поверить в свое счастье, Илита шла коридорами аэроклуба. Здание было не маленькое: одна учебная аудитория сменялась другой. А вот зал, похожий на музейный. Илите бросились в глаза детали и макеты самолетов, чертежи и схемы, служащие наглядными пособиями для учащихся, портреты прославленных покорителей неба — Чкалова, Водопьянова, Ляпидевского; чуть в стороне — знаменитая троица: Раскова, Гризодубова, Осипенко…

Илита долго пытливо вглядывалась в лица летчиков. Что отличает их от других? Неужели она, Илита, не способна сделать хотя бы десятой доли того, что сделали они? Быть того не может!

Она была уверена в себе. Есть, есть у нее и сила воли, и мужество, и — самое главное — искреннее желание осуществить свою мечту!

Мужчина в гимнастерке, но без петлиц, окликнул Илиту:

— Вы кого-нибудь ищете?

— Нет.

— Просто так посмотреть пришли?

Илита замялась. Потом сбивчиво принялась объяснять: она мечтает стать летчиком, хочет приходить на занятия в аэроклуб. Возможно это? Берут девушек в аэроклуб?

Мужчина улыбнулся.

— Берут, берут. — Он прищурил глаза, готовясь сказать что-то шутливое. — Как отказаться от такой красивой девушки? Мы бы себе этого вовек не простили…

Через пять дней Илиту зачислили курсантом аэроклуба. Если у нее и раньше было туго со временем — занятия по русскому языку съедали по крайней мере четыре часа в день, — то сейчас пришлось взять на учет каждую минуту. Вот кончились занятия в академии. Подруги зовут Илиту обедать. Куда там! Не может же она опаздывать в аэроклуб — бежать надо! И она бежит, радуясь и волнуясь, предвкушая встречу с теми, кого ома про себя называет гордыми именами летчика и парашютиста.

Как хорошо Илите в аэроклубе! Словно это родной дом…

Никогда не забыть ей первого полета. Какие чувства она испытывала в тот самый счастливый день в ее жизни? Чего было больше в сердце — страха или гордости, опасений или надежды?

Теперь, когда прошло много лет, вспоминается только главное. Как инструктор — это был тот самый мужчина, что встретил Илиту в коридоре аэроклуба, — сказал ей: «Уж на кого-кого, а на тебя-то я надеюсь!» Как неожиданно замерла душа, когда самолет оторвался от земли и Илита вдруг измерила

глазами огромную, еще не понятую ею до конца высоту, что отделяла ее от аэродрома. Как закружилась голова, и Илита усилием воли заставила себя не волноваться, проглотить неприятный комок, засевший в горле. Как, уже прорвав слой облаков, самолет взметнулся в самое синее небо, и, обняв взглядом нескончаемые просторы его, Илита восторженно, с гордостью подумала: «Я лечу! Я лечу!»

Что зря говорить, прыжки с парашютом вызывали у Илиты страх. Уже около люка сердце начинало стучать торопливо, неистово. Потом, когда Илита делала шаг в воздух — именно делала шаг, а не прыгала, — ей казалось, что не она летит к земле, а земля несется ей навстречу. И это тоже пугало.

Однако скоро страх прошел. Сказать по правде, Илита стала настоящим парашютистом только тогда, когда привыкла к прыжкам, нашла в них свою красоту.

Теперь каждый прыжок вызывал желание повторить его снова и снова. Сам полет в голубой пустоте, земля, похожая сверху на огромную географическую карту, с какой-то картинной синевой рек и озер, с зелеными коврами лесов, с игрушечностью строений, наполняли сердце незнакомой, бурлящей радостью. От этой радости хотелось петь, и бывали случаи, когда Илита, не умея сдерживаться, пела во весь голос. Она пела песню, которая была в то время на устах у всей молодежи:

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,
Преодолеть пространство и простор.
Нам разум дал стальные руки-крылья,
А вместо сердца — пламенным мотор!..

Вверху огромным зонтом вздувался шелк парашюта. Летное поле вдруг обретало горизонт, становилось похожим на, чашу, — так приятно было чувствовать, что земля готова принять тебя в свои объятия.

Три месяца Илита училась в Московском аэроклубе. Инструктор был доволен ею. Разговаривая с Илитой, он порой щурил глаза, подшучивал: «А ведь я сразу увидел в тебе летчика. Потому и остановил».

Зато в академии учеба расстроилась. Правительство решило слить Академию социалистического земледелия с Академией имени Тимирязева. Начался период переформирования.

Но Илита не приняла это близко к сердцу. Если она хочет летать, нужно воспользоваться заминкой в учебе и уйти из академии. Отпустить ее отпустят, но куда податься потом?

Она поговорила со своим инструктором в аэроклубе.

— Что-нибудь придумаем, — пообещал он.

И действительно, не прошло и недели, как он сказал Илите, что из Харьковской летной школы пришла разнарядка: требуются туда пять лучших курсантов, принимают и девушек…

— Не может быть! — взволнованно вскричала Илита. — Значит, я буду учиться в летной школе?

— Будешь! — Инструктор засмеялся. Потом вдруг серьезно сказал: — Честное слово, я не удивлюсь, если рядом с именами Расковой, Гризодубовой и Осипенко когда-нибудь назовут имя Дауровой. Ты ведь родилась летчиком!

ВСТРЕЧА С ХАРИТОНОМ

Не откладывая дела в долгий ящик, Илита выехала в Харьков. Дорогой она думала о Харитоне: где он сейчас, что с ним? На северо-западных границах страны идет война с белофиннами — разве в такое время военный летчик может отсиживаться в тылу? Конечно, нет! Ясно, Харитон сейчас там, где рвутся бомбы, где взлетают на воздух взорванные дзоты врага, где падают на прокаленную морозом землю убитые солдаты.

Илита неожиданно вздрогнула — так живо представилась ей картина боя: заснеженное поле, пронзительные, белые до боли в глазах вспышки разрывов, трупы солдат — черные на белом снегу, — точечки самолетов в морозном небе…

Колеса вагона ритмично отстукивали свое, но Илите казалось, что они, будто подслушав ее мысли о Харитоне, повторяют вслед за ней: «Где он? Где он? Где он?»

Если бы она могла быть рядом с Харитоном! Ранили бы его — она бы перевязала, так осторожно и бережно перевязала его рану, как ни одна медицинская сестра в мире. Расстроился бы Харитон — она бы его утешила, самые ласковые слова бы говорила, лишь бы сердце у него успокоилось.

Не пишет Харитон. А может, и пишет, только письма его не доходят.

Она вспомнила свою ссору со старшей сестрой из-за писем Харитона. Это было сразу после первой поездки в Москву.

Илита берегла его письма, как самое дорогое на свете, прятала их по своим маленьким тайникам: рвать их у нее не поднималась рука.

Однажды старшая сестра случайно наткнулась на тайник с письмами. Ее положение в семье позволяло ей вмешиваться в дела младших, она прочла несколько писем. В том, что сказала она Илите тогда, были и насмешка и укор: «Ишь ты, о любви заговорила! Рано тебе, малявка, о любви думать! Ты бы лучше подумала, что скажут люди в ауле, если узнают о твоих шашнях с Харитоном». Письма она так и не отдала, спрятала у себя.

Илита обиделась. Попыталась спорить с сестрой. Но мать немедленно стала на сторону старшей дочери: права, мол, она, а тебе не к лицу противоречить старшим.

Потом Илита никак не могла вспомнить номер полевой почты Харитона. Пытаясь восстановить в памяти его адрес, она написала и отправила наугад несколько писем. Но, наверное, адрес был не тот, потому что Харитон не ответил. Впрочем, кто знает, быть может, и Харитон не сидел на месте; перевели его в другую часть,

допустим, — разве тогда угонится за ним письмо?

В последние два года об Илите несколько раз писали областные и центральные газеты. И она каждый раз думала: вдруг именно этот номер газеты попадет в руки к Харитону и он разыщет ее?

Маленькая это была надежда, но все-таки надежда.

Только теперь Харитону не до Илиты — это уж вернее верного. Он на фронте, он сражается с белофиннами. Илита не сомневалась, что когда-нибудь встретится с Харитоном. Это время придет. Но когда? После конца войны? Что ж, она подождет. Лишь бы Харитон остался жив, лишь бы не нашла его вражеская пуля…

Выехала Илита из Москвы вечером, а к середине следующего дня уже была в Харькове.

Она разыскала здание летной школы, предъявила на пропускном пункте свои документы.

Надо ли говорить, как волновалась Илита, переступая порог летной школы. Она то краснела, то бледнела, то вдруг прижимала ладонь к сердцу, стараясь унять его частый бег. Примут ее или не примут? Оказывается, тут надо сдавать несколько экзаменов! И самый страшный из них — русский язык.

Русский язык всегда был слабым ее местом. Сколько сидела она над грамматикой на курсах при академии! Сколько слез пролила тайком, когда в тетради появлялась еще одна неудовлетворительная оценка! Конечно, упорная работа дала свои результаты — Илита делала теперь гораздо меньше ошибок, чем раньше. И все-таки владела она русским языком недостаточно хорошо.

Что, если она не напишет диктант как следует?

Тревожное предчувствие не обмануло Илиту. На ее листочке с диктантом преподаватель написал красным карандашом: «Очень плохо! Учиться, вероятно, не сможет». Найдя Илиту в коридоре, он с жалостью покачал головой и произнес:

— Как же так можно, милая девушка? На одной страничке вы сделали семнадцать ошибок! И каких!.. — Он помолчал. — Если бы я и хотел вам помочь — вижу ведь, мечтаете вы попасть в школу, — не мог бы!

Не сумев сдержать слез, Илита бросилась по коридору. Ее задержали. Кто-то из курсантов предлагал направить делегацию в учебную часть. Ганна Саенко, с которой Илита познакомилась уже в Харькове, начала утешать ее. Но Илита почти ничего не видела и не слышала.

— Знаешь что, Даурова? — решилась вдруг Ганна. — Иди-ка ты прямо к начальнику школы. И я с тобой пойду. Скажу, что

будем заниматься русским день и ночь. Вытянем тебя. Вытирай слезы — слезами горю не поможешь. Пошли!

Ганна потянула Илиту за руку.

Начальник школы, сухопарый, малоразговорчивый полковник, звонил по телефону, когда девушки явились к нему. Они остановились у дверей кабинета и ждали, пока полковник освободится.

Наконец он положил трубку на рычаг, не торопясь потянулся за папиросами, закурил и, отмахнувшись от дыма, стал разглядывать пришедших.

— Что у вас за чепе? — спросил он. — И как это мой адъютант пропустил вас ко мне без разрешения?

— А мы, товарищ полковник, дождались, когда он вышел на минуту, — с неожиданной улыбкой на лице ответила Ганна.

На губах полковника мелькнула ответная улыбка.

— Итак, будущие асы, что у вас стряслось?

Ганна взяла из рук Илиты злополучный листок с диктантом, выпрошенный в учебной части, и положила его на стол.

— Вот, посмотрите, товарищ полковник.

Полковник на миг склонился над листком, потом сокрушенно покачал головой.

— Н-да, богато у вас ошибок! — Он посмотрел на Ганну, перевел взгляд на Илиту. — И кто же это из вас так отличился?

— Я, — одними губами произнесла Илита.

— Хорошо, — сказал полковник, но вдруг смутился и тут же поправился: — То есть плохо, конечно!.. Что хорошего, если на одной страничке у вас семнадцать ошибок? Откуда вы?

— Из Осетии, товарищ полковник, — быстро, торопливо заговорила Илита. — Я хочу летать! Я мечтаю об этом много лет! Помогите мне, пожалуйста! А с русским языком у меня действительно плохо. Совсем плохо… Если б вы знали, сколько ночей я просидела над грамматикой, когда училась в Академии социалистического земледелия! И еще буду сидеть, если надо. Вот увидите: стану писать грамотно!

Полковник вышел из-за стола, шагнул к Илите и только тут, наверно, разглядел депутатский значок на ее кофточке.

— Ишь ты, депутат! — словно бы про себя сказал он. — Чем же я могу помочь вам, товарищ…

— Даурова, — подсказала Ганна Саенко.

— Чем же я могу вам помочь, товарищ Даурова? — повторил вопрос полковник.

— Примите меня в школу! — сказала Илита.

— Примите ее! — подхватила Ганна. — Я даю вам честное комсомольское: вытянем мы Даурову, поможем ей овладеть

русским языком!

Полковник снова взялся за листок с диктантом. Он вздохнул. Видно, ему было жалко девушку. Но не может же он пренебречь мнением педагогов!

— Вот что, депутат, — серьезно и твердо сказал он Илите. — Приезжайте на следующий год — тогда примем. Только не теряйте этот год даром — по-настоящему возьмитесь за грамматику, зубами грызите этот гранит. Добро?

Илите показалось, что в груди у нее что-то оборвалось. Она не пыталась даже слова сказать и молчала, растерянно глядя на полковника.

В этот момент дверь заскрипела, и в притворе показалось смущенное лицо адъютанта; он заметил девушек и, будто прося прощения у полковника, развел руками.

В глазах Илиты стояли слезы.

Полковник вдруг сердито взглянул на нее и повысил голос:

— Что у тебя глаза на мокром месте? — Сам того не замечая, он перешел с Илитой на «ты». — Перестань! Стыдно! А еще асом хочет стать! Иди! Через месяц сдашь экзамен. Не сдашь — пеняй на себя. У нас тут, милая, не детский сад. А теперь — шагом марш!

Хотя полковник и не произнес слова «принята», Илита поняла: она принята! Не чувствуя под собой ног от радости, она выбежала из кабинета начальника школы; вслед за ней выпорхнула Ганна.

В коридоре они обнялись и обе заплакали — сейчас уже это были радостные, счастливые слезы.

И еще в одном повезло Илите в стенах летной школы. Она встретила Харитона Саламова — человека, который подарил ей мечту, человека, на которого мысленно она все время равнялась, человека, которого, наконец, боясь до конца признаться в этом самой себе, она любила…

Конечно, за последние годы Харитон сильно изменился. Теперь это не был стройный юноша. Он чуточку погрузнел, раздался в плечах, стал солиднее и серьезнее. Лицо больше выдавало пережитое: у глаз легли морщинки, над левым виском проглядывало пятнышко серебристой седины. Гимнастерку Харитона украшал орден Красного Знамени.

Но, несмотря на приметы быстротекущего времени, Илита сразу узнала его. По выражению глаз. По непередаваемо родной складке губ. По движению руки.

А встреча с Харитоном произошла так.

Было хмурое зимнее утро. Во дворе Харьковской летной школы, огороженном высоким забором, впервые построилась

группа молодых курсантов — отдельно парни, отдельно девушки. По плацу ходил лишь старшина. Он внимательно всматривался в лица курсантов, словно хотел запомнить их навсегда. Он был придирчив. Одному сделал замечание за плохо подшитый подворотничок, другого упрекнул: вот, мол, не мог хорошенько начистить сапоги.

Но, в общем-то, старшина был доволен: курсанты оказались старательными, дисциплинированными.

— Смирно! Равнение направо! — скомандовал он, закончив осмотр.

На крыльцо учебного корпуса между тем уже вышли трое офицеров — командир курса и его помощники, летчики-инструкторы. Вытянувшись в струнку, старшина отрапортовал:

— Товарищ командир! Взвод вновь зачисленных в школу курсантов построен!

Илита, прищурившись, разглядывала офицеров на крыльце. Какой он, командир курса — добрый или злой? А его помощники — летчики-инструкторы?.. Вспомнился Илите инструктор из Московского аэроклуба, тот, что впервые приметил ее. С ним она сумела найти общий язык. Он хвалил ее. А как будет здесь, в школе?

Впрочем, тут будет потруднее. Все-таки военная школа, военная дисциплина.

Старшина чуть отступил в сторону, и офицеры, печатая шаг, двинулись к замершему строю курсантов. И вдруг Илита вздрогнула. Она почувствовала, как кровь прилила к лицу и тут же отхлынула. Она не могла оторвать глаз от летчика в черном кожаном пальто. «Харитон?» — спросила она себя. «Харитон!» — подсказало ей сердце. «Не может быть! Откуда взяться здесь Харитону?» — подумала Илита.

А офицер в черном реглане был уже совсем рядом. Он был красив, и Илита невольно залюбовалась им. Реглан перетянут широким командирским ремнем, на петлицах алеют красные эмалевые кубики лейтенанта, летная фуражка со звездочкой лихо сидит на голове.

«Харитон!» — окончательно решила Илита.

Ей казалось, что еще минутка — и она упадет на землю от страшного волнения. У нее прямо подкашивались ноги. Она с трудом справилась со своей слабостью.

Теперь, когда она узнала Харитона, память заботливо подсказывала ей все, что было связано с ним. Разговоры у костра в Артеке. Строчки из писем. Нерушимую надежду на встречу.

И вот она — встреча! Какая неожиданная и вместе с тем счастливая! Смешно, Илита все еще не верила себе, что видит

Харитона. А ведь достаточно было один раз в жизни посмотреть на Харитона — тонкий нос с характерной горбинкой, на его брови — они почти срослись на переносице, достаточно было заглянуть в глаза любимого человека — темные-темные, с еле заметным огоньком в зрачках, — чтобы это незаурядное, сильное лицо навсегда осталось в памяти!

И все-таки странно, что Илита увидела Харитона здесь, в Харькове. В Ленинграде, ближе к Карельскому перешейку, где наши бойцы взламывали оборону белофиннов, это еще куда ни шло. А Харитон, оказывается, в глубоком тылу. Впрочем, что судить его? Военная судьба распоряжается солдатом как угодно, не спрашивая его желания.

Харитон прошел вдоль строя, внимательно всматриваясь в лица курсантов. Казалось, уже сейчас, сразу ему хотелось проникнуть в души новичков, чтобы узнать их помыслы и надежды. Сумеют ли они преодолеть многочисленные трудности и стать хорошими летчиками? Угадать это невозможно, но Харитон смотрел так, словно мог заглянуть в будущее курсантов.

Кто-то из девушек оступился, кто-то, забывшись, поправил головной убор. Глаза Харитона иронически прищурились. Илита поняла почему: девушки, пришедшие в летную школу из аэроклуба, не отличались блестящей строевой выправкой.

Харитон остановился на правом фланге и, пряча улыбку под черными усиками, сказал:

— Здравствуйте, товарищи курсанты!

— Здравствуйте, товарищ командир! — разноголосо, нечетко ответили девушки.

Теперь лейтенант уже не прятал свою улыбку.

— Вольно!

Он помолчал, все еще улыбаясь. Затем посуровел.

— Ради первого знакомства не стану говорить грозных слов. Но, может быть, вы полагаете, что раз пришли к нам в школу добровольно, по желанию, то с вас и спросят меньше, чем с других? Может быть, вы надеетесь на поблажку? Угадал я?.. — Харитон снова сделал паузу. — Так вот, я заранее объявляю: спрашивать с вас буду не меньше, а больше! Дисциплина, дисциплина и еще раз дисциплина — вот что мне от вас нужно! Слово командира — закон для подчиненных! И на земле, и в воздухе…

Харитон снова двинулся вдоль строя курсантов. В тот раз он не дошел до Илиты. Он был в нескольких шагах, но Илита уже приготовилась встретить его взгляд, и сердце ее взволнованно застучало, наполняя гулкими ударами все тело. Сейчас она ждала приближения Харитона с неожиданным спокойствием, даже с

интересом. Узнает ее Харитон или не узнает? Сколько лет они не виделись? Пять? Шесть? Да, чуть больше пяти лет. Конечно же, Илита изменилась. Нелегко будет Харитону узнать в сегодняшней Илите ту шуструю, озорную, тоненькую девочку, носившуюся, как серна, по прибрежным скалам Артека. Впрочем, Илиту изменили не только годы. Новая, военная одежда — шинель, шапка — сделала ее неузнаваемой.

Но вот Харитон поравнялся с Илитой, взглянул на нее, и глаза его радостно, взволнованно вспыхнули. Казалось, он с трудом сдержался, чтобы не вскрикнуть: «Илита?»

Он резко повернулся, взял себя в руки.

— Курсанты! — заговорил он, оглядывая строй девушек. — Будем учиться! Родина дала вам всё. Но Родина вправе и потребовать от вас многого. Нашей стране нужны классные, мужественные летчики. Такими летчиками должны стать вы… Желаю вам счастливого неба, товарищи курсанты!.. — Он замолчал и, будто бы случайно, добавил: — Вас, курсант Даурова, прошу зайти в мои кабинет, когда освободитесь. Товарищ старшина, ведите людей завтракать!

Взвод двинулся в столовую. Илита все же не вытерпела и оглянулась: Харитон стоял на крыльце учебного корпуса и долгим взглядом провожал строй.

«Что у него на душе?» — думала Илита о Харитоне. Она готова была признаться себе, что ее чувства к Харитону — пустая девчоночья выдумка. Зря она их пестовала, зря! И правда, может ли сказать она, что Харитон отвечает ей взаимностью, что все эти пять с лишним лет он думал о ней так же, как думала она о нем! Нет. Правда, Харитон писал ей ласковые письма. Но что, если они были вызваны только жалостью, только дружеской привязанностью к маленькой горянке? «Все могло измениться за это время. Не одна я живу на свете, — продолжала размышлять Илита. — Харитону могла понравиться другая. Да и он парень красивый, ладный…»

Но как радостно вспыхнули глаза Харитона, когда он увидел ее в строю курсантов. Не было бы этого огонька в темных зрачках, если б не рад он был встрече с Илитой!

«Нет, нет, — убеждала себя Илита, — судьба за меня. Добрая судьба — за меня! Она недаром свела нас с Харитоном в Артеке. Я не придумала свою любовь — она пришла сама и поселилась в моем сердце навечно. Ведь ни на кого из парней — в том же Фарне — я ни разу не посмотрела ласково. Харитон заслонил всех. И пусть мы были разлучены пять лет, пусть нас разделяли тысячи километров — он должен был, должен был чувствовать мою любовь!»

Медленно тянулся для Илиты этот первый учебный день в школе. И в аудитории, слушая лекцию, и в макетном зале, и на занятиях по физкультуре она все время думала о встрече с Харитоном. Ну что скажет она ему? Что она помнила его все эти годы, что ждала свидания с ним? А удобно ли говорить такие слова? Кто знает, может быть, у Харитона другая любовь?..

Когда после окончания занятий Илита пришла в кабинет Харитона, он был строг и озабочен. В глазах его сквозила тревога.

«Он скажет мне, что любит другую!» — мелькнула мысль. И от этой горькой мысли сердце Илиты тревожно и тоскливо сжалось.

— Здравствуй, Илита, — сказал Харитон, крепко пожав руку девушки. — Вот так встреча! Не думал я, не гадал, что свидимся с тобой в летной школе. Мне так хотелось поговорить с тобой, еле дождался твоего прихода! — Он произнес это торопливо, горячо. Лицо выдавало его: ему было неловко признаваться в своих чувствах. — У нас ведь есть о чем поговорить…

Последняя фраза звучала как вопрос.

Илита кивнула: «Есть».

— Я так и думал, — сказал Харитон, и счастливая улыбка осветила его лицо. — Но только судьба распоряжается по-своему. — Он прищурил глаза, досадливо махнул рукой. — Пять лет я мечтал увидеть тебя, Илита, и сейчас, когда увидел, когда должен сказать самые главные слова — не могу их сказать. — Он подошел к окну, стал спиной к Илите. — Через полчаса я улетаю. Меня перебрасывают в другую часть. — Он снова повернулся к Илите. — Это между нами. Как другу тебе говорю, на верность и честность которого полностью полагаюсь. Короткое у нас свидание вышло… Разве в пять минут уместить пять лет? Одно скажу тебе, Илита: ты мне дорога… — Харитон опустил голову, потом резко поднял ее и взглянул прямо в лицо Илите. — Я люблю тебя…

— Я тоже люблю тебя, Харитон, — тихо сказала Илита. — Я всегда думала о тебе… Я знала, что мы встретимся…

Харитон шагнул к Илите. Казалось, он хотел обнять ее. Все встрепенулось в Илите, рванулось навстречу любимому. Но она не дала себе воли.

— Я буду ждать тебя, — твердо сказала она. — Если понадобится, буду ждать всю жизнь!

— Спасибо, — тихо ответил Харитон. — Где бы ты ни была, помни: есть на земле Харитон Саламов, который любит тебя, который готов сделать все, чтобы ты была счастливой. Мы найдем друг друга, обязательно найдем! Я напишу тебе…

Илита смотрела на Харитона глазами, полными слез. Вот она,

ее судьба: не мать, а мачеха — поманит счастьем и отвернется. Счастье что Харитон любит, что не забыл Илиту. Но кто виноват, что их встреча так коротка? Когда они встретятся снова? Когда встретятся, чтобы уже не разлучаться?

— Жди меня, — сказал Харитон.

Неслышно приоткрылась дверь, кто-то произнес:

— Товарищ лейтенант, время! Скоро летим…

Илита вздрогнула. Уже надо прощаться? А ведь она не сказала Харитону и сотой доли того, что хотела! Путаясь в мыслях, волнуясь, она спросила:

— Ты воевал? — и кивнула на китель Харитона, где поблескивал орден Красного Знамени. Она подразумевала: воевал в Испании.

— Пришлось, — коротко ответил Харитон.

И то, что он не сказал, что воевал в Испании, что был краток, немногословен, лишь подтверждало догадку Илиты. Так вот почему он не писал! Он дрался в Испании с фашистами!

— Извини, Илита, я должен идти, — сказал Харитон, стиснув руки девушки в своих широких ладонях. Потом он вдруг притянул к себе Илиту и крепко поцеловал ее. — Жди меня, — повторил он. — Я верю, мы скоро встретимся…

Илита не могла ответить: волнение сдавило ей горло.

«НУ И ОТЧАЯННАЯ ТЫ, ИЛИТА!»

Есть у осетин пословица: «Настоящая любовь больше моря и тверже скалы». Очень хорошо и точно это сказано. Большой любви не страшны разлуки, не страшны расстояния.

Харитон улетел, но теперь, после их недолгого разговора, Илита жила только им одним. Каждую минуту, каждый час она вспоминала любимого. Чувство, что на земле есть Харитон Саламов, который любит ее, хочет сделать ее счастливой, помогало ей во всем.

Но, признаться, в те дни, когда от Харитона не было писем, Илита ходила грустной. Зато, получив письмо, с трудом сдерживалась, чтобы не поскакать по плацу словно девчонка, махая конвертом и крича: «Мне письмо! Мне написал мой любимый!»

Писал Харитон часто. Только до обидного коротко. «Летаю. Сам учусь и учу других». В общем, обыкновенная жизнь рядового военного летчика.

По некоторым деталям Илита поняла: Харитон на фронте, дерется с белофиннами.

И, поняв это, она стала еще больше беспокоиться за Харитона: только бы с ним ничего худого не случилось!

В письмах Харитон был сдержан. Но сквозь эту мужскую, типично горскую сдержанность порой прорывалась нежность. Она сквозила в интересе Харитона к учебе Илиты. Она была в вопросе, который волновал Харитона: удалось ли Илите постичь грамматику русского языка?

Илита писала в ответ длинные письма. Сообщала, как идет учеба, делилась новостями из Фарна. Ей хотелось рассказать Харитону о своих чувствах. Но она всякий раз останавливала себя: что зря волновать его, мешать службе. Ведь от того, что Илита скажет «хочу тебя видеть», их встреча не приблизится.

Как-то в школу проездом заглянул летчик. Он привез письмо от Харитона и коробку шоколадных конфет. В разговоре с Илитой летчик сказал, что Харитона недавно наградили орденом.

— Звездочку получил, — объяснял приезжий. «Звездочкой» военные называли орден Красной Звезды. — А за что получил, сам расскажет. За дело, в общем. — Он доверительно склонился к Илите и, улыбаясь, проговорил: — Я-то раньше думал, что вам повезло: Харитон у нас герой, таких смельчаков, как он, один на сотню. А теперь вижу, что и ему повезло: любимая девушка — летчик! И не просто летчик, а красавица летчик!

Он уехал. А Илита снова и снова вспоминала его слова:

«Харитон — герой. Таких смельчаков, как он, один на сотню». Гордость за Харитона стесняла грудь: вот какой человек ее любит — герой, смельчак!

Учеба в школе близилась к концу. Пришлось поднажать на русский язык. И тут Илите опять, как и раньше, помогла Ганна Саенко.

В общем-то, экзамены не пугали Илиту, только одного русского она опасалась. Ну что за напасть такая — не дается ей русский, и все!

На выпускном экзамене по русскому языку Илита получила «удовлетворительно». Но начальник школы, полковник, присутствовавший на экзамене, не корил ее за это. Он сочувственно подмигнул Илите и сказал, обращаясь больше к преподавателю, чем к ней:

— Зато летает Даурова на «отлично»!

Днем позже Илита показала, что летает она действительно на «отлично». «У-2» беспрекословно слушался ее. Она лихо проделала ряд виражей, несколько сложных фигур высшего пилотажа, а напоследок дважды прошла на бреющем, чуть не скосив винтом траву аэродрома.

Полковник был доволен. Он повторял:

— Наша осетинка с грамматикой на «вы», а с самолетом на «ты»! Что делать, у каждого свои талант…

Он намекал, что талант вождения самолета для него, старого летчика, важнее всего.

Сразу же после экзаменов Илита получила письмо из Осетии. Президиум Верховного Совета республики от имени избирателей просил Даурову приехать в Осетию: депутату надо отчитаться перед своими избирателями. Есть и еще одно немаловажное соображение: Илита стала летчицей, первой женщиной в Осетии, севшей за штурвал самолета, так ведь людям хочется поглядеть на нее, словом перемолвиться…

— Ну что ж, Илита Кирилловна, — с добродушной усмешкой развел руками полковник. — Воля народа — для нас закон. Придется и вам подчиниться. Дадим вам отпуск… — Он хитровато прищурил глаза. — И, пожалуй, знаете, что я вам предложу? Летите на своем любимом «У-2»! Будет сюрприз землякам. Найдется там хорошая площадка для приземления? — И сам же ответил: — Уверен, найдется!

Илита была счастлива. Ну что может быть радостнее — прилететь на родину в самолете? Да, полковник это хорошо придумал, лучше некуда! Ей-то и в голову не пришло бы просить начальника школы дать для полета «уточку». Впрочем, до сих пор не было случая, чтобы курсантам разрешали полеты на такое

расстояние.

Она представила себе, как появится в небе над родным Фарном, как покружит над аулом, как пойдет на посадку, а потом, заглушив мотор, выскочит из кабины в пилотском шлеме и попадет в объятия друзей. Она представила себе все это и задохнулась от радости. Как это чудесно — прилететь в Фарн на самолете! Да она мечтать о таком чуде не могла!

— Только… — Полковник помедлил. — Одну я вас не отпущу. Полетите с инструктором. Как говорится, на всякий случай. Да и веселее будет с инструктором… Петров с вами отправится. Передайте ему: пусть готовится к полету.

— Есть передать! — повторила Илита.

По чести сказать, она уже настроилась лететь одна, и то, что полковник «привязывает» ее к инструктору, даже к такому милому и веселому парню, как Петров, чуточку обидело Илиту. Но что делать? Как говорил в свое время Харитон, приказ начальника — закон для подчиненных. Полетит Илита с инструктором. Все равно здорово — она будет парить над Фарном!..

К середине следующего дня «У-2». который вела Илита, уже летел над горами Северного Кавказа. Горы были покрыты зеленым ковром лугов. Сверху все казалось новым, не таким, каким привыкла видеть это Илита. Отары овец — словно облака, упавшие на землю. Плоскокрышие каменные сакли — будто брошенные кое-как спичечные коробки. В легком розовом тумане вились над печными трубами синеватые дымки, они напоминали слабые ростки цветов, выросших в ущельях.

Ага, вот и аулы избирательного округа Илиты! Они раскинулись по отлогим краям широкого Даргавского ущелья.

Вот и река Гизельдо́н. Сверкает будто серебряная. А вокруг горы, горы и горы — одна гора выше другой. Глядя на них, сразу и не разберешься в этой каменной сумятице, в этом исполинском нагромождении скал.

Под крылом самолета проплывают отроги хребтов, похожие на древних чудовищ, проносятся светлые ниточки ручьев, искрятся в солнечном свете, словно драгоценные камни, водопады…

Петров не мешал Илите. Он, казалось, даже заснул в своей кабине. Илита обернулась, поглядела на него и снова приникла к штурвалу.

Она сделала несколько кругов над родными местами, различая аулы. Вот Дарга́вс. Вот Джима́ра. А это что такое? Какаду́р или Ламардо́н? Ну точно, Какадур!..

Самолет снижался. Илита искала подходящее место для

посадки. Но, разыскивая взглядом достаточно большое и ровное поле, она одновременно видела, как по улицам аула бегут люди, как они взволнованно жестикулируют. Шутка ли, впервые многие из них видят так близко самолет — эту крылатую машину, летящую в воздухе так быстро, как не может ехать по земле ни одна арба!

Илита улыбалась. Она могла бы пересказать все, что думают ее земляки, видя в небе самолет. Седобородый чабан, опирающийся на длинную ярлыгу, спокоен. Прищурившись, приложив к глазам ладонь, он неотрывно смотрит на самолет Илиты. Многое он видел в жизни: черствых и злых алдаров, злобные пасти голодных волков, нищету, кровавые сражения бедняков с полками Деникина, обрезы кулаков. Новая жизнь — это сказка, ставшая былью. Новая жизнь каждый день рождает чудеса. Ну вот разве это не чудо — крылатая машина спускается с неба прямо к дедовским саклям! А что думает парнишка, выросший уже при Советской власти? Он тоже не отрывает взгляда от самолета. Он завидует летчику: ведь у парнишки мечта — летать!

Да и сама Илита, быть может, впервые так остро почувствовала сейчас, что́ сделала для нее Советская власть. Не будь ее — была бы Илита последней батрачкой. Не на самолете бы летала, а шла бы за сохой, понукала волов. Спасибо тем, кто, не жалея крови и пота, построил новую жизнь! Эта жизнь сделала Илиту хозяйкой своей судьбы. Илита — летчик. Илита — депутат. Илита — человек, выдвинутый народом решать большие, государственные дела. Скажи об этом землякам Илиты лет двадцать тому назад, все бы только рассмеялись. А то бы и рассердились: нечего, мол, нам голову глупостями забивать, чудес на свете не бывает!

Теперь — бывают!

Но пора и приземляться.

Внизу, по берегу реки и на скалах ущелья, не видно ни одной сколько-нибудь удобной площадки. Вот, кажется, что-то есть! Нет, это поле, засеянное ячменем. Нельзя сажать самолет на поле. Илита хорошо знала, сколько труда нужно положить, чтобы вырастить ячмень на этой недружелюбной земле. Собственно, и землей-то нельзя назвать ее. Там, внизу, — камень, на который крестьяне — поколение за поколением — укладывали пласты чернозема, того чернозема, что носили они на себе из долин.

Она растерянно оглянулась на инструктора. Тот не спал. Чувствовалось, что он следит за Илитой, готов в любую минуту прийти ей на помощь.

«Обойдусь без него, — твердо решила Илита. — Буду искать

площадку, хотя бы все горючее кончилось!»

Она вдруг вспомнила, что неподалеку от аула Какадур есть небольшая площадка. В детстве Илита ходила туда с подружками собирать ягоды и цветы. Уж не засеяли ли эту поляну? Хорошо, если нет. Самое подходящее местечко для посадки. Хоть и не велика площадка, но для «У-2» хватит.

«Хватит? — тут же обеспокоенно спросила она себя. — А если нет?»

Она вспомнила Чкалова. Тот сумел пролететь под мостом, между быками, — расстояние было чуть шире размаха крыльев чкаловского самолета.

Илита грустно усмехнулась. Чкалову это удалось. Но то Чкалов, а то она. Нашла с кем себя сравнивать!

Самолет между тем уже набрал высоту и парил над южной окраиной Какадура. Илита нашла взглядом знакомую поляну. Сейчас она показалась ей гораздо меньше, чем когда-то в детстве. Во всяком случае, посадить «У-2» на этот пятачок не так-то просто. Но другого выхода нет.

«Попробую!» — решилась Илита.

Самолет резко пошел на снижение…

Земля! Колеса «уточки» катились по лугу, сминая высокую траву. Обрыв быстро приближался. Неужели дорожки пробега не хватит? Когда до обрыва оставалось метров пятнадцать, самолет, перевалив через небольшую кочку, прекратил свой бег. Обошлось! Илита сняла шлем, вытерла ладонью потный лоб.

— Ах, молодчага! — сказала она, хлопнув рукой по борту кабины. Она имела в виду самолет.

— Это ты — молодчага! — отозвался с заднего сиденья инструктор Петров. — Тютелька в тютельку посадила «уточку». Я бы лучше не посадил, а ведь инструктором пятый год!

Он облегченно рассмеялся. Видно было, что Илита заставила его поволноваться.

Только теперь Илита почувствовала усталость. Прислонившись к фюзеляжу, она смотрела на родные горы. Повитые сиреневым туманом, предвещавшим близкие сумерки, они толпились по сторонам, будто стадо огромных буйволов. Лишь две вершины — Джима́ра-хох и Мали́-хох — прорвали пелену тумана; их белоснежные пики, казалось, подпирали само небо. Ледяные папахи вершин, крутые склоны гор, поросшие курчавым темным кустарником, — все это делало Джимара-хох и Мали-хох похожими на гордых стариков, пришедших на нихас и молчаливо взирающих на молодежь…

Илита подняла бинокль, разглядывала знакомые с детства места. Интересно, много ли сейчас в горах туров? В окулярах

скользнули сверкающие грани ледников, сползающих в ущелья с высоких плеч Джимара-хох и Мали-хох. Если смотришь в бинокль, они совсем рядом. Стоит только руку протянуть, и сразу же ощутишь пронзительный, вечный холод многометровой ледяной корки. Но где же все-таки туры? Они должны быть ниже, на склонах, где кончаются альпийские луга, покрытые пестрым разнотравьем, цветами… Нашла! Илита обрадованно обернулась к Петрову.

— Поглядите-ка в бинокль! Сразу же, ниже белой кромки ледников, — луга, и вон там, ближе к серым скалам, — Илита кивнула в сторону Джимара-хох, — большое стадо туров…

— Вижу! — сказал инструктор, глядя в бинокль.

— Я с отцом частенько ходила в горы охотиться, — вспомнила Илита. — На туров мы тоже ходили.

— Ты? На туров? — удивился инструктор. Илита кивнула.

— А что особенного? — Она пожала плечами. — Кто живет в горах, того горы не страшат.

Снизу, по отлогой тропинке, на поляну выехали всадники. Два джигита привстали в стременах и, гикнув, направили своих коней к Илите. Через минуту они уже были около самолета. Следом за ними прибыли и остальные.

Илиту не узнали — она была в шлеме. Но как только сняла его, раздались приветственные возгласы.

— Эх, Илита! — восхищенно закричал один из джигитов. — Все ущелье всполошила! В саклях-то никого не найдешь — на улицах люди стоят, на твою птицу смотрят. — Он кивнул туда, где начинался обрыв. — И как ты только посадила ее на такую маленькую полянку! Рискованно….

— Рискованно, это правда, — согласилась Илита. — Только не зря же говорят: дома и стены помогают. Вот мне родная земля и помогла.

По тропе на поляну поднимались все новые и новые всадники. За ними спешили пешие, те, кто не успел оседлать коней. Появились женщины и дети. Вот шумная ватага ребятишек — человек двадцать, не меньше, — обступила самолет. Восторженно смотрят на Илиту, кричат:

— Илита-летчица с неба спустилась! Илита-летчица выше Мали-хох была!..

Вскоре на лужайку поднялись и медлительные, седобородые старики — самые уважаемые люди аула. Прибывшие ранее почтительно расступились перед ними. Старики торжественно в с уважением пожали руку инструктору Петрову, потом — Илите.

Начался разговор. Старики спрашивали о здоровье Илиты. Илита, в свою очередь, интересовалась их здоровьем, желала их

дому мира и благополучия. Это было своеобразной традицией — пожелать друг другу здоровья, успехов и счастья.

Илита назвала своего инструктора. Объяснила, что тот учил ее летать, а сейчас вот прилетел вместе с ней в гости к осетинам.

— Очень рады! — заговорил один из седобородых, глядя на Петрова. — У нас есть пословица: гость в доме — хозяин. Так что чувствуйте себя как дома!

К Илите протиснулся председатель аулсовета, кряжистый, широкоплечий горец. Поздоровался, пожелал удачи, а потом заметил, что начинается ветер и как бы не вышло так, что самолет сорвется с кручи.

— Только не волнуйся, товарищ Даурова, — тут же сказал он, — я кое-какое решение предусмотрел. Мы твою воздушную коляску осторожненько спустим в долину, прямо к Даргавсу… Знаешь как? Поставим сзади трактор, вроде тормоза будет. А самолет своим ходом вниз пойдет. С Даргавса легко взлететь, так что беспокоиться нечего… А теперь, — председатель обернулся к инструктору, — пожалуйте в аул, не побрезгуйте нашим гостеприимством. Мы своего депутата давно ждем. Вот и дождались! Это нам повезло, что ты, Илита, около Какадура спустилась. А если б у Ламардона се́ла? Как бы мы тебя у ламардонцев перехватили? — Председатель аулсовета засмеялся, будто ему доставляло удовольствие именно то, что теперь ламардонцам придется перехватывать Илиту у какадурцев.

…До самого вечера Илита принимала своих избирателей в кабинете председателя аулсовета. Большие и малые дела пришлось ей решать. Впрочем, были вопросы, для решения которых следовало ехать в Орджоникидзе, их Илита взяла на заметку.

Вечером на нихасе загорелись яркие костры. Мужчины не спеша попивали легкое ячменное пиво. Между кострами, на свободном месте, самые лихие парни аула состязались в плясках. До самой ночи не смолкали песни и смех.

Только через два дня Илите удалось попасть в Фарн — до этого пришлось побывать и в Даргавсе, и в Джимаре, и в Ламардоне.

В Фарне Илиту ждали сестры и мать. Только старый Крим, отец, не дождался Илиты. Он умер год назад. Работал в горах, на заготовке леса, и сильно там простудился, спасти его не удалось. Тогда Илите срочно дали телеграмму. Но если б Илита выехала даже в тот самый день, все равно не успела бы на похороны. И потому она решила отложить поездку домой до окончания школы.

Мать, плача, обняла Илиту. Та утешала ее как могла.

Но еще до того, как Илита попала домой, ее чуть ли не два часа держали возле самолета. Встречали Илиту с еще большей радостью, чем в остальных аулах. Это и понятно: как-никак она жила среди этих людей, со многими из них росла, ходила в школу.

Молодежь, ребятишек самолет интересовал не меньше, чем сама Илита. Кто-то из них почтительно прикоснулся к пропеллеру, кто-то заглянул в кабину, где на щитке поблескивали глазки приборов. Лица ребятишек сияли восторгом. Машины они видели-перевидели. Трактором их тоже не удивишь. Но чтобы прямо у их дома стоял настоящий самолет, такого еще не бывало!

— Тетя Илита, покатай меня! — решился самый смелый мальчишка.

И тут вся ребятня подхватила:

— Тетя Илита, покатайте нас!

Илита улыбнулась.

— Не могу. Нельзя. — Она посмотрела на своего инструктора. — Если не верите, летчик Петров вам это подтвердит. Вот вырастете — сами сядете за штурвал самолета.

Явился на посадочную площадку столетний старик Георгий Саламов — дальний родственник Харитона. Посмотрел на самолет, перевел взгляд на Илиту и сказал, восхищенно качая головой:

— Ну и отчаянная ты, Илита!

Вечером в Фарне устроили праздник в честь приезда Илиты и Петрова. По традиции джигитовали на конях юноши. В плясках парни старались перещеголять один другого, и достаточно было ободряющей улыбки Илиты, чтобы уставший танцор снова и снова входил в круг…

Какое это счастье — быть среди своих, дышать воздухом родного края! Только вот обидно, что рядом нет отца. Как бы он гордился Илитой!..

НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ СЧАСТЬЕ

Последнее время Харитон служил где-то в Заполярье. Приехав на родину, Илита сразу же написала ему: «Живу дома, отпуск у меня до конца июня, так что впереди еще целый месяц отдыха». Она намекнула, что было бы счастьем, если б Харитон хотя бы на недельку вырвался в Фарн.

И вот пришло письмо от Харитона. Он сообщал, что получил двухнедельный отпуск, что по-прежнему любит Илиту и, коли она не возражает, сразу же после его приезда начнут готовиться к свадьбе.

Минуло несколько дней, и в Фарне заговорили о свадьбе Харитона и Илиты. Новость эта была у всех на языке. Судачили о ней на нихасе и в аульском магазине, на базаре и даже в аулсовете. Большинство людей одобряли союз Илиты и Харитона. Но были и такие, что осуждали его. Родной дядя Илиты старик Колка, например, всячески противился тому, чтобы Илита вышла замуж за Харитона. Впрочем, о дядюшке Колке речь впереди.

Илита настояла на своем. Она любит Харитона и, если решила стать его женой, так и будет!..

…Свадьба была в самом разгаре. Счастливая, сияющая Илита, нарядная и красивая, как никогда, не могла поверить своему счастью. В доме Дауровых давно уже не было столько народу. Многие жители Фарна, да и не только Фарна, но и соседних с ним аулов, сочли своим долгом заглянуть к Дауровым, чтобы пожелать Илите здоровья и благополучия, чтобы отметить большое торжество добрым бокалом домашнего вина. Ведь Илитой гордился не только Фарн — вся Осетия знала ее имя!

На осетинских свадьбах есть свой порядок. Мужчины сидят отдельно от женщин. Командует «мужским» столом тамада; обычно это солидный, убеленный сединами старик, умеющий поддерживать порядок и славящийся остроумием. Слово его — закон, перечить ему нельзя. Однако плох был бы тот тамада, который забыл бы о вековечных осетинских обычаях, нарушил бы их. А таких обычаев немало. Надо знать, кого и как усадить за столом. Надо знать, кого с кем рядом посадить. Надо знать, кому первому разрешить произнести тост, а кого попросить помолчать. В общем, наука эта сложная, требующая и опыта и особого таланта.

Женщины заняты тем, что принимают подарки молодоженам.

Молодежи разрешено сидеть за «мужским» столом. Но это разрешение лишь формальное. Хочешь сесть — садись, но веди себя паинькой, будь тише воды и ниже травы, понимай, что рядом

седобородые, видевшие то, чего тебе уже не увидеть, и слышавшие то, чего тебе уже не услышать.

Но молодежи вольготнее в стороне. Тут, среди своих одногодков, парни пляшут, смеются, шутят, веселятся напропалую.

Гости все прибывали и прибывали: из Беслана, из знаменитого селения Коста, из Даргавского ущелья, даже из Орджоникидзе. Просторный двор Дауровых не мог вместить всех. Поэтому мужчин сажали за столы, поставленные прямо на улице. Это никого не смущало: день выдался удивительно теплый и ясный, во всю свою силу сияло над горами солнце.

Здесь и там гремели песни, заливались гармошки. От стола к столу ходил фоторепортер, приехавший из Орджоникидзе, что-то выспрашивал, щелкал аппаратом.

Все с подчеркнутым вниманием поглядывали на главный, «мужской» стол, где сидели гости из райкома и райисполкома, белобородые старцы, прославленные джигиты; они задавали тон свадьбе. Время от времени кто-то из них поднимал бокал с вином и произносил пышный тост. Только на Кавказе умеют произносить такие тосты, в которых каждая фраза — афоризм и каждое словцо — драгоценный камень.

По обычаю, жених в доме невесты не появляется. Он коротает время у себя. Поэтому Харитон сидел среди своих родственников и считал минуты до приезда невесты.

Однако большинство родственников Харитона, веселившихся в доме Дауровых, словно бы потеряли представление о времени. Они пели, плясали, произносили длинные и витиеватые тосты…

Но вот наступил момент, когда старшие, распоряжавшиеся церемонией, разрешили готовить невесту в путь-дорогу, и дружки жениха, доверенные люди Харитона, дали команду надеть на невесту подвенечный наряд. Любимые подружки Илиты подхватили ее под руки и повели одеваться.

В комнате Илиты было большое зеркало. Илита остановилась на мгновение перед ним и не узнала себя: глаза сияют, щеки розовые, словно окрашенные зарей, — ну прямо девушка из сказки!

Сестра Катя восхищенно воскликнула:

— Ох, Илиточка, красивее тебя девушки во всем Фарне не сыщешь!

Она достала из шкафа свадебный наряд, разложила платье и украшения так, чтобы Илите удобнее было одеться.

Старенькая Ама, мать Илиты, стоит в стороне. Но ее зоркие глаза видят все, и она готова поправить малейшую ошибку в одежде дочери; на подружек Илиты Ама не очень-то надеется —

молоды еще, не знают обычаев старины.

И вот Илита сняла военный офицерский ремень, скинула гимнастерку с голубыми петлицами. Одна из подружек уже приготовила ей длинное шелковое платье. Давно не носила Илита платья. Как странно и неудобно в нем! Шуршит ослепительно белый шелк, на груди поблескивают позолоченные застежки, талия перехвачена красным пояском. Лицо Илиты прикрыто тончайшей кисеей, ниспадающей до колен; поверх фаты белый шелковый платок с кистями.

Ама вытирает слезы. Это слезы радости и гордости. Но есть в радости Амы и капелька горечи: как жалко, что старый Крим не дожил до сегодняшнего дня, не видит красоты своей дочери, не может поднять бокал праздничного вина…

На дворе послышался громкий, чуть хрипловатый голос дядюшки Колки. И лицо Илиты мгновенно погрустнело. Дядюшка Колка… Немало крови испортил он и матери, и самой Илите. Если послушалась бы его Илита — не вышла бы за Харитона, стала бы женой нелюбимого Георгия…

Но она слушала только голос своего сердца. Ее сердце было отдано Харитону, и никакие советы, никакие требования, никакие угрозы не могли бы заставить это сердце изменить любимому.

Стоя перед подружками в подвенечном платье, готовясь к той минуте, когда надо будет покинуть родительский дом и отправиться к жениху, Илита еще раз похвалила себя за твердость и мужество. Как ни усердствовал дядюшка Колка, а она поступила по-своему! И правильно сделала!

Были в роде Дауровых люди, которые хотели выдать замуж Илиту «повыгоднее». Они рассуждали так: Илита — знатный человек, депутат, стала летчицей, она из уважаемого, большого рода, славящегося трудолюбием и удачливостью, так почему же не найти для Илиты действительно хорошую партию? Взять хотя бы того же Георгия. И красотой его бог не обидел, и строен, как кипарис. Отец, мать — почтенные люди. Дом — полная чаша. Родственников считай с утра до ночи — не пересчитаешь. А что Харитон? Нет у него ни отца, ни матери, дома приличного до сих пор не нажил.

Так говорили некоторые старики. Больше всех, конечно, усердствовал дядюшка Колка. И, ясное дело, старенькая Ама не могла просто так отмахнуться от его советов.

Узнав, что Илита собирается выйти замуж за Харитона, он стал все чаще и чаще захаживать к Ама, гудел ей своим хрипловатым баском в уши:

— Выйдет Илита за Харитона — улетит! Навсегда улетит. Домой ее на аркане не затащишь. На словах-то вроде бы и есть у

тебя дочка, а на деле — не будет. Какая тебе от этого радость?

Иной раз Колка заводил разговор о том, что профессия у Харитона опасная. Всякое может случиться в воздухе — воздух не земля. Он намекал, что Харитон может погибнуть, и тогда Илите придется всю жизнь бедовать одной…

Ама знала, что Илита и Харитон крепко любят друг друга. И, понятно, мешать своей младшенькой, идти наперекор ее желанию она не хотела.

Однако спорить с Колкой она тоже не могла. В роду Дауровых его привыкли слушаться. Ама отмалчивалась. Да и что другое ей оставалось? Но Колка был настойчив.

Однажды он завел речь о Георгии в присутствии Илиты.

— Зря, зря, дочка, не хочешь ты быть поприветливее с Георгием. — Колка покачал головой. — Первейший жених он. Можно сказать, жених — первый сорт. А как на гармошке играет — заслушаешься!

Илита усмехнулась.

— Разве вы забыли, дядя Колка, что у нас в Осетии на гармошке играют только женщины? Джигиту не пристало на гармошке играть.

— Тьфу! — в сердцах вскричал дядя Колка, попавший впросак. Он сердито стукнул палкой об пол и ушел.

Но, уходя, он всякий раз возвращался. Илита понимала: не просил бы Колку Георгий, давно бы оставил он свои попытки, примирился бы с Харитоном Саламовым. Георгий всему причина, нравится ему Илита. И вот Колка снова сидит в доме Дауровых, снова и снова заводит речь о Георгии, перечисляет — это уже специально для старенькой Ама, — какое имущество выделят молодым родители Георгия. Ни Ама, ни Илита, ни сестры ее, уверяет Колка, нужды знать не будут, а будут в масле кататься и шелком укрываться.

Но Илита была тверда. Она не изменит своего решения. Она любит Харитона и станет его женой! Пусть Колка говорит что угодно, пусть сваты являются три раза на день или тридцать три — Илите все равно.

Сейчас-то все позади: и разговоры с дядюшкой Колкой, и слезы матери, не знавшей, как угодить одновременно и старикам и дочери, и даже та сцена — обидная до боли в сердце, — которую подготовил старший в роде вскоре после приезда Харитона.

У Илиты и теперь сжималось сердце, когда она вспоминала эту сцену. Когда Харитон явился в дом Дауровых, дядюшка Колка тут же послал кого-то из соседних мальчишек к Георгию, а затем еще к одному претенденту на руку Илиты — Максиму Хосроеву.

Те не заставили себя ждать. Тут дядюшка Колка, которому никто не смел перечить, усадил Харитона, Георгия и Максима вдоль стены на кухне. Затем, распушив седые усы и взяв в руки для внушительности свой посох, отправился на женскую половину к Илите.

— Выйди на кухню, — приказал он ей.

Несмотря на всю свою самостоятельность, Илита не могла ослушаться старика. Впрочем, эта встреча с женихами ни к чему ее не обязывала.

Она открыла дверь в кухню, остановилась на пороге. У Харитона радостно вспыхнуло лицо; улыбаясь, он встал навстречу Илите. Поднялись и остальные женихи.

Но Илита, казалось, не заметила их. Она подошла к Харитону и протянула ему обе руки.

— Здравствуй, Харитон!

— Здравствуй, Илита!

Потом она взглянула на Георгия и Максима. Взглянула так, будто только что заметила их. Кивнула.

Сердце ее наполнилось гневом против Колки. Неужели не понимает он, что, устроив подобную сцену, унизил ее, Илиту? Она призвала на помощь всю свою выдержку. Нет, она не выдаст охватившего ее волнения! Наоборот, будет спокойна, будет тверда, как скала, и пусть дядюшка попробует довести свою игру до конца…

Харитон смотрел на Илиту не отрываясь. Глаза его лучились счастьем. А что могла сделать она? Она могла только ответить своему любимому таким же долгим, жаждущим счастья взглядом.

Дядюшка Колка наблюдал за этой безмолвной сценой. Затем сердито окликнул Илиту, увел ее в другую комнату.

— Ты все-таки хочешь выбрать этого бездомного? — накинулся он на племянницу.

— Почему же он бездомный? — ответила Илита вопросом на вопрос.

— Потому что на родине у него нет ни кола ни двора! — повысил голос Колка. — А гостиница — не дом! Или ты хочешь сказать, что вы совьете себе гнездо в самолете?

Илита спокойно ответила:

— Мы совьем его там, где захотим! Нам жить — нам и беспокоиться о гнезде…

— Им жить! Им жить! — перебил ее дядюшка Колка. — Вы уедете, а позор падет на мою седую голову! На нихасе старики будут показывать на меня пальцем: смотрите, мол, идет Колка, голос которого не стоит и гроша, родная племянница пренебрегла его мнением… Ты хочешь, чтобы было так?

Илита не отвечала. Колка устало присел на лавку.

— Дядюшка Дзабо тоже против этого брака, — сказал он. Чувствовалось, что он приберегал этот довод на последний случай. Но даже авторитет дядюшки Дзабо — человека справедливого, мудрого — не подействовал сейчас.

— Ты — старший в нашем доме, — сказала Илита Колке. — После смерти отца ты заменил его нам — старенькой Ама, моим сестрам. И будь другой случай, я бы не шла против твоей воли. Но сегодня… сегодня никто и ничто не изменит моего решения. Я выбрала Харитона!

— Тьфу на тебя, упрямую! — совсем вышел из себя старик и, круто повернувшись, зашагал на кухню.

Вскоре там послышались мужские голоса. Но о чем говорил дядюшка Колка с женихами, Илита не слышала. Она ушла в свою комнату.

Обидно было за себя. Она — свободный человек и вольна поступать как вздумается. Но вместе с тем это еще не означает, что она может обижать стариков, родственников, мать.

Где же выход? Отказаться от Харитона? Нет, вся гордость, вся любовь Илиты были против этого. Перестала бы она себя уважать, если б поддалась уговорам Колки. Остается одно: послать к дядюшке человека, который бы мог уговорить его.

«Дядюшка Дзабо мне поможет!» — мелькнуло у нее.

И Дзабо помог. Оказалось, что он не так уж и настаивает на браке с Георгием или с Максимом. Конечно, у тех семьи покрупнее, позначительнее, но Харитон, сказать по чести, нравится ему больше.

Дядюшка Дзабо поговорил с Колкой, и тот, поправ свою гордость, пришел в дом Дауровых, чтобы сказать Илите о своем новом решении.

— Я обдумал это дело, — начал он медленно и важно. — И решил… — Колка сделал паузу, чтобы подчеркнуть значительность этого решения, — решил дать согласие на твой брак с Харитоном…

Все обошлось! Но даже сейчас, когда подружки одевали ее, чтобы отвести в дом жениха. Илита не могла забыть упрямства и самодурства дядюшки Колки. Впрочем, если разобраться, виной тому был не характер старика. Большая часть его жизни прошла в те дни, когда адат диктовал свои законы, когда судьбу девушки решали старейшие, когда многочисленность рода жениха ценилась выше всего, и, конечно, выше любви. Обычаи адата въелись Колке в плоть и в кровь. Он с трудом расставался с ними, страдая от этого ничуть не меньше, чем страдала Илита, волю которой он пытался сломить.

Все-таки по-своему Илита любила своего дядюшку и в чем-то жалела его…

Смешно! Ведь теперь, когда Илита стала невестой Харитона, старый Колка искренне уверен, что только он один способствовал счастью племянницы. То-то разливается он за пиршественным столом! То-то горделиво подкручивает усы!

Илита уже была одета. Еще несколько минут, явятся дружки жениха, и она отправится в дом Харитона.

— Ты счастлива, моя доченька, — прервала ее мысли Ама. — И я счастлива. Как бы радовался мои старик, если б видел тебя! — Она посмотрела на другую свою дочь, Катю. — А какой день сегодня? Я хочу запомнить число…

— Двадцать второе июня! — ответила Катя.

«Двадцать второе июня, — повторила про себя Илита. — Я тоже запомню этот день навсегда!»

А люди во дворе Дауровых, на улице продолжали веселиться. Давно не было в Фарне такой шумной такой богатой свадьбы. Звенели бокалы, гости, произнося тосты, были неутомимы… Несколько гармошек то вторили друг другу, то соперничали между собой, зачиная новые мелодии.

Казалось, стены дома Дауровых рассыплются от грома музыки, от неистовых хлопков в ладоши и топота пляшущих.

Согласно существующему обычаю, перед тем как отправить невесту к жениху, старший рода должен был напутствовать ее. Дядюшке Колке дали знать, что невеста готова. Он наполнил вином огромный турий рог и властным жестом остановил танцующих. Смолкли гармошки, прикусили язык любители бесед. Дядюшка Колка вошел на веранду, куда уже вывели Илиту в подвенечном наряде.

— Слушайте! Слушайте! — громко заговорил старик, обводя взглядом двор и праздничные столы. — Я хочу сказать напутственное слово нашей Илите. Вы все знаете…

Дядюшка Колка остановился, прислушиваясь к шуму на улице. Там кто-то крикнул. Там дробно застучали копыта лошадей. Колка насупился. Кто посмел прервать его, старшего в роде Дауровых?

Калитка отворилась, и во дворе появился запыхавшийся, взволнованный Харитон. Все замерли. Шутка ли, жених нарушил обычаи, освященный вековыми традициями! Он ворвался в дом невесты, хотя должен был терпеливо ждать ее у себя! Такого еще не случалось в Осетии никогда.

Харитон был бледен, волосы его растрепались.

Подвыпивший Колка впился в Харитона взглядом, брови его сурово сдвинулись к переносице, ярость кипела в сердце. Этот

негодник топчет обычаи предков! Он думает, что, отличившись на войне, может позволить себе все?..

Харитон молчал, переводя дыхание.

Но пауза длилась недолго. Рассвирепевший дядюшка Колка закричал что-то нечленораздельное и швырнул в Харитона так и неопорожненный турий рог.

Илита закрыла лицо руками. Кто-то из ее подружек громко взвизгнул. И тут Харитон вскинул руки над головой, призывая людей к спокойствию, прося тишины.

— Война!.. — сдавленно произнес он. — Сегодня утром фашистские дивизии Гитлера напали на нашу страну. Самолеты фашистов уже бомбят наши города и села. — Он повернулся к дядюшке Колке и совсем тихо добавил: — Вот почему я здесь…

В один миг во дворе Дауровых все смешалось. Женщины стояли рядом со стариками, люди окружили Харитона, забыв о празднике, выспрашивали его подробности о начале войны. Заголосили старухи. Одна из них все время выкликала имя своего сына, служившего на границе:

— О горе! Лучше мне умереть, чем тебе, Кубади!.. Сердечко мое, Кубади!.. Я сижу за этим богатым столом, ем и пью, а ты, быть может, истекаешь кровью, и горло твое горит жаждой!.. О Кубади!..

Лица тех, кто присутствовал на свадьбе, вдруг посуровели, напряглись. Не было теперь на них и тени веселья.

И Колка тоже в одно мгновение изменился. Он смущенно и горько качал головой. Наконец шагнул к Хари-тону и крепко-крепко обнял его.

— Сын мой, — голос дядюшки Колки дрогнул, — прости меня, старого и неразумного! Хочу по-отцовски обнять тебя и прошу забыть обиду…

— В такой час нам ни к чему говорить об обидах, — сдержанно ответил Харитон.

Он подошел к Илите, которая по-прежнему стояла на веранде.

— Ну вот, Илита, придется нам отложить свадьбу до конца войны. — Харитон улыбнулся, но глаза его были печальны. — Будем верить, что это случится скоро. А сейчас снимай подвенечное платье и надевай свою гимнастерку. Поскорей! Прискакал нарочный из военкомата, нас немедленно вызывают в часть!

Илита бросилась в свою комнату. Через минуту она была уже в гимнастерке и сапогах. Даже пилотку не забыла.

— Я готова! — сказала она Харитону.

Люди все еще не могли прийти в себя. Подумать только: они

сорят словами и заливают эти слова добрым вином, и это в то время, как вражеские самолеты жгут советские города и села, а вражеские солдаты топчут землю Родины! Сражения идут на всей границе от Балтийского до Черного моря. Верно, немало и убитых — война несет смерть и косит людей без разбора. Быть может, среди убитых есть и сыновья, и братья тех, кто пировал только сейчас за столом Дауровых.

— О Кубади, сыночек мой!.. — продолжала рыдать старуха.

Нашлись и такие, что сомневались: не ошибся ли Харитон, так ли весны его слова? Возможно, кто-то все перепутал. Ведь Германия подписала с Советским Союзом договор о ненападении! Неужели для фашистов договор — это лишь пустая бумажка?

У ворот Дауровых остановилась грузовая машина. В кузове стояли несколько военных, а из кабины выглядывал знакомый Илите командир, работавший в райвоенкомате. Видно, ему было поручено собрать всех отпускников и переправить их побыстрее в Орджоникидзе.

Старенькая Ама, заметив машину, словно только сейчас очнулась, поняла, что стряслось. Вскрикнув, будто раненая серна, она бросилась к дочери и прижала ее к своей груди.

— Дитятко мое милое, цветочек мой! — причитала она. — За что нас бог наказал? Почему он не испепелил извергов, когда те только задумали свое злое дело?..

Илита поцеловала мать, осторожно отняла ее руки.

— Меня ждут, нана. Мне нужно спешить. — Она снова поцеловала старенькую Ама. — Мы скоро вернемся, нана. А за меня не волнуйся — я не пропаду…

Знакомый командир уже знал Харитона и Илиту.

— Поторапливайтесь, Саламов, Даурова!

Пока суд да дело, он встал на подножку машины и принялся объяснять людям, окружившим его:

— Слышали, товарищи? Началась война! Мы ждали ее и не сидели сложа руки. Но враг вероломен — он напал внезапно. Сегодня утром гитлеровские бандиты без объявления войны вторглись на территорию Советского Союза. Все молодые джигиты должны стать на защиту своего отечества! Мы покажем врагу, что такое горская удаль и горское мужество!..

Илита и Харитон подошли к машине. Военный с петлицами летчика подал руку Илите, помогая ей взобраться в кузов. Вслед за Илитой в кузове оказался и Харитон.

Они стояли плечом к плечу, прощаясь взглядом с родными, с Фарном, с милой сердцу Осетией. Харитон помахал кому-то офицерской планшеткой. Илита перевесилась через борт, поцеловала мать, потом сестер.

Мотор затарахтел, и окружавшие машину празднично одетые люди расступились, давая дорогу полуторке. Обнажив голову, стояли у ворот старики и молодые и смотрели вслед машине, пока она не скрылась за поворотом.

Никто не сказал ни слова. Лишь один дядюшка Колка пробормотал:

— Мы будем ждать вас, дети! Возвращайтесь с победой!

Скупая, непрошеная слеза скатилась по щеке старика. Чтобы никто не заметил его слабости, он отвернулся. Потом подошел к Ама и тихо сказал ей:

— Не горюй, женщина, у тебя есть защитник!

И нельзя было понять, кого он имеет в виду — себя или племянницу.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ДАЛЕКО ОТ ЛИНИИ ФРОНТА

В жаркий летний день по шоссе, что вытянулось вдоль берега Черного моря, быстро мчалась полуторка. В кузове на лавках, тесно прижавшись друг к другу, сидели молодые офицеры и девушка в летной форме.

Легкий ветер с моря освежал лица, и девушка почти не чувствовала жары. Длинный шлейф пыли тянулся за машиной.

— Илита, глянь-ка, вот и Новороссийск, — сказал один из военных, обращаясь к девушке.

Шоссе пошло в обход города, и Илите удалось увидеть лишь несколько военных кораблей, стоявших у причалов, да высокие серые башни цементных заводов.

За Новороссийском проскочила зеленая бухта Геленджика; длинные песчаные пляжи казались в лучах солнца золотыми. Потом пошли сады Архипово-Осиповки.

Паренек, увидевший первым Новороссийск, был из этих мест. Он знал здесь каждую бухточку, каждую речушку. И хотя никто не просил его быть гидом, он беспрерывно говорил, сообщая слушателям целую кучу сведений. Он рассказал о Туапсе, о реке Пшиш, что протекала неподалеку от Сочи.

Вот наконец миновали и Туапсе.

«Куда нас везут?» — удивлялась Илита. Она была разочарована: выходит, ей придется служить в глубоком тылу? Каждый километр отделял ее от фронта, на который она так жаждала попасть. Помнится, в штабе военного округа намекали, что летчикам, вместе с которыми ехала Илита, будет поручено опасное, ответственное задание. Ну и опасное! Сидеть на тихом пляже и бросать камешки в пену прибоя!

Не доезжая Лазаревского, полуторка свернула на грунтовую дорогу, взбегавшую вверх по горному склону, скользнула в зеленый тоннель лесной просеки и совершенно неожиданно оказалась на широкой поляне.

Их окликнул часовой. Он остановил машину, потребовал у офицера, сопровождающего группу, документы. И тут же откозырял.

— Все в порядке, товарищ капитан! Машина пусть постоит здесь, а вы идите вон туда, к дубкам. Штаб в блиндаже.

Приехавшие спрыгнули на землю, размяли затекшие от долгого сидения ноги. Капитан построил людей и повел их к дубкам, в тени которых у входа в большой блиндаж стоял еще один часовой.

— Ну, товарищи офицеры, — сказал капитан, хмуро

оглядывая запылившихся летчиков, — приведите себя в порядок. Сейчас представлю вас начальству.

Он нырнул в блиндаж.

Летчики ждали вызова. В душе они волновались: что ждет их впереди, какое дело им поручат? А пока они негромко переговаривались и старались разглядеть силуэты самолетов, — самолеты стояли за дубками, многие из них были искусно замаскированы зелеными ветками.

Но вот прибывших начали по одному вызывать в блиндаж. Илиту вызвали второй. Она спустилась на несколько ступенек вниз. В блиндаже было прохладно. Большая электрическая лампочка с абажуром из газеты освещала только центральную часть помещения; здесь стоял просторный стол, на котором была разложена карта Черноморского побережья.

В углу находился еще один стол, примыкавший торцом к бревенчатой стене. За столом сидел черноволосый майор. В тот момент, когда Илита переступила порог блиндажа, он разговаривал с кем-то по телефону. Голос у него был сердитый.

— Я приказал! — чеканил майор. — Выполняйте приказание без лишних слов!..

Илита пригляделась. Теперь она заметила в помещении еще одного человека; в дальнем углу блиндажа примостилась девушка-радистка.

Но вот майор закончил телефонные переговоры, и тогда Илита привычным жестом вскинула руку к пилотке:

— Товарищ майор! Младший лейтенант Даурова прибыла в ваше распоряжение для прохождения дальнейшей службы!

Майор удивленно уставился на Илиту. Потом сердито дернул себя за черный ус и забарабанил пальцами по столу.

— Женщин стали посылать в морскую авиацию! — воскликнул он, пожимая плечами. — Из какого округа?

— Северо-Кавказского! — отрапортовала Илита.

Майор снова пожал плечами.

— Ну и ну!

— Вам, товарищ майор, не придется жалеть, что вы принимаете в свою часть женщину, — спокойно заговорила Илита. — Я налетала вдвое больше часов, чем положено курсанту. Экзамены по эксплуатации машины сдала на «отлично». А кроме того, если вам так уж хочется, я могу скрывать, что я — женщина…

— Как же! — усмехнулся майор, теребя свои короткие усики. — Все ваши хитрости шиты белыми нитками! Спрячете косы под китель на спине и будете думать, что преобразились в мужчину? Ладно, — остановил он себя, — раз приехали,

оставайтесь. Но косы — снять! Снять без всяких разговоров!

Сказать по правде, Илиту обидела речь майора. Грубовато он разговаривает. И зачем нужно было обязательно подчеркивать, что ему в части нужны только мужчины? Нехорошо это. Такие слова скорее подошли бы дядюшке Колке, столь старательно оберегающему законы адата, но не молодому человеку, воспитанному Советской властью. А чего прицепился он к косам? Впрочем, разговор о косах шел еще в летной школе. Новый начальник курса, пришедший в школу после Харитона, тоже потребовал, чтобы Илита срезала косы. Но тогда за нее вступился инструктор Петров, и начальник курса отменил свое приказание.

— Прошу вас, товарищ майор, не заставляйте меня срезать косы, — тихо произнесла Илита. — Я — горянка, для горянки снять косы — то же самое, что горцу срезать усы… Если вы слышали о наших обычаях…

— Слышал! — невольно улыбнулся майор. — Эти обычаи у меня тут, тут и тут! — Он ткнул себя пальцем в грудь, потом в живот, а затем в лоб. — Я сам кавказец, грузин…

Он вышел из-за стола и почти вплотную подошел к Илите. Только сейчас, по-видимому, он разглядел на гимнастерке девушки красный флажок депутатского значка.

Однако это не смягчило его сердца. Он достал из кармана кителя пачку папирос, закурил и, похаживая вдоль бревенчатой стены блиндажа, продолжал:

— Обычаи обычаями, но, товарищ младший лейтенант, существует и воинская дисциплина. Короткая стрижка по уставу обязательна. — Он махнул рукой, словно упрекая себя за многословие. — В общем, выполняйте приказ!

Круто повернувшись, Илита вышла из блиндажа. Часовой показал ей, как пройти к парикмахеру, — парикмахерская была в палатке, поставленной прямо в лесу.

Там Илита сняла пилотку, вытащила спрятанную под ворот кителя длинную черную косу и распустила волосы по плечам. Пусть режут ее косу! В конце концов, прав майор или неправ, он командир, а командиру перечить нельзя.

Молоденький парикмахер, восхищенно поглядывая на этот водопад волос, нетерпеливо щелкнул ножницами.

— Майор приказал срезать? — спросил он не то с сожалением, не то с усмешкой.

Илита не ответила. Оторвал ее от грустных дум негромкий, мягкий голос за спиной:

— Жалко?

Она оглянулась. Рядом стоял молодой лейтенант с веселыми голубыми глазами. Прядь светлых волос — ну точно ковыль! —

озорно вылезла из-под летной фуражки. Лейтенант смотрел на Илиту с явным участием.

— Что делать? — вздохнула Илита. — На войне люди головы теряют, товарищ лейтенант, так стоит ли мне плакать по моим космам?

— Космам? — возмутился собеседник Илиты. — Да у вас царская коса! Такую и в кино не грех показать!

— Майор рассуждает иначе, — снова вздохнула Илита.

— А вы знаете что… — лейтенант помедлил, в глазах его сверкнул хитрый огонек, — загляните к майору часика через два, когда у него весь порох выйдет. Наш Джапаридзе только на первый взгляд строгий, а так душа-человек… Я как-то видел фотографию его дочерей. Так вот у них тоже косички… Если Джапаридзе напомнит вам о косе, вы спросите: дороги ли ему косички дочерей? — Лейтенант развел руками. — Конечно, как говорят в боксе, это удар ниже пояса, но… у вас нет другого выхода.

Илита задумалась. Попробовать, что ли? Может, действительно проймет этого каменного майора?

— Будете стричься, товарищ младший лейтенант? — спросил парикмахер.

— Нет. Подожду.

Она задумчиво двигалась по дорожке, ведущей к замаскированным самолетам. Морская авиация… Так, кажется, сказал майор? Интересно, на каких самолетах летают морские асы?.. Дорожка кончилась. Перед глазами Илиты открылось поле. Здесь, во всю ширину его, стояли знакомые У-2. И на этих «фанерных этажерках», как называли У-2 фронтовики, морские летчики воюют с фашистами?!

Илита разочарованно вздохнула. Что и говорить, не очень-то боевой вид у самолетов. Прикрытые маскировочными сетями, с зелеными ветками наверху, они выглядели и хрупкими и нескладными.

Признаться, отправляясь из Орджоникидзе в часть, Илита думала, что ее посадят на первоклассную боевую машину. А где она, эта машина? Под командованием у майора находится не один десяток офицеров и сержантов, и все они, наверно, летают на «фанерных этажерках». Почему? Какая в этом нужда? И чем будет заниматься Илита тут, за сотни километров от фронта, в местности, которая только и знаменита, что песчаными пляжами?

Харитону повезло больше. Он летает на тяжелых бомбардировщиках, крошит бомбами укрепленные позиции врага, поджигает танки фашистов, рвущиеся на восток. Это настоящее дело!

— Нравятся наши соколы? — спросил без тени иронии давешний веселый и разговорчивый лейтенант. Теперь он был чисто выбрит, от него попахивало одеколоном. Он протянул Илите широкую ладонь: — Давайте знакомиться. Иван Ефименко. Командир звена. Вот что я хочу вам сказать: если для летчика с такой прекрасной косой не найдется места, я его приму с распростертыми объятьями. У меня в звене как раз не хватает пилота…

— Спасибо, товарищ лейтенант, — поблагодарила Илита.

— Все о косе печалитесь? — участливо спросил Ефименко. — Авось отступится Джапаридзе, он отходчив…

Откровенно говоря, Илита думала сейчас не о Джапаридзе. Ей вспомнилось, как перед отъездом из Орджоникидзе военком попросил ее выступить на митинге молодежи города. Митинг был многолюдным, на нем присутствовало пять тысяч человек, и добрая половина из них — женщины и девушки. Илита призывала молодежь идти на курсы медицинских сестер и снайперов, срочно организованные в Орджоникидзе. Она говорила, что сейчас, когда решается судьба страны, все юноши и девушки обязаны помочь фронту, обязаны стать грудью на защиту Родины.

Позже Илите сказали, что более ста девушек тут же, на площади, подали комиссару заявления с просьбой зачислить их на открывшиеся курсы. Впрочем, о выступлении Илиты узнали не только в Орджоникидзе — обращение к горянкам было напечатано во всех газетах Северного Кавказа, и, откликаясь на призыв Илиты, осетинки и аварки, кабардинки и ингушки взялись за освоение военных профессий.

Как служат сейчас те, к кому обращалась Илита? Неужели и у них хлопоты с косами?

Илита хотела поделиться своими мыслями с Ефименко, но не решилась. Получится еще, что она вроде бы бахвалится своим выступлением.

— А вы мне на вопросы-то и не ответили! — огорченно сказал лейтенант.

— Вы спрашивали: нравятся ли мне эти соколы? — иронически поджав губу, она кивнула на самолеты, стоявшие на поляне. — Когда-то нравились. А сейчас — нет. Не птиц, а зайцев на этих драндулетах преследовать! Что может сделать такая «фанерная этажерка» против фашистского «мессера»?

— Ну-у…. — протянул Ефименко. В голосе его сквозила обида. — С «мессерами» мы драться не собираемся, во всяком случае не такую задачу поставили перед нашей частью. Другую! Но эта другая ничуть не меньше, чем, допустим, у бомбардировочной авиации. Не огорчайтесь, «уточки» тоже

делают свое дело. — Он замолчал. Потом искоса взглянул на Илиту: — Вы так и не назвали своего имени. Или это военная тайна?

— Нет, почему же, — Илита рассмеялась и на какой-то миг забыла все свои огорчения, — друзья называют меня… Дика…

— Дика? Это какое же имя?

Илита принялась объяснять. Еще в школе она придумала себе имя. Она составила его из первых букв настоящего имени, отчества и фамилии. Даурова — это ее фамилия, отчество — Кирилловна, а настоящее имя — Илита. Вот и получается: Дика.

Так звали ее в кукурузоводческом звене, которым она руководила, в летной школе. А тут, в части, к ней обращались пока что только официально — товарищ младший лейтенант.

— Дика… — задумчиво повторил Ефименко. — Мы, правда, сию минуту познакомились, но, я надеюсь, вы разрешите мне называть вас не официально? — Он улыбнулся. — А интересно все-таки — девушка стала морским летчиком! Нашему майору бы радоваться, гордиться, а он вас за косу жучит…

Лейтенанта прервали. На дорожке появился сержант с красной повязкой на рукаве. Он, видимо, выполнял обязанности дежурного по штабу.

— Товарищ младший лейтенант, — обратился он к Илите, — вас командир вызывает.

Устало и безнадежно вздохнув, Илита направилась к блиндажу. Едва она переступила порог, как майор поднял голову от карты, испещренной карандашными пометками, и уставился на летчицу.

— Итак?.. — Он вдруг сорвался и ударил кулаком по столу. — Вы не выполнили мое приказание! Вижу, не выйдет из вас дисциплинированного летчика. Я не стану наказывать вас — просто откомандирую в округ с соответствующей характеристикой… — Он шагнул к Илите. — Я знаю, вы — знатный человек в Осетии. И ваш депутатский значок я видел. — Майор говорил сейчас спокойно и серьезно. — Так, может быть, дело в гордости? Эта гордость здесь ни к чему!

— Извините, товарищ майор, — сказала Илита, — выслушайте меня, и вы все поймете… Я действительно крепко работала в колхозе и считалась лучшей звеньевой. Но я не заносилась и сейчас нисколько не заношусь, честное слово! Есть разная гордость. Мы, осетины, гордимся своим: мужчины — твердостью, непреклонностью, храбростью и, если говорить до конца, усами, сединами; женщины — хозяйственностью, добротой. Но если мужчинам в Осетии дороги усы, то женщинам — косы. Да разве только в Осетии? В Грузии то же

самое. Вы бы, товарищ майор, согласились, если бы вашим девочкам срезали косички? А что бы вы сказали, если б вам приказали сбрить усы?

Кто знает, что ответил бы майор Илите и как поступил с ней, если б в эту минуту в блиндаж не вошел Ефименко. Он, по-видимому, был в дружеских отношениях с командиром. Во всяком случае, чувствовал он себя в штабе как дома.

— Товарищ майор, — сказал он Джапаридзе, — в моем звене не хватает летчика. Может, дадите мне Дику?

— Какую такую Дику? — удивился майор.

— Да вот, — Ефименко кивнул на Илиту, — младшего лейтенанта зовут Дика.

Майор неожиданно улыбнулся:

— Ее зовут Дика? А ведь как точно назвали! И было бы еще точнее, если бы к этому имени добавили только одну буковку — «я»…

— Это почему же? — не понял Ефименко.

— Потому, что ей с ее упрямым характером больше бы пошло имя «Дикая»! Ей-богу, не видел более упрямой и своенравной девушки!

— А это хорошо, что упрямая да дикая! — подхватил шутку Ефименко. — Воевать будет злее.

Майор остановил лейтенанта движением руки: хватит, мол, болтать. Он по привычке потрогал свои черные усики, словно ему действительно только что предложили сбрить их.

— Пусть будет по-вашему, — сказал он Илите. — Ладно, учтем ваши национальные традиции. Но… — он погрозил девушке пальцем, — это до первого взыскания. Смотрите, сами себе не испортите дела. Испортите — пеняйте на себя: тогда вас уже надо будет не стричь, а брить! — Голос у майора подобрел, и Илита теперь действительно поняла, что Ефименко был прав: Джапаридзе — душа-человек. — Идите, идите!..

ФРОНТ — ОН ВЕЗДЕ

И вот Илита стоит у «своего» самолета. Это довольно старенький У-2. Он почти не отличается от тех «уточек», на которых Илита летала в Харьковской школе. Слегка-покатые крылья, задорно вздернутый нос, короткий винт — все это придает машине какой-то домашний вид.

Илита хорошо знала, как выносliва «уточка», как разносторонне использовали ее в мирное время. Трудяга этот «У-2», такого поискать! С его помощью тушили пожары, проводили подкормку посевов, на нем возили почту, он обслуживал геологические экспедиции. До воины У-2 звали и «уточкой», и «фанерной этажеркой», и «кукурузником». А вот сейчас у него новое имя — НХБ, что означает «ночной хитрый бомбардировщик».

У хвоста самолета возился пожилой механик с веснушчатым лицом. Он был в широком, не по фигуре, комбинезоне, перепачканном мазутом.

Окликнув его, Илита спросила:

— У него есть какое-нибудь имя или нет? — Она имела в виду свой У-2.

— «Ласточка», — ответил механик. — По коду он «Ласточка»… Прежний хозяин доволен был машиной.

— А где ж теперь его хозяин?

— В бомбардировочную авиацию перевели.

Илита осмотрела машину, влезла в кабину, затем, спрыгнув на землю, вытерла паклей перемазанные машинным маслом руки. Затянула туже пояс на комбинезоне, поправила пилотку на голове.

«Что ж, будем летать!» — мысленно обратилась она к самолету.

Бывалые летчики относятся к машине, как к живому существу. Часто они говорят не «я летал», а «мы летали» или еще хлестче — «она летала», то есть летала машина. Вольно или невольно, но Илита тоже переняла эту манеру.

— Ну что, как «Ласточка»? — спросил механик, повертывая широкое лицо к Илите.

— Нормально.

Легкая грусть овладела Илитой. Механик всеми своими жестами, спокойствием и вместе с тем деловитостью напоминал старого Крима, отца.

Лейтенант Ефименко накануне кое-что рассказал Илите о механике.

Звали его Сергей Иванович Козорез. Он был довольно высок, худощав. Дело свое не просто любил — обожал его, не мог жить без машин. У летчиков бывали свободные часы, когда они шли к морю, купались, валялись на песке, отдыхая от трудных полетов. А вот Сергей Иванович считал отдых «баловством» и не позволял себе ни купаться, ни греться на солнечном пляже. Он оставался около самолетов, на «пятачке», как в шутку звали летчики свой аэродром.

Казалось, вся работа была уже переделана, все самолеты начищены и надраены, словно готовились на парад, — чего надо Козорезу еще? Но выходило так, что Сергей Иванович обязательно находил себе дело. Тут гаечку подкрутит, тут винтик смажет, сюда маслица подольет. Скажут ему: «Отдыхайте, Сергей Иванович, кончайте работу». А он в ответ: «Я работу тогда кончу, когда Гитлер скапутится!» Да еще прибавит, что отдых — это самое что ни на есть настоящее баловство.

Да, было в Козорезе что-то от крестьянина Крима!

С первой же встречи Сергей Иванович проникся к Илите симпатией. Разговаривая с Илитой, он называл ее официально — товарищ младший лейтенант, а за глаза звал «Ласточкой», как и Илитин У-2.

В эскадрилью майора Джапаридзе входило два десятка «уточек». Как потом выяснила Илита, задачей эскадрильи была подготовка парашютистов-десантников и систематическая разведка над морем и побережьем в районах Лазаревского, Сочи, Туапсе.

Здесь, в лесу, на побережье, война казалась далекой. Тихо и ласково плескалось спокойное в это время года море. В садах около Лазаревского зрел щедрый урожай фруктов, и аромат плодов — яблок и груш — разносился в воздухе, напоминая о доме. Миром и спокойствием веяло от природы юга. В первые дни пребывания на лесном аэродроме Илита частенько усмехалась про себя: и это называется она воюет!

Мыслью этой Илита поделилась с Козорезом. Тот, устало и печально взглянув на нее, возразил:

— Если идет война — фронт везде! Даже в Сибири, где люди куют оружие и растят хлеб. А тут тем более. Ты слышала вчерашнюю сводку? Как прет, мерзавец! Смоленск у него. Минск у него. Киев у него. Тысячи городов и сел проглотил… А Кавказ фашистам нужен, ой как нужен! На нефть они зарятся, на хлеб, на скот…

Козорез обвел глазами ближний лес, поляну, на которой стояли самолеты, и добавил свое, выношенное, передуманное, наверно, не один раз:

— Нельзя нам супостату эту землю отдавать. Отдадим — конец России, конец народу!..

А дни текли за днями, отличаясь друг от друга только сводками Информбюро. Илита постепенно привыкала к жизни эскадрильи. Кабина «Ласточки» стала для нее кусочком родного дома. В этой кабине она провела уже немало часов: приходилось чуть ли не ежедневно выполнять патрульные полеты — то в сторону Батуми, то в сторону Новороссийска. Каждую неделю на аэродром приезжали группы новичков-десантников — они тренировались в прыжках с парашютами. Если патрульные полеты помогли Илите изучить все заливы и бухточки побережья, то полеты с парашютистами повысили мастерство вождения «уточки». Илита теперь могла и не глядеть на высотомер — она чувствовала высоту интуитивно, до мгновения рассчитывала время, когда можно было крикнуть десантнику: «Прыгай!».

Вообще патрулирование побережья — довольно скучная работа. С парашютистами было интереснее, живее. Но тут и ответственности прибавлялось. Илита болела за каждым прыжок десантников. Когда очередной парашютист прыгал с крыла и словно пуля устремлялся вниз, сердце Илиты замирало. Она ждала, ждала с великим нетерпением всплеска шелка и успокаивалась, увидев под собой белый, туго натянутый купол.

Однако жизнь на лесном аэродроме все-таки казалась однообразной. Илите хотелось настоящего, большого дела. Какого? Она сама бы не могла ответить на этот вопрос. Конечно, с «мессерами» бороться она не рассчитывала. Но как ни слаба «Ласточка», как ни тихоходна, а боевая работа могла бы найтись и для нее!

В один из дней Илите не разрешили вылетать на патрулирование. Она была расстроена: в чем дело, не провинилась же она? Лейтенант Ефименко успокоил ее: «Не волнуйся, у тебя сегодня особое задание».

Часом позже Илиту вызвали в штаб. Майор Джапаридзе встретил ее приветливо. Похвалил за четкую работу во время патрульной службы, даже позволил себе пошутить: вот, мол, и придраться-то не к чему, так что придется, наверно, не трогать косы до конца войны…

— А теперь, Дика, — майор впервые назвал ее так неофициально, — иди сюда, поближе к карте. Поручаю тебе ответственное дело: будешь вести ночную разведку. — Он наклонился над картой, взял карандаш. — В этих двух квадратах «пасутся» подводные лодки противника. Видишь, совсем рядом с Новороссийском… Я знаю, как трудно ночью заметить перископ. Но ночью лодки ходят в надводном положении, и, если быть

внимательным, можно различить на глади моря пенистый белый след от перископа. Глаза у тебя, как у всех горцев, зоркие — вот и засекай фашистов! И еще: не вылезай из этих квадратов, тебе и тут дела хватит. А в других квадратах наши люди тоже будут вести разведку. — Он оторвался от карты и закончил разговор в своем обычном тоне: — Задание ясно, товарищ младший лейтенант?

— Ясно, товарищ майор!

— Выполняйте!

Стрелком-радистом у Илиты был сержант Богомолов. Он ждал своего пилота у машины. Илита объяснила ему суть нового задания. Богомолов совсем недавно перешел в авиацию. Служил до этого на Дальнем Востоке, так что Черное море было ему в диковинку. Вот почему задание майора Джапаридзе показалось ему пустяковым.

Илита была иного мнения. Не так-то просто ориентироваться ночью над побережьем — поселки и города затемнены, море сливается с землей, попробуй-ка разгляди, где вода, а где суша, где гора, а где заболоченная низина. Но это еще полбеды. Гораздо труднее разыскать в море подводную лодку противника, засечь ее, — пожалуй, легче найти в стоге сена иголку.

Вылетали с аэродрома в сумерки. Илита устроилась в своей кабине, надела шлем. Сзади возился Богомолов. Он включил рацию, и незнакомый голос с командного пункта приказал:

— «Ласточка»! В воздух!

Стоявший неподалеку лейтенант Ефименко крикнул:

— Счастливого полета, Дика!

Козорез с силой крутанул пропеллер, мотор взревел, и самолет тронулся с места.

Когда они оторвались от земли. Илита оглянулась: аэродром утонул в темноте.

Только выйдя к морю, Илита различила линию побережья и определила, что они летят над самим Лазаревским. Теперь надо повернуть на север, в сторону Новороссийска. Повернули. Так, все пока идет как следует.

— Скорей бы луна взошла! — крикнула Илита через плечо Богомолову.

— И то дело, — согласился стрелок-радист. — Я и не представлял себе, что тут такие темные ночи.

Илита чувствовала по его тону — Богомолов волнуется. Что ж, она тоже волновалась — ведь это ее первый ночной полет.

Она вела «уточку» вдоль побережья — то чуть отклоняясь от него, то снова приближаясь. В сущности, еле ощутимая грань темной земли и еще более темной воды служили ей

единственным ориентиром. Приборы тоже кое-что ей говорили. Она знала, например, каково расстояние от Лазаревского, где был аэродром, до намеченных Джапаридзе квадратов, знала, сколько они уже прошли. И все-таки тут можно было ошибиться! А вот линия побережья, изученная до мельчайших подробностей, Илиту никогда еще не подводила.

— Туапсе! — крикнула Илита Богомолову. — Видишь внизу темное пятно?

Богомолов долго таращил глаза, стараясь разглядеть Туапсе.

— Да тут, кроме черных пятен, нет ничего другого! — ответил он. — Не вижу этого Туапсе, хоть глаз выколи!

За Туапсе начинался район, отведенный майором Илите. Севернее лежали Геленджик и Новороссийск. Сейчас, когда фашисты создали крупную военно-морскую базу в Констанце, что в Румынии, когда их войска ворвались в Крым, важность и ценность таких портов, как Геленджик и Новороссийск, особенно возросла. Отсюда отправляют боевое пополнение в Одессу и Севастополь — эти города мужественно сражаются с фашистами, сковывают большие силы противника. Здесь то и дело пришвартовываются транспорты, перебрасывающие войскам, сдерживающим врага, боеприпасы и продовольствие. В Геленджике и Новороссийске около десятка крупных эвакогоспиталей, осуществляющих приемку раненых и переправляющих их в глубокий тыл — в Сибирь, в Казахстан и Среднюю Азию.

В общем, два этих порта на Черном море — словно артерии, питающие фронт всем необходимым.

Ясно, почему фашисты нацелились на них! Кто не знает, что задумал враг: сначала пустит подводные лодки, разведает систему обороны, а затем введет в действие боевые корабли и бомбардировочную авиацию, чтобы парализовать порты на долгое время…

«Смотри внимательнее! — приказывала себе Илита. — Смотри зорче!»

Она давно забыла, что в первые дни пребывания на аэродроме иронизировала над «фанерными этажерками», над работой, выпавшей на долю летчиков майора Джапаридзе. А работа эта оказалась действительно важной и ответственной! Илита на своей «уточке» — глаза армии. Достаточно ей разглядеть на поверхности моря пенистый след вражеского перископа, достаточно ей засечь противника — и навстречу фашистам выйдут юркие, быстроходные сторожевые катера с глубинными бомбами на борту, или вылетят по тревоге стражи нашего моря — летчики морской авиации, или торпедные

катера — «морские всадники», как называют их на флоте, и тогда худо придется гитлеровцам…

Уже дважды Илита пересекла свои квадраты — с юга на север и с востока на запад.

Надо бы спуститься пониже. Так удобнее. Илита направляет «Ласточку» к морю. До боли в глазах всматривается она в эту вечно колеблющуюся водную равнину.

Около полуночи темно-зеленые громады гор на востоке чуть посветлели. Вскоре обозначились их вершины — это где-то за горизонтом рождалась луна. И вот она вышла, залив все вокруг серебряным светом.

Впрочем, полнолуния не было. Луна с большой щербинкой на боку выглядела так, словно ее покорежила вражеская торпеда.

Вслед за горами посветлело и море. Ну, если теперь на водной глади покажется перископ противника, Илита и Богомолов его заметят!

— Как у тебя рация? — спросила на всякий случай Илита.

— В порядке! — крикнул Богомолов. Он заметно оживился. Видно, появление луны придало ему бодрости.

В той стороне, где был Новороссийск, проплыл в воздухе самолет. По силуэту Илита определила: наш! Около Новороссийска был расположен аэродром. А там, в порту, торпедные катера. «Морскими всадниками» командовал земляк Илиты — Коста Кочиев. О храбрости и мужестве этого человека рассказывали легенды. Он уже потопил несколько вражеских кораблей.

Интересно будет, если Илита засечет вражескую подлодку, а Коста накроет ее бомбами!

Но что думать о «морских всадниках», когда у нее свои заботы. Илита мельком взглянула на приборы. Горючего в баках немного — пожалуй, еле хватит на то, чтобы еще разок прочесать оба квадрата и дотянуть до базы.

Неожиданно стрелок-радист закричал, перекрывая шум мотора:

— Младший лейтенант, смотрите — подлодка!

Илита глянула вниз. Прищурившись, она силилась найти белый след перископа… Да, действительно на воде что-то белеет! Светлые пятнышки на черных волнах казались звездами, упавшими с неба. Неужели это буруны, оставленные перископом?

Она круто пошла на снижение, сделала круг над тем местом, где еще недавно сверкали белые пятна. Нет, отсюда они неразличимы. В чем же дело, куда пропали буруны?..

И вдруг она увидела внизу дельфина. Он сделал грациозный прыжок, и лунный свет белым пятном отразился на его спине.

Дельфинов Илита видела не раз во время патрульных полетов.

— Богомолов! — окликнула она стрелка-радиста. — Смотри внимательнее: дельфин — не подводная лодка!

Глянув на циферблат часов, Илита подумала, что пора бы и явиться смене. Самое время сейчас.

Теперь она вела самолет вдоль берега, насупившегося серыми скалами. Вот мелькнул знакомый силуэт горы Мысхако. А ну свернем поближе к Мысхако — не прячутся ли в тени горы вражеские торпедные катера? Бывало ведь, что прятались.

Обычно в это время выходили наши транспорты с боеприпасами, с продовольствием… Значит, надо быть начеку, глядеть в оба! Фашисты тоже не дураки, они знают, когда удобнее напасть на наши корабли…

Лейтенант Ефименко, отправляя штату на задание, каждый раз напоминал ей о бухте за горой Мысхако. Коварная бухточка, даже в солнечные дни тут сумрачно — кругом высокие скалы, берег круто обрывается вниз, и в глубокой воде ничего не разглядишь.

В районе Мысхако Илита снова снизилась. Но ничего подозрительного не обнаружила. Решила еще раз пролететь над морем до указанной Джапаридзе отметки, а потом идти к аэродрому: на большее горючего уже не хватит.

Внизу море… Волна идет за волной, похожая одна на другую, как сестры; они темные… Эй, они не темные! Вон, перерезая черноту волн, тянется белая полоска, похожая на пушистую шерстяную нитку!

— Богомолов, ты видишь? — возбужденно спросила Илита; она открыла для удобства боковой плексигласовый щиток и наклонилась над бортиком кабинки.

— Вижу! — вскричал стрелок-радист. — Перископ, Дика, ей-богу, перископ!

Нитка двигалась, скользила по морю. Правда, не очень быстро, не очень заметно, но скользила.

— Готовь микрофон! — приказала Илита Богомолову. Голос у нее внезапно охрип. Стараясь не потерять из виду белый след от перископа, она заговорила: — Передавай! Квадрат 19-Д, замечено движение к северу, в направлении Геленджика… Да торопись же, Богомолов!..

— Я — «Ласточка»! Я — «Ласточка»! — закричал в микрофон Богомолов. — Как слышите? Прием…

Илита с облегчением вздохнула, услышав в наушниках глухой голос командира эскадрильи:

— «Ласточка», слышу тебя хорошо. Прием.

Радист передал все, что говорила Илита. Но она вдруг не вытерпела, обернулась к кабине стрелка-радиста и крикнула что есть силы:

— Джапаридзе! Скорее! Уйдет!..

Вдалеке появился силуэт «уточки». Летела смена. Встречный самолет покачал в знак приветствия крыльями. Илита приказала Богомолову связаться с «уточкой» и передать ей подводную лодку врага, что называется, с рук на руки.

«Ну вот, — думала Илита с торжеством, — теперь шифровка уже на сторожевых судах, у «морских всадников». Сторожевики ходят быстро, а летчики морской авиации несутся еще быстрее. Через десять — пятнадцать минут они будут в указанном квадрате. — Она усмехнулась, — Ясное дело, подлодка, услышав шум моторов, уйдет на дно, выключит двигатели, чтобы не обнаружить себя. Только все это зря — наши все равно нащупают ее локаторами, разбомбят».

Волнение спало. Илита почувствовала усталость. Она оглянулась на Богомолова; тот весело подмигнул ей, но лицо у него было бледным, утомленным, лоб усеян капельками пота.

Илита повернула «уточку», вышла на обратный курс. Правда, мысли ее то и дело возвращались к засеченной вражеской подлодке. Найдут ее наши или не найдут? Должны найти!

Она была уже неподалеку от Лазаревского, когда мембраны наушников тихо задребезжали, отзываясь этим слабым эхом на далекие взрывы. «Нашли!» — обрадовалась Илита.

Да, Сергей Иванович Козорез был прав, когда говорил ей, что фронт — везде. То, что делает сейчас она, Илита, — нужное, очень нужное и ответственное дело!

— «Ласточка», «Ласточка»! — неожиданно прогремело в наушниках. — Слышите ли меня? Прием.

— «Ласточка» отвечает, — заговорил Богомолов. — Слышим вас хорошо. Прием.

— Молодец, Дика! — раздалось в наушниках, и Илита узнала, кто это сказал, — майор Джапаридзе.

Так впервые встретилась с врагом Илита Даурова.

«ЛАСТОЧКА»! ГДЕ ТЫ?»

В этот день все вылеты были прекращены. Ни один самолет не поднялся с укрытого в лесу аэродрома.

Летчики завтракали, когда в столовую пришел майор Джапаридзе и сказал:

— Товарищи офицеры, можете отдыхать.

Он тут же вышел, а пилоты, стрелки-радисты и техники, обслуживающие самолеты, принялись гадать: с чего это вдруг им дают отдых? Отдыхать! Разве война кончилась? Разве вражеские подводные лодки и торпедные катера не крутятся у наших берегов? Ну и загадку задал майор! Ни один шифровальщик не расшифрует!

Кто-то из молодых летчиков подал мысль отправиться до вечера в Сочи. Там и погулять есть где, и вкусная еда найдется.

— Я тебе погуляю, — осадил его лейтенант Ефименко. — Сказано — отдыхать, стало быть, ложись на койку и спи.

Видно, Ефименко кое-что знал. «Может, опять в ночную разведку пошлют»? — мелькнуло в голове у Илиты.

Жила она в палатке вместе с двумя девушками; они прибыли только недавно. Одна из них была техником по оружию, другая работала в санчасти эскадрильи. Девушки любили Илиту, гордились ею: все-таки летчик она, и не рядовой летчик, майор Джапаридзе всем ее в пример ставит!

Когда Илита после завтрака заглянула в палатку, там было пусто. Легла на койку, попыталась заснуть. Потом, спохватившись, проверила свое снаряжение: в порядке ли унты, ватник, шлем? В ночном полете каждая мелочь может оказаться важной.

Но уснуть не удалось. На улице кто-то закричал, что привезли почту. А когда слышишь такое, спокойно лежать не будешь. Сегодня Илите повезло: пришло сразу два письма от Харитона, одно из Фарна и еще из Москвы. Из Москвы ей писала подружка, с которой она когда-то училась на курсах Академии социалистического земледелия. Прежде всего, конечно, Илита взялась за письма Харитона.

Харитон летал теперь на тяжелом бомбардировщике дальнего действия. «Прекрасная машина», — хвалил он свой самолет. Но, признаться, о том, как летает он на своей «прекрасной машине», Харитон почти не писал. Впрочем, Илите и без того было известно, чем занимаются летчики-бомбардировщики: наносят удары по скоплениям войск противника на узловых станциях и в городах, громят огнем и бомбами танковые полчища, совершают

далекие рейды в тылы противника, где взрывают вражеские военные заводы. Да, нелегкая, опасная служба у Харитона!

Но чем меньше сообщал Харитон о деле, о боевых успехах, тем больше писал он о своих чувствах к Илите, о надеждах, о том, как они счастливо заживут, когда кончится война.

Илита тут же принялась за ответ Харитону. Так много хотелось рассказать ему! Так много чувств скопилось в душе! Пусть Харитон бережет себя. Пусть знает, что на земле и в воздухе Илита помнит о нем — помнит всегда-всегда. Даже недавно, когда она выполняла ответственное задание и с честью выполнила его, мысли ее были с Харитоном; это он помог ей, хотя и не был рядом…

Жаль, что в письме нельзя поподробнее рассказать о случае с подводной лодкой фашистов — такое в письмах сейчас не пишут. Но что хвалиться? Харитон ведь не расписывает свои успехи, а у него их побольше, чем у Илиты.

Она отдала письмо почтальону и легла на койку. Долго еще думала о Харитоне, а потом уснула. Проснулась к вечеру. Разбудил Илиту громкий разговор за брезентом палатки. Кто-то сказал:

— Вся эскадрилья идет на задание!..

Так оно и вышло.

В сумерках самолеты эскадрильи, ведомые майором Джапаридзе, поднялись в воздух и направились в сторону Ростова. Ночью приземлились на прифронтовом аэродроме. Над горизонтом то и дело вспыхивали яркие зарницы разрывов; гул снарядов и бомб был хорошо различим.

«Наконец-то мы понюхаем пороха!» — думала Илита, прислушиваясь к грому артиллерийской перестрелки, нараставшему от минуты к минуте.

Не успела Илита устроиться в небольшой землянке, как за ней прислали от Джапаридзе.

— Дика! (Теперь вся эскадрилья называла ее так.) Дика! К командиру!

Илита накинула шинель и выбежала на улицу.

Начинался хмурый осенний день. Небо все сплошь было укутано серыми, унылыми облаками. С севера тянуло холодным, пронизывающим ветром.

Илита вдохнула полной грудью. Зима чувствуется; кажется, еще денек-два, и выпадет снег. Трудно летать в такую пору.

В землянке командира эскадрильи майора Джапаридзе не оказалось. Был здесь только Ефименко. Недавно его повысили в звании, он стал старшим лейтенантом, чем, кстати, весьма гордился. Илита привыкла видеть его спокойным,

уравновешенным и очень удивилась, когда заметила, как раздраженно он разговаривал с двумя молоденькими безусыми лейтенантами, прибывшими недавно из школы пилотов.

— Привет, Дика! — кивнул Ефименко Илите и снова перевел хмурый взгляд на лейтенантов. — Теперь поняли свою ошибку? — Он устало махнул рукой. — Эх, вы, в двух соснах запутались!

На столе перед Ефименко была разостлана потрепанная карта-десятиверстка, испещренная многочисленными красными и синими пометками. Старший лейтенант то и дело теребил ее, стараясь объяснить новичкам, куда нужно было лететь и куда не нужно.

Илита присела к столу, с интересом разглядывая молодых летчиков. Вид у них был сконфуженный и растерянный. Илите вдруг стало жалко новичков…

Дверь землянки заскрипела. Вошли лейтенанты Егоров и Канторович, товарищи Илиты по эскадрилье. Отрапортовали Ефименко.

— Присаживайтесь, — пригласил он. — Вот эти салажата, — Ефименко кивнул на молодых летчиков, — провалили дело. Необходимо повторно произвести разведку с воздуха… Я знаю, после ночного перелета все устали. Но какими глазами я буду смотреть на Джапаридзе и какими глазами Джапаридзе будет смотреть на командующего фронтом, если мы не справимся с заданием и не сможем добыть разведданных? Тут вас трое… Кто добровольно возьмемся за это дело?

— Я! — поспешила откликнуться Илита.

— Я! — эхом повторили за ней Егоров и Канторович.

— Добро, — сказал Ефименко, кивнув Илите. Он, наверно, и не ждал другого ответа. — Полетит Даурова. Впрочем… — старший лейтенант задумался, — полетите все. Риск большой, каждого из вас могут сбить, а тут надо действовать наверняка… Теперь уточним все по карте. — Он тронул десятиверстку острым карандашом. — Вот квадрат четырнадцать. Немецкая пехота наступает где-то здесь, это известно. Но как она продвинулась и какими силами ведет наступление враг, мы не знаем. Без этих данных не возвращайтесь! — Ефименко вдруг улыбнулся и стал похож на прежнего — неунывающего, веселого, способного и пошутить и посмеяться — командира. — Но лучше — возвращайтесь и привозите данные!

Илита, Егоров и Канторович задержались еще на несколько минут в землянке: достали свои планшеты, перенесли на карты пометки, сделанные Ефименко, уточнили время вылета.

— Счастливого неба, товарищи! — напутствовал их

Ефименко. — Задание у вас важное. Будут нужные данные — наша пехота остановит немцев, не пустит их к Кавказу…

Егоров и Канторович вышли. Ефименко на секунду задержал Илиту, ласково взглянул на нее.

— Устала? — Он вздохнул. — Что делать. Дика, — война…

Через полчаса «Ласточка» Илиты сорвалась с места и взмыла в воздух.

Самолет летел низко. Тронутая осенью зеленовато-желтая земля неторопливо проплывала внизу. Медленными волнами перекатывалась пшеница на неубранных полях. В тальниковых зарослях рукавов Дона проглядывали бледно-желтые пятна песка. Серыми полосками тянулись дороги. Кое-где по дорогам, а то и прямо по полям двигались люди, повозки, автомашины — это наши обескровленные части и население уходили от надвигавшейся с севера лавины фашистских армий.

Накануне, еще до вылета с лазаревского аэродрома, Илита слушала доклад политрука эскадрильи. Политрук рассказывал о ходе военных действий на фронтах. Что ж, положение трудное, это от летчиков не скрывали.

Теперь, глядя на проплывающую под самолетом землю, Илита с горечью думала о том, как велика опасность, нависшая над Родиной. Фашисты рвутся к Москве, блокировали Ленинград. Их войска уже ворвались в Крым, и наши отбивают яростные атаки полчищ гитлеровцев. Противник занял Петрозаводск и перерезал железную дорогу, ведущую к Мурманску. Если ему удастся выйти к Белому морю, лопнет последняя ниточка, связывающая советское Заполярье с Центральной Россией; к Мурманску придется пробиваться водным путем.

Пламя войны охватывает все бóльшую и бóльшую территорию. Фашисты испепелили бомбами Украину, Белоруссию. Тысячи городов и сел лежат в развалинах, сотни тысяч мирных людей — женщин, детей, стариков — искалечены, убиты…

Кто-то из летчиков эскадрильи слышал, что враг пытался бомбардировать Казань, Вологду. Вон куда уже лезут!

А тут, на юге, фашисты стоят у порога Кавказа…

Под крылом самолета снова и снова разрозненные группы людей, повозки. Вот большая пушка, брошенная прямо в поле. Отступают наши…

Сердце Илиты на мгновение замерло от тоски и обиды. Но тут же выровняло свой бег, казалось, стало стучать даже тверже, увереннее. Илита крепче сжала штурвал. Ничего, еще месяц, еще два — ну, от силы, полгода — и враг почувствует, как велика мощь советского народа! Войск у нас все больше и больше,

появляется новая техника, а силы фашистов тают не по дням, а по часам…

И все-таки враг еще наступает, рассчитывая до зимы взять на севере Сталинград, на юге — Баку. Остановят ли его наши войска? Должны остановить!

У Ефименко были сведения, что в квадрате четырнадцать наступают фашистские танки. Но в обозначенном квадрате Илита танков не увидела. Впрочем, ей показалось даже, что никто не преследует наши отступающие части. Где же проходит линия фронта? Где вражеские танки? Где пехота противника, которая так беспокоит командующего фронтом?

Волнение охватило Илиту: неужели она, как и те новички, не сможет обнаружить фашистов и вернется без разведданных?

Изредка в наушниках слышался голос командира эскадрильи:

— «Ласточка»! «Ласточка»! Где ты? Отзовись! Прием.

Сидящий во второй кабине Богомолов отвечал обычно:

— Ведем наблюдение!

А что еще он мог сообщить командиру? Язык не поворачивался говорить, что внизу только и видишь наши отступающие части.

— Дика! — окликнул стрелок-радист Илиту. — Может, пройдем по границам квадрата?

Илита кивнула.

Три минуты полета по западной границе квадрата — ничего. Пять минут — ничего. Но что это там — не на земле, а в воздухе? Черные точки! Одна, две, три… Теперь уже можно различить — «мессершмитты»! Летят аккуратным стройным клином. По-видимому, просто патрулируют, охраняют и сопровождают свои движущиеся части. Вот попали в облако, скрылись на несколько секунд. Вынырнули! Как быстро они приближаются! Еще минута — и они будут над «Ласточкой»! Надо уходить. Вниз! Вниз! Это единственное спасение!

Обернувшись к стрелку-радисту, Илита крикнула:

— Передай! Девятка «мессеров» над головой! Танков не вижу! Вижу наши отступающие части… Девять «мессеров»!..

Именно в эту секунду вражеские истребители вынырнули из ближнего облака. Трое отделились, стали стремительно снижаться, пикируя на «Ласточку» Илиты. Огненные нити трассирующих пуль протянулись совсем рядом. Илита бросала свою машину из стороны в сторону, все ближе и плотнее прижимая ее к земле. Нет, садиться она не собиралась, знала: на земле неподвижную «Ласточку» расстреляют сразу же. Надо идти на бреющем, вилять — другого выхода нет.

«Мессершмитты», сделав один заход и не сбив «Ласточку»,

перешли на набор высоты. Они быстро догнали свою группу, пристроились к ней. Илита вздохнула с облегчением: жива машина, жива ее милая «Ласточка»!

«Первая атака у них сорвалась, — подумала Илита, провожая взглядом самолеты фашистов. — Но вряд ли они оставят меня в покое. Если, конечно, не идут на серьезное задание».

Это был фронт, и тут могло случиться всякое. Весьма возможно, что «мессеры» расчищают путь бомбардировщикам, летящим следом. У-2 для бомбардировщиков не помеха, потому-то «мессеры» и не стали преследовать Илиту. Однако кто знает, что это так? Быть может, «мессеры» охотятся за нашими бомбардировщиками? Наконец, если самолеты врага просто патрулируют небо, им тоже нет выгоды носиться за «Ласточкой».

Как бы то ни было, но «мессеры» ушли, и «Ласточка» может продолжать поиск…

Илита вела самолет метрах в пятидесяти от земли — так ее трудно было достать и снизу и сверху, — и вместе с тем глаза летчицы не упускали ни одной мелочи.

Совсем неожиданно открылось широкое поле, уставленное копнами. Илита сделала над полем круг, хотела было уже пойти дальше, как вдруг заметила: копны движутся!

Заметил это и Богомолов. Он сумел даже разглядеть следы за этими движущимися копнами — следы-то танковые!

Теперь все ясно: замаскированные танки или бронетранспортеры!

— Передавай! — крикнула Илита Богомолову. — Граница квадратов четырнадцатого и пятнадцатого… Повтори: четырнадцатого и пятнадцатого! Движущиеся копны! Замаскированные танки! — Она наклонилась к бортику кабины, принялась считать. — Пятьдесят два танка… Нет, пятьдесят три! Идут на юг! Идут на юг!

— Слышу вас хорошо! — откликнулся майор Джапаридзе в наушниках. — Продолжайте наблюдение! Прием.

Промчавшиеся на юг «мессеры» между тем возвращались. Но теперь никто не пикировал на «Ласточку» — видно, вражеские летчики посчитали самолет Илиты нелегкой добычей.

Прошло еще несколько минут. «Мессершмитты» исчезли, но тотчас же появились фашистские бомбардировщики.

«Я так и знала, — мелькнуло в голове у Илиты. — «Мессеры» расчищали путь бомбовозам… Чем остановить их? Ведь сейчас они обрушат на наши отступающие войска тонны смертоносного груза!»

Если б в эту секунду Илита сидела за штурвалом истребителя, она бы не раздумывала, она бы врезалась в строй

бомбардировщиков врага и билась бы с фашистами до последнего вздоха! Но Илита летела на хрупкой «Ласточке», на «кукурузнике», — первая же прицельная очередь превратила бы машину в труху.

Что могла сделать Илита? Ничего.

Чуть не плача, она развернула «Ласточку» в сторону своего аэродрома. Внизу были поля. Пшеница, пшеница, пшеница… Можно было сто раз смотреть на эти неубранные, с прогоревшими плешинами от случайных снарядов и бомб поля — и все-таки не привыкнуть к их горестному виду. Как дорого достается хлеборобу зерно! И как особенно дорого оно горцам, издавна сеявшим ячмень на маленьких, куцых участочках.

— Иду домой! — докладывал между тем Богомолов командиру эскадрильи. — Иду домой!

— Хорошо! — довольным голосом проговорил Джапаридзе.

И, словно по его же команде, на поле внизу выскочила колонна автомашин. Кузова были прикрыты брезентом. «Катюши»! — догадалась Илита.

И правда, навстречу танкам врага шли прославленные «катюши». Ну, сейчас они зададут фашистам жару!

Илита кивнула своему радисту, скосила глаза вниз: может, посмотрим, как сработают наши «катюши»? Богомолов кивнул ей в ответ. Илита развернула «уточку».

Теперь вся панорама боя была перед глазами. Свернув с дороги, машины быстро и четко рассыпались веером. Фигурки солдат засуетились вокруг, словно муравьи. Вот снят брезент. Вот заложены в ячейки стволов снаряды. Залп!..

Словно гром ударил снизу. Казалось, самолет Илиты швырнуло. От первого же залпа загорелось пшеничное поле. Мгновенно вставшая стена огня рванулась вверх, закрывая собой танки врага.

Но вот ветер погнал огонь дальше, и тогда Илита увидела: несколько танков горело; большая часть уже повернула обратно, только две-три машины еще отстреливались. Грянул второй залп, и новое море огня захлестнуло все вокруг — и пшеничное поле, и недобитые танки противника.

— Пришел им капут! — радостно закричал Богомолов, забыв, что держит в руках микрофон.

«Уточка» легла на новый курс. К дому! К дому!

Самолет был уже над аэродромом, когда в наушниках раздался ликующий голос майора Джапаридзе:

— Дика! Дика, ты меня слышишь?

— Слышим вас хорошо, — ответил Богомолов. — Прием.

— Молодец, Дика! — ликовал Джапаридзе.

Посадив «Ласточку», Илита вдруг почувствовала такую усталость, что не могла шевельнуть ни рукой, ни ногой. Она так и осталась сидеть в кабине, только сняла шлем. Богомолов о чем-то спросил ее, но Илита не ответила. Тогда радист выскочил на крыло и взволнованно помахал рукой Ефименко: быстрее сюда, с Илитой что-то стряслось!

В один миг Ефименко, без фуражки, с растрепанными волосами, оказался у машины Илиты:

— Дика, что с тобой? Ты ранена?

Подбежал и Козорез. Вместе с Ефименко он вытащил Илиту из кабины.

— Не надо, — улыбнулась Илита бескровными губами. — Я жива, здорова…

— А машина-то в порядке? — поинтересовался Козорез.

— Кажется, в порядке.

Илита размяла ноги, постояла около «Ласточки» и пошла к своей палатке, сопровождаемая тремя мужчинами: Ефименко, Козорезом и Богомоловым.

— Джапаридзе тобой доволен. Дика! — заговорил Ефименко. — Сказал: «Представлю ее к правительственной награде…»

— А Егоров и Канторович вернулись? — спросила Илита, думая о своем.

Ефименко кивнул головой.

ОДНИМ «МЕССЕРШМИТТОМ» МЕНЬШЕ…

Ночью Илите приснился страшный сон. Позже она говорила, что он был пророческим. Снилось ей, что «Ласточку» окружили ястребы — небольшие, но стремительные, безжалостные, со стальными крыльями. Они клевали самолет Илиты, и было видно, как от этих ударов лопается обшивка фюзеляжа. Вот на одном крыле замаячил оранжевый огонь. Он ползет к кабине, где сидит Илита, ползет медленно, но упорно. И тут раздался взрыв, от которого «Ласточка» распалась на части, а Илита проснулась в тревоге и волнении…

Она несколько минут не спала. Потом, когда злые ястребы забылись и волнение улеглось, снова приникла к подушке. И — странное дело! — сон, словно его и не прерывали, продолжался. Во всяком случае, Илита знала, что «Ласточка» ее погибла, но сама она каким-то чудом осталась жива.

Она лежала на поляне, усеянной яркими цветами. Вдруг из дальних кустов вышел Харитон. Он был в белом кителе и почему-то в белой смушковой папахе. Подойдя к Илите, он не выразил удивления, словно знал, что встретит ее здесь. Одну руку он просунул ей под голову, чуточку приподнял и поднес к губам алюминиевую флягу. Илита приникла губами к горлышку, но Харитон в то же мгновение отнял флягу. «Умираю — хочу пить!» — сказала Илита. Однако Харитон продолжал дразнить ее: он то приближал флягу, то отнимал. «Он меня не любит!..» Мысль эта поразила Илиту, и она опять проснулась.

Долго лежала, вспоминая все детали страшного сна. К чему ей привиделись ястребы? Как странно вел себя Харитон! Почему он только дразнил ее? Почему не дал ей пить?

Конечно, Илита давно освободилась от предрассудков. Расскажи ей кто-нибудь такой вот сон, она бы засмеялась: глупости это! Но забыть свой сон, отмахнуться от недавних страшных и странных видений она не могла. Быть может, ей грозит беда? Быть может, что-то случится с Харитоном?..

Илита уснула с трудом. Утром сон уже не казался ей столь зловещим, как ночью. Мало ли что привидится!

Утро выдалось сырое, хмурое. Густой липкий туман стлался по земле. В этом тумане маленькие «У-2» казались неправдоподобно громоздкими, большими. Но, как сообщила метеослужба, туман был неглубок. Пробившись сквозь его полосу, можно было летать.

С первой неприятностью в этот день Илита столкнулась в кабинете военврача. Тот каждое утро проводил медицинский

осмотр летчиков. Военврач — добродушнейший старик с прокуренными седыми усами — на этот раз необычно долго и тщательно выслушивал Илиту, а потом изрек:

— У вас гриппок, любезная. В полет вас пускать нельзя.

Илита чуть не задохнулась от негодования.

— Но ведь я чувствую себя отлично! — воскликнула она. — И потом, как вам не стыдно говорить сейчас «гриппок», когда война идет, когда наши люди…

— Я не хуже вашего знаю, что идет война и что наши люди сегодня делают, — спокойно прервал Илиту военврач. Он вытащил из столика журнал медицинского осмотра в что-то записал там. — Завтра полетите, а сейчас отдыхайте…

— Не буду я отдыхать! Не буду!

В комнату заглянул старший лейтенант Ефименко. Он тоже напустился на врача:

— Что же это получается? У меня скоро летать будет некому: у одного, видите ли, мозоль на ноге, у другого насморк, а теперь и Даурову тоже на койку отправляете?

— Отправляю. — Врач и сейчас отвечал спокойно. — У меня нет другого выхода.

— Да вы не врач, — вскричал Ефименко, — вы саботажник! Да-да, уважаемый Никифор Матвеевич, — саботажник!

Военврач вздохнул. По-видимому, ему было трудно сохранять спокойствие в этом разговоре.

— Я выполняю свой долг, — отчеканил он.

— Сейчас наш общий долг — воевать с фашистами, не щадя ни крови, ни жизни! — выкрикнул Ефименко. — А вы — «гриппок», «мозоль на ноге»!..

Врач пожал плечами.

— Можете на меня жаловаться. Это ваше право. А мое, — врач прищурил глаза, — следить за здоровьем летчиков…

Джапаридзе, выслушав Ефименко, сам отправился поговорить с врачом, а затем, избрав в споре среднюю линию, одного летчика освободил от полетов, а двух других, в том числе и Илиту, послал на задание.

Бой наших «катюш» с танками противника на границе известных только командованию да экипажу Дауровой четырнадцатого и пятнадцатого квадратов — это был лишь отблеск огромного сражения, развернувшегося в то время на пороге Кавказа и донских степей. Атаки фашистов и наши контратаки, снова атаки фашистов и снова наши контратаки — так продолжалось уже много дней и ночей.

Немцы были обескровлены, и все-таки, не считаясь с потерями, старались удержать инициативу в своих руках — они

наступали.

Илита знала: то поле, на котором «катюши» сожгли немецкие танки и остановили мотопехоту, теперь у врага. Грохот битвы стал более явствен — фронт приближался к аэродрому.

Как и вчера, Илите было поручено провести разведку, собрать данные о наступающем противнике.

Преодолев полосу тумана, «Ласточка» вырвалась в чистое небо. Однако вскоре низко идущие облака снова обняли самолет. Земля просматривалась плохо. Только над самым Доном удалось выйти из облачности, и тогда Илита совершенно неожиданно для себя увидела неподалеку «уточку» Ефименко. Откуда тут Ефименко? А может, Илита в тумане залезла в «чужой» квадрат? Видимо, так.

Самолет Ефименко трижды качнул крылом: старший лейтенант приветствовал Дику.

«Узнал! — огорчилась Илита. — Теперь дома прочистит с песочком!»

Она повернула «Ласточку» к своему квадрату.

Странное белое облачко мелькнуло слева. Затем такое же облачко появилось справа.

— Немецкие зенитки! — объяснил Илите Богомолов.

— Понятно, что зенитки, — откликнулась она. — А не ответить ли нам парочкой бомб?

Впервые за все время военной жизни Илита взяла на борт «Ласточки» с десяток мелких бомб. Правда, метать их надо было «дедовским» способом: перегнуться через борт кабины и прямо с рук спустить вниз, на цель. Но и это большое достижение. Теперь и «уточка» могла как-то постоять за себя. Легкий пулемет да бомбы — чем не оружие? Ясно, с «мессерами» лучше не тягаться, «уточка» перед ними как серна перед барсом. Однако с «мессершмиттами» Илита встречаться не собиралась. А вот зенитную батарею фашистов можно попугать!

Она вдруг заложила крутой вираж и скользнула вниз, словно хотела сесть на зенитки. И в тот момент, когда зенитные установки фашистов подплывали к фюзеляжу, Богомолов раз за разом сбросил вниз несколько бомб. Затем приложился к пулемету и начал поливать батареи короткими очередями.

Было видно, как одна бомба взорвалась рядом с зенитной установкой…

Зенитные батареи остались позади. Мелькнул овраг, в котором Илита и Богомолов заметили группу немцев и несколько крупных минометов.

Не сговариваясь, сделали вираж над оврагом, и Богомолов в нужный момент сбросил на врагов три бомбы. Клубы разрывов

взметнулись вверх.

— Точно в цель! — подвела итог Илита, весело поглядывая на своего стрелка-радиста. — Вот тебе и «Ласточка»! Теперь, с запасом бомб, она стала больше похожа на сокола, чем на ласточку!

Самолет шел низко, чуть не цепляясь колесами за верхушки деревьев. Внизу появилась широкая грейдерная дорога. Илита направила «Ласточку» параллельно дороге. Сначала тут было пустынно, лишь на двух поворотах Илита заметила немецких регулировщиков, сидящих на мотоциклах. Богомолов не стал тратить на них ни бомб, ни патронов. Но чуть дальше они наткнулись на пехоту противника. Тут-то Богомолов развернулся вовсю: он забросал колонну врага бомбами, пулемет его стрекотал неутомимо. Солдаты побежали в поле, стараясь укрыться в воронках; многие из них остались лежать на дороге.

— Бомб больше нет, — доложил Богомолов Илите.

Чтобы поточнее определить, где они находятся, Илита повернула «Ласточку» к морю. Побережье и под Лазаревским всегда служило ей хорошим ориентиром.

Вот оно, море! Только не Черное, а Азовское. Это даже по цвету воды можно отличить: в Черном море вода густая, порой даже с каким-то чернильно-фиолетовым отливом, а здесь, в Азовском, голубоватая, иногда с сероватым оттенком — это Дон, вливающийся в Азовское море, дает о себе знать.

Очень интересно наблюдать сверху, как в Керченском проливе — он неширок, горловина его равна пяти-шести километрам, — встречаются воды двух морей.

Глядя вниз, Илита совсем забыла, что идет война, что каждую секунду на нее из облаков может напасть вражеский «мессер», — так прекрасна была эта картина природы, так величественна, так многокрасочна.

— Товарищ лейтенант! — оторвал ее от созерцания Богомолов. — «Мессершмитты» идут!

Вражеские машины летели почему-то с моря. Они стремительно приближались, грозя «Ласточке» автоматическими пушками и пулеметами. Надо уходить! Только не так-то просто уйти от быстрых, как ветер, «мессеров», — скорость у них чуть ли не в четыре раза больше, чем у «Ласточки». Догонят!..

Правда, были и у «мессеров» свои слабости: вести точный прицельный огонь они не могли; чем быстрее они шли, тем меньше шансов было у них попасть в цель.

Имелась у тихоходной «Ласточки» еще одна возможность обвести «мессеры» вокруг пальца: прижаться к земле, перейти на бреющий полет. Снижаться «мессершмитты» опасались: скорость

и тут была им помехой; чуть зазевался, упустил мгновение, особенно на гористой, неровной местности, — и врезался в землю.

«Мессеры» пронеслись над «Ласточкой» с быстротой молнии. На ходу они поливали ее огнем из пулеметов. Но огонь не был прицельным, и ни одна пуля не коснулась «уточки».

Илита упрекнула себя: надо же было ей в такое время любоваться красотой моря! Она снизилась и полетела над самой водой, прижимаясь к прибрежным скалам.

«Мессеры» гудели где-то в стороне. Скалы мешали разглядеть Илите, чем они заняты. Но вот гряда скал сошла на нет, и тогда Илите открылся широкий вид на побережье.

Внизу был небольшой поселок, состоявший из нескольких домов отдыха и санаториев. Илите говорили, что в поселке сейчас госпиталь и в зданиях, где раньше жили курортники, размешены раненые. На крышах двух самых крупных зданий были ярко выписаны красные кресты.

«Мессершмитты» стреляли зажигательными, в упор расстреливали раненых!..

Фашистские стервятники беспрерывно пикировали на поселок. Уже горело несколько зданий; на дорожках парка лежали трупы. А бойня все продолжалась…

Вот тут Илита и совершила поступок, который внешне казался безрассудным, но на самом деле был очень правильным.

Она понимала, что лететь навстречу «мессерам», пытаться атаковать их — значит, сознательно идти на гибель. И все-таки она повернула к поселку! Не могла Илита спокойно смотреть на то, как «мессеры» убивают раненых. Пусть ее собьют, но она хоть на несколько минут отвлечет самолеты врага от поселка, от госпиталя, а если удастся, попробует угостить пиратов парой пулеметных очередей!

Илита подлетела к одному из санаториев, расположенных чуточку в стороне, и тотчас же к ней ринулись два «мессера».

«Надо увести их за собой!» — решила Илита, круто снижаясь.

«Мессершмитты» полоснули «Ласточку» длинными очередями. Богомолов ответил. Но его легкий пулемет сразу же замолчал.

— Патроны кончились! — закричал он Илите. «Плохо, — подумала она. — Совсем плохо. Теперь если и можно надеяться, то лишь на чудо!»

Несколько вражеских пуль зацепили крыло. Хорошо, хоть не попали в мотор и в бак с горючим.

«Мессеры» далеко, они разворачиваются, чтобы снова напасть. Пусть, пусть! Они охотятся за «Ласточкой», а значит,

меньше бомб и пуль достанется поселку с госпиталем…

— Осторожней, Илита! — крикнул Богомолов, когда одни из «мессеров» ринулся в «пике», ловя на мушку низко идущую «Ласточку».

И снова несколько пуль угодили в крыло и в фюзеляж.

Но «Ласточка» жива, летит! Илита вела свою машину над самым побережьем…

Она обернулась, чтобы посмотреть, далеко ли «мессеры». Одна вражеская машина была высоко в небе, другая приближалась к «Ласточке». Вот она спикировала. Вот протрещала очередь вражеского пулемета. Мимо!.. Попали!.. Опять мимо!..

Илита вцепилась в штурвал, словно решила никогда не расставаться с ним. Казалось, тело ее слилось с машиной и управляет сейчас ею: «Ласточка», повинуясь каждому движению Илиты, была на редкость проворной, ловкой и всякий раз уходила от удара.

Но что это? Почему «мессер» не выходит из «пике»? Словно тяжелый камень, приближается он к земле все быстрее и быстрее! Не вышел… Конец ему!

В последнее мгновение над самолетом врага взлетела черная точка. Это катапультировался летчик.

«Мессер» врезался в землю с неимоверным грохотом. В ту же секунду его охватило высокое, бурлящее, прожорливое пламя.

— Сбили! Сбили! Сбили мы его! — обезумев от радости, кричал сзади Богомолов.

Илита обернулась к нему:

— Он сам себя погубил. — Затем она добавила с улыбкой: — А мы ему только помогли в этом!

Неожиданно «Ласточка» стала плохо слушаться, заваливаться на крыло. Илита с тревогой посмотрела вниз. Вот повезло — под ними не море, а длинный песчаный пляж! Только бы песок оказался достаточно плотным…

Вскоре потерявшая управление «Ласточка» врезалась в песок. Илита закрыла глаза: «Сейчас машина перевернется!..» Нет! Сделав несколько странных скачков, «Ласточка» остановилась. Послышался громкий треск. «Шасси полетело», — успела отметить про себя Илита. Затем на минуту сознание оставило ее.

Она пришла в себя и оглянулась на Богомолова. Он был бледен как полотно, губы его кривила боль.

— Что с тобой? — спросила Илита. — Ты ранен?

— Не знаю, — медленно заговорил Богомолов. Он вдруг схватился руками за правый бок и привалился к борту кабины. — Вот тут, вот тут… больно…

Илита с трудом вытащила Богомолова на крыло, потом спустила на землю. Стрелок-радист не мог стоять на ногах. Он лег на песок, расстегнув с помощью Илиты ватник.

— Кровь… — тихо сказал он. И действительно, на комбинезоне выступило ярко-розовое пятно. — Все-таки зацепило. — Прижав рану руками, он растерянно, совсем по-детски смотрел на Илиту.

Илита подняла голову, огляделась. Хоть бы люди из поселка появились! А то ведь одна с Богомоловым она не справится.

Метрах в ста от берега, в завале скал, мелькнул купол парашюта. В первую минуту Илита не могла понять, что это за парашют. Потом вспомнила: фашистский летчик!

Что же делать? Остаться с Богомоловым или попытаться задержать фашиста? Богомолов, тоже заметивший купол парашюта, кивнул Илите:

— Иди. Поймай его…

Илита измерила взглядом расстояние до скал и вдруг побежала, выхватив на ходу пистолет из кобуры.

За скалами открывалась небольшая поляна. За поляной — лес. Там уж беглеца не так-то легко будет найти.

Однако фашист затратил довольно много времени, чтобы перебраться через гряду скал. Илита настигала его. Она даже не взглянула на обмякший парашют с перерезанными стропами, что валялся на каменистой площадке, — некогда! Когда фашист взобрался на самый гребень возвышенности, Илита была от него метрах в тридцати. Стрелять она не хотела: важно взять летчика живьем.

Вот и она на гребне. Немец, согнув колени, быстро съезжал вниз по каменистой осыпи. Расстояние между ними явно увеличилось. Илита решилась. Стоя наверху, она внимательно прицелилась и выпустила в фашиста три пули, стараясь попасть ему в ногу. Мимо! Мимо! И снова мимо! Не повинуются ей руки после штурвала, после волнения, связанного с вынужденной посадкой!

Прежде чем броситься вслед за фашистом, она оглянулась. Со стороны моря, отрезая беглецу путь к побережью, шел на всех

парах маленький сторожевой катер с тремя матросами на палубе. Видно, заметили моряки, как упал «мессер», как раскрылся парашют, и теперь шли на поиски вражеского летчика.

Илита побежала за немцем. Тот уже приближался к лесу, когда на опушке показались люди из поселка.

— Хенде хох! — крикнула Илита. — Руки вверх!

Но фашист не собирался сдаваться. Он круто повернул и бросился в сторону от побережья — это был единственный свободный путь, обещавший фашисту спасение. Правда, чтобы уйти от преследователей, летчику надо было перелезть через высокую бетонную стену. Стена предназначалась, должно быть, для виадука, а быть может, служила защитой от оползней.

Судорожно цепляясь за выступы, фашист карабкался вверх. Он лишь один раз оглянулся и встретился глазами с Илитой, которая, опередив людей из поселка, была уже совсем близко.

— Хенде хох! — на всякий случай снова крикнула Илита.

Но немец, наверно, и не слышал ее. Это был очень молодой рыжий парень, с длинным лицом, перепачканным то ли машинным маслом, то ли землей. Илита обратила внимание на его руки: тонкие, но сильные и сплошь покрытые кровью.

По ту сторону бетонной стены, на террасе, росли большие деревья. Некоторые выбросили крепкие ветки прямо к поляне. Немец с надеждой посматривал на них. Если он дотянется до первой же ветки, нужно будет только подтянуться — и он за стеной, вне опасности.

Илита с детства хорошо лазила по скалам. И бетонную стену не считала серьезным препятствием для себя. Что ни говори, а она все-таки горянка…

Она сунула пистолет в карман комбинезона. В один миг нашла на стене несколько бугорков и впадин. Так, отлично! Ногу — сюда, а руку — туда. Теперь ногу туда…

Она вскинула голову и вдруг увидела на гребне стены человека в синем больничном халате. Человек, по всей видимости, поднялся на стену с террасы. Он держал в руках большую суковатую палку.

Когда немец приблизился к нему, человек размахнулся и изо всей силы ударил гитлеровца палкой. Летчик, вскрикнув, покатился вниз, чуть было не задев Илиту.

Он лежал на земле, со страхом глядя на людей из поселка. Тут были и раненые из госпиталя, и солдаты караульной роты, и даже две девушки — медицинские сестры.

Один из раненых шагнул к поднимавшемуся фашисту и ткнул его кулаком в грудь:

— У-у, сволочь гитлеровская! Гадина! — Он обернулся к

поселку, над которым по-прежнему клубился черный дым. — Смотри, твоя работа!..

Илита в одну секунду очутилась на земле. Вот уж чего нельзя допустить — чтобы люди расправились с пленным! Он нужен командованию, этот «язык». В штабе с ним поговорят, и, можно не сомневаться, он расскажет многое!

— Стойте, товарищи! — крикнула Илита. — Не трогайте пленного!

Но возмущение раненых было так велико, что, казалось, еще минута, и они бросятся все разом на фашистского летчика и растерзают его. Хорошо, что на помощь Илите уже спешили моряки со сторожевого катера.

Молоденький черноволосый мичман с видимым удовольствием протянул ей руку:

— Будем знакомы — мичман Габуния!

— Илита Даурова. — Она тут же поправила себя: — Лейтенант Даурова.

— А здорово вы на своей «этажерочке» этого фрица сбили! — восхищался мичман. — Мы с моря все видели.

— Я его не сбивала, — устало вздохнула Илита, — он не мог из «пике» выйти…

— Ну, сбивали или не сбивали, а одним «мессером» у Гитлера меньше стало, — усмехнулся мичман. — Вставай, падаль фашистская! — Габуния со злым презрением взял немца за рукав кителя. — Вставай, говорю!

Немец встал, с тревогой поглядывая на стоящих поблизости раненых в синих халатах. Тот человек, что сшиб летчика со стены, грозно махнул палкой.

— Мало я ему дал! — крикнул он. — Мало! Был бы внизу, еще бы добавил!

— Я доложу командиру о вашем подвиге, — сказал мичман Илите. — А пленного мы заберем с собой. В штабе с ним по душам побеседуют. Верно, немало знает! — Он оглянулся на своих матросов: — Берите его! Головой за него отвечаете. Я сейчас вернусь, только погляжу, что там стряслось с «этажерочкой» лейтенанта…

По дороге к морю мичман спросил у Илиты:

— Вы, случайно, не из хозяйства Джапаридзе?

— Случайно, да, — улыбаясь, ответила Илита.

— Мои земляк! А вы откуда будете, если не секрет?

— Из Осетии.

— Землячка! — радостно воскликнул Габуния.

— Ну, если так считать, — Илита дружелюбно взглянула на мичмана, — все советские люди — земляки!

— И то правда, — согласился он.

— Давайте побыстрее, — заторопилась вдруг Илита. — Мой стрелок-радист ранен, оставила я его около машины…

Через несколько минут они были у «Ласточки». Богомолов лежал в тени самолета. Он не стонал, но, судя по глазам, по закушенной губе, испытывал сильные страдания.

— Потерпи, браток, — сказал ему мичман. — Сейчас мы перенесем тебя на катер. Полежишь в госпитале, и так тебя залатают, что родная мама швов не найдет!

Вместе с Илитой и мичманом к «Ласточке» подошли человек пять легко раненных. Габуния попросил их закидать самолет ветками. Все-таки маскировка.

Появились матросы с катера. Доложив, что пленный заперт в каюте и охраняется, они положили Богомолова на носилки и тронулись в обратный путь.

Илита попрощалась взглядом со своей «Ласточкой». Куда там, разве поднимешь ее в воздух! Левое крыло будто решето. И шасси — в щепки. Быть может, и починить все это нельзя…

Мичман махнул ей издали рукой: быстрее, время не терпит!

А уходить Илите не хотелось. Вспомнила она вдруг свой страшный сои. Хоть верь, хоть не верь, а в нем было что-то пророческое! Ранен Богомолов, к которому она сильно привязалась. Повреждена «Ласточка», ставшая ей за последнее время роднее всех истребителей и бомбардировщиков на свете…

Раненые уже прикрывали самолет Илиты ветками, принесенными из лесу. Она пошла вслед за мичманом к катеру. И больше не оглянулась: боялась, что, если оглянется, заплачет.

ПО ПРИКАЗУ СЕРДЦА

Прошло три месяца, а Илите казалось — промелькнули три дня. За это время случилось немало событий и на фронте, и в эскадрилье майора Джапаридзе, и в жизни Илиты.

Гитлеровцы были разбиты под Москвой — не удалось им, как об этом трещало фашистское радио, встречать 7 ноября на Красной площади. Сокрушительный удар нанесли врагам наши части у Ростова — фашисты откатились, оставили город. Укреплял оборону блокированный Ленинград. Героически держался Севастополь. Чтобы отвлечь от него силы противника, было решено высадить десанты моряков в Керчи и Феодосии. Моряки высадились внезапно, с боями заняли Керчь и Феодосию и сейчас медленно расширяли плацдарм.

Эскадрилья майора Джапаридзе теперь дислоцировалась на одном из аэродромов Таманского полуострова.

Три месяца назад Илита посадила свою израненную «Ласточку» на песчаный пляж безымянного поселка. Три месяца назад… Будто вчера это было! Но время течет как вода, быстро и необратимо. И вот уже на пороге Новый год!

До воины это был один из самых ярких, самых красивых праздников. Ждали его с трепетом, с каким-то чудесным волнением, загадывая, что принесет с собой Новый год. И когда часы показывали двенадцать, лица людей освещались надеждой. Родные и близкие собирались вместе за праздничным столом, чтобы поздравить друг друга, пожелать счастья и здоровья, мира и благополучия в наступающем году. Веселье, шутки, смех, красивые тосты сопровождали этот праздник.

Но сегодня, в преддверии Нового года, Илите было не до веселья. Тоска то и дело тяжелым обручем сжимала ее сердце. Илита и сама не могла толком понять, что тому причиной. Казалось бы, нет особых поводов для грусти. Дела на фронте идут получше. Наконец-то Красная Армия дала почувствовать свою силу гитлеровским воякам. Миф о непобедимости фашистской армии был развеян, и это придало бодрости народам Европы, борющимся с нацистами. И письму Харитона надо радоваться, хотя чуткое сердце Илиты и уловило в нем какие-то горькие, тревожные нотки. Писем от Харитона давно не было, и то, что этот треугольничек, не найдя ее под Лазаревским и на Дону, добрался сюда, на Керченский плацдарм, следовало считать чудом из чудес…

А может быть, все дело в том, что вчера ночью Илита видела горящий, истерзанный Севастополь? Она уже не раз летала в

Севастополь, но недавняя картина пылающего города поразила ее. Как можно жить в таком аду?..

Она вспоминала Севастополь, и мысли одна тяжелее другой роились в голове.

Илита сидела за столом в холодной, неуютной комнате. Она была в теплой кожаной, на меху, куртке, на ногах меховые унты. И все же ее била дрожь.

Пытаясь отвлечься, она снова взялась перечитывать письмо Харитона. Неспокойно, видно, Харитону, сердце у него не на месте. Или знает он что-то о войне такое, чего Илите не известно? Что немцы все-таки сильны? Что они готовятся к новому наступлению?

«Ах, не надо думать об этом!» — остановила себя Илита.

Свое письмо Харитон написал на родном языке — пожалуй, впервые за время войны. Это было большим и щедрым подарком для Илиты. По-русски она писала теперь лучше, чем раньше, но родное слово и пахло по-своему, и звучало особенно. Илита несколько раз прочла письмо Харитона, и теперь, если бы случилась нужда, сумела бы наизусть повторить его. Только читать письмо приятнее. Вроде опять разговариваешь с любимым, вроде прикасаешься к нему: к его рукам, губам, сердцу.

> «Ночью я снова стану орлом, — шутливо писал Харитон. — Поднимусь в небо и полечу далеко-далеко, в чужие, недобрые края. Но, кажется, орлы не пишут писем? Не видела же ты орла с пером в руке, склонившегося над листочком бумаги. Так что некоторое время не жди от меня весточки, дорогая… Только куда бы ни забросила меня судьба, ты всегда будешь у меня в сердце, словно ласточка в родном гнезде.
>
> Мы устали от разлуки — и ты, и я. Но кому жаловаться на это? Время сейчас не такое, чтобы жаловаться, да и некому жалобы разбирать. Война! Огненный вихрь на нашей земле не стихает. Каждый день гибнут люди — тысячи замечательных людей. Когда все это кончится? Кто ответит на этот вопрос? Но без надежды нельзя воевать, нельзя жить. И да будет так, как мы с тобой, любимая, договорились, ладно? 22 июня 1941 года — день нашей несостоявшейся свадьбы. 22 июня в год окончания войны! — наша новая свадьба! Дай руку, радость моя! Хорошо? Я пожимаю твою руку от всей души! Тебе не больно?..
>
> До свидания, любимая! Подожди, подожди, не прощайся — только еще одно теплое, сердечное объятие

и один сердечный поцелуй! Вот так, теперь совсем хорошо! Мне стало легко, когда я поговорил с тобой. Я буду смелее чувствовать себя на крутых и длинных поднебесных дорогах. А теперь еще раз до свидания! До встречи в Берлине. Ведь разобьем же мы когда-нибудь этих фашистских бандитов, прогоним их с родной земли! Да, до встречи в Берлине! И чтобы мы танцевали там победный симд — наш старинный осетинский танец. Береги себя, Илита».

Слезы потекли по щекам Илиты. Она не могла, не хотела их сдерживать. Пусть текут, если плачется. Это не от слабости, не от растерянности. Это… просто слез много… накопилось.

Потом, наплакавшись, сложила письмо привычным треугольником, спрятала его в карман гимнастерки. Харитон надеется, что они встретятся в Берлине, в самом логове грязного убийцы Гитлера. Надеется, что они будут танцевать там победный симд. Что ж, Илита не откажется сплясать симд в Берлине. Но доживут ли они с Харитоном до этого славного, счастливого дня? И как далеко этот день от дня нынешнего?

Вздохнув, Илита встала и подошла к окну. Она и дома, в родном Фарне, любила подолгу стоять у окна в зимнюю пору. Тут, на краешке кубанской земли, снега было немного. Но зато ветер, неутомимый и злой ветер, рыскал по полям и дорогам, стискивал ледяными объятиями верхушки холмов, сбивал с ног людей. «Таманец, — говорили о таком ветре. — С Тамани идет».

Таманец то и дело рвал холодными и острыми когтями рамы. Он взвихривал снег перед окном, и тогда быстрая, текучая пелена скрывала от взгляда Илиты разбросанные дома хуторка, возле которого расположился аэродром.

Безлесная, скучная равнина расстилалась вокруг. Как говорится, глазам не на что порадоваться.

И тут Илита вспомнила о елочке, которую она вчера ночью сбросила с самолета севастопольским детишкам. То-то будут они счастливы! Конечно, елка маленькая, куцая, но зато она, может, единственная на весь Севастополь. Вот соберут ребят в каком-нибудь бомбоубежище, украсят елку чем бог послал и устроят новогодний праздник…

Илита попыталась представить себе эту картину и не могла. Праздник… Немало ребятишек осталось в Севастополе. Елка им, конечно, понравится. А ведь из-за этой малорослой елочки Илита пошла на большой риск. Могла бы и машину погубить. Уж старший лейтенант Ефименко выговорил бы ей за это. Неизвестно еще, как посмотрит на все дело Джапаридзе. Будет обидно, если

он действительно влепит ей суток десять домашнего ареста!

Прошлой ночью, когда Илита вернулась на аэродром, друзья тут же окружили ее. Одни с укором качали головой, другие предрекали Илите самое суровое наказание за самовольство, за риск, которому она подвергла и себя и машину.

— С ума сошла девка! — сердито кричал Ефименко. — Мы ведь думали, что тебя подбили! На выручку самолет хотели послать! А ты… за елочкой, видите ли, спустилась. Ну, подожди, всыплет тебе командир эскадрильи по первое число! Я сло́ва против не скажу, когда он посадит тебя под домашний арест. И поделом! Ишь, новый Валерий Чкалов выискался!

Старый друг, Сергей Иванович Козорез, с озабоченным лицом ходил вокруг «Ласточки», считая пробоины.

Эх, «Ласточка», «Ласточка», в каких только не побывала ты переделках! И ураганы хлестали тебя ветрами, и снега кутали, и били тебя жестокие пулеметные очереди «мессеров», а ты все жива! Даже в тот трудный день, когда «мессершмитты» бомбили поселок и ты смело бросилась им навстречу, отвлекая врага от госпиталя, заполненного ранеными, когда, истерзанная пулями, ты с трудом села на прибрежный песок, и тогда ты не сдалась! Подлатал тебя твой «доктор» Козорез и снова выпустил в полет. И сейчас, побывав над Севастополем и выдержав поединок с зенитками, ты, несмотря на пробоины в крыльях и фюзеляже, выглядишь браво…

А Козорез между тем бормотал:

— Что детям на Новый год елка нужна, это само собой. Но «Ласточку» тоже надо беречь! Машина все-таки, не игрушка. А ее в решето превратили — дырка на дырке… Ну что я теперь с тобой буду делать? — Он обращался к самолету, будто к живому существу.

Отеческое ворчание Козореза тронуло Илиту больше, чем выговор Ефименко. Может, она действительно сделала что-то не так? Может, поиски и доставка елочки в Севастополь — сентиментальная чепуха, которой не следовало заниматься?

Еле волоча ноги от усталости, Илита пошла в длинный барак, где размещались летчики эскадрильи. В ее комнатушке давно не топили. Холодно тут, неуютно. Прямо в одежде она бросилась на жесткую койку. Лежала, думала о своем, ждала, что майор Джапаридзе вызовет, расчихвостит, а то, чего доброго, и посадит под арест.

Так и заснула не раздеваясь.

На следующий день Ефименко запретил ей летать. Впрочем, летать-то было не на чем — «Ласточку» ремонтировали.

А вечером пришло долгожданное письмо от Харитона —

событие радостное и вместе с тем немножко тревожное. Судя по письму, Харитон не щадит себя. Каждый полет его — а тяжелые бомбардировщики, как об этом говорят сообщения Информбюро, летают сейчас на бомбежку вплоть до Германии, — по существу, игра с огнем. Илита боялась представить, что будет, если Харитон потерпит аварию, очутится на чужой территории. Нет, нет, лучше не думать об этом!..

О чем же думать? Теперь, наверно, вся эскадрилья знает о вчерашней истории с елочкой. И Джапаридзе уже доложили. Странно, почему он не вызывает к себе?

Злой ветер снова и снова бил в стекло, заставлял дрожать раму.

Мысли Илиты опять вернулись к вчерашней ночи. Она и сама бы не могла сказать точно, что побудило ее полететь за елкой, а затем сбросить подарок над Севастополем. Это был какой-то неожиданный и неодолимый порыв. Она не могла совладать с собой, когда у нее вдруг возникло желание во что бы то ни стало раздобыть елочку для севастопольских детишек. Думала ли она, что может погибнуть, что может погубить машину? Нет, не думала.

День 22 декабря Гитлер назначил последним сроком взятия Севастополя. Предыдущее, ноябрьское наступление на героический город окончилось провалом. Весть, что Севастополь стоит, что фашисты бессильны прорвать его оборону, — эта весть разнеслась по всему миру. И теперь, в декабре, гитлеровские вояки буквально лезли вон из кожи, чтобы сломить сопротивление защитников Севастополя и взять город. Они не останавливались ни перед чем: бросали в бой всё новые и новые полки, день и ночь бомбили оборонительные точки города. Имелись сведения, что у стен Севастополя стоят шесть вражеских дивизий, и не каких-нибудь, не потрепанных, не уставших в боях, а свеженьких, только недавно прибывших из оккупированной Франции, из Польши.

Севастополь сражался. И это было чудом, в которое трудно поверить. Не хватало продовольствия, пришлось нормировать воду. В городе не осталось ни одного целого здания, защитники Севастополя и гражданское население, правда сильно поредевшее, ютились в пещерах, вырытых в крымском туфе. Здесь же, в пещерах, расположились заводы, мастерские, работавшие на фронт, госпитали и штабы войсковых частей.

Эскадрилья майора Джапаридзе перебрасывала через линию фронта в Севастополь боеприпасы и питание.

От аэродрома до осажденного города было всего час лёта. При встречном ветре чуточку больше. Но не ветра опасались

летчики эскадрильи. Между Керчью и Севастополем у немцев были десятки зенитных батарей. Под Симферополем дислоцировался большой аэродром гитлеровцев, откуда то и дело взмывали в воздух истребители. А встреча с ними не входила в планы летчиков майора Джапаридзе.

Вчера ночью Илита перелетела через линию фронта и сбросила несколько контейнеров с грузами над Севастополем. Летела она одна, без стрелка-радиста — Богомолов уже второй месяц лежал в госпитале. Это усложняло ее работу: попробуй-ка веди машину, оперируй с рацией, да к тому же еще проведи выброску боеприпасов и медикаментов так, чтобы ни одни из контейнеров не застрял в отсеке, упал в назначенном месте!

Однако все шло хорошо.

Но на обратном пути самолеты звена Ефименко попали в кольцо вражеских прожекторов. Илиту они высветили сразу и, высветив, уже не выпускали, шли за «Ласточкой», указывая точную цель для зениток.

Впрочем, зенитки почему-то не стреляли. Фашисты решили расправиться с самолетами звена Ефименко с помощью «мессеров».

«Мессершмитты» налетели словно коршуны. Еще минуту назад гудение их моторов было еле различимо, и вот уже темные силуэты истребителей мелькают над головой.

«Рассыпаться! — командует по радио Ефименко. — Илита, слева от тебя лес! Приземляйся как сумеешь!»

Илита быстро выключила мотор, перешла на планирование. Она имитировала аварию — это зачастую путало немцев. Метрах в двухстах от земли «Ласточка» наконец вырвалась из лап прожекторов.

Посадочную площадку Илита нашла сразу: на темном массиве леса ясно светлело пятно поляны. Лишь на мгновение обожгла мысль: что, если это вырубка с пеньками или, наоборот, с ямами от выкорчеванных пней? В таком случае машине конец!

Земля все ближе и ближе. Илита успокоилась: снежный покров поляны ровен и гладок, не видно ни пней, ни валежин. Можно садиться!

«Ласточка» села мягко, не получив ни одного повреждения, и остановилась на неглубоком снегу около высокой ели.

— Ох! — вздохнула Илита.

Она сидела несколько минут, прислушиваясь к завыванию ветра в лесу, поглядывая в небо, где еще шарили жадные лучи вражеских прожекторов. Успели ли уйти другие самолеты из звена Ефименко? Кто знает…

Она вылезла на крыло, осмотрела поляну. Что ж, с

посадочной площадкой ей повезло: снега немного, грунт крепкий, взлететь отсюда будет легко.

Очень хотелось пить. Илита спрыгнула на землю, схватила горсть снега и долго и жадно слизывала его с ладони.

Глубокая ночь стояла в лесу. В темном массиве деревьев лишь кое-где поблескивали кружева инея, опутавшие ветви сосен и елей. Холодно глядеть на снег, на этот иней… И уж очень одиноко тут в лесу — в небе и то вольготней себя чувствуешь.

«Ну ладно, нечего нюни распускать!» Сказав себе это, Илита достала фонарик, вытащила из планшетки карту, постаралась определить, куда забросила ее судьба. Да, кажется, она на территории врага!.. Долго оставаться здесь нельзя. Того и гляди, нагрянут фашисты или их подручные — полицаи, набранные из бывших уголовников и кулаков. Тогда придется бросить машину и уходить в лес, в самую глубинку, где находятся базы народных мстителей — партизан. Только не просто разыскать эти базы. Илита хорошо понимала, как тяжело найти к ним дорогу. Но найдет или не найдет, а сдаваться фашистам она не собиралась. Лучше смерть, чем плен!

Может, попробовать взлететь? Нельзя. В небе по-прежнему кружат «мессеры», лучи прожекторов нет-нет да и пробегают над головой.

Чтобы размять ноги, Илита дошла до опушки, остановилась у небольшой елочки. Иней красиво украсил ее, и, глядя на эти холодные ледяные украшения, Илита вдруг вспомнила: завтра праздник Нового года! Интересно, как отметят его в родном Фарне? А в Севастополе? Только едва ли в Севастополе, разрушенном до основания, испепеленном, найдется хоть одна елка…

Илита обошла вокруг приглянувшейся ей елочки. Красавица, хоть и ростом не вышла! Вот если бы эту елочку сбросить детям осажденного Севастополя! Пусть стоит она в пещере, пусть в подвале разрушенного дома, где угодно, — дети нарядят ее, поведут праздничный хоровод и, может быть, ощутив свежий смоляной запах хвои, увидев сверкание немудреных игрушек, улыбнутся. Ради этого стоит рискнуть!

Она вытащила финский нож и через несколько минут срубила елку.

Пришлось подумать, куда привязать деревцо. Лучшее место, конечно, на крыле. Над Севастополем достаточно будет перерезать веревочку, и подарок полетит вниз.

Но прежде Илита достала из планшетки чистый лист бумаги и написала карандашом:

«Дорогие севастопольцы! Это вам небольшой подарок к Новому году от летчицы Илиты Дауровой. Желаю вам скорой победы над врагом! Будьте до конца мужественны!»

Притянула записку веревкой к стволу елки, а само деревцо уложила на крыло и тоже привязала.

Лес молчал. Замолкли где-то вдали и моторы «мессеров». Прожектора уже не шарили в небе. Кажется, можно взлетать. Но удастся ли прорваться к Севастополю? Надо попробовать. Отступать поздно. Она представила себе, какую радость принесет измученным детям Севастополя ее маленькая елочка, и, будто заразившись этой радостью, прыгнула в кабину.

«Ласточка» легко поднялась в воздух. Илита взглянула на приборы: горючего достаточно, чтобы долететь до Севастополя и вернуться на аэродром. Эх, была не была — курс на Севастополь! И пусть потом будет драить ее старший лейтенант Ефименко, пусть достанется на орехи от майора Джапаридзе!..

Время близилось к рассвету. Но, казалось, низкие облака, темные как сажа, решили навсегда преградить путь светлому дню.

«Успею», — решила Илита, повернув в сторону моря. Над морем лететь безопаснее: «мессеры» к воде не сунутся. Притом граница моря и земли, то и дело выдающая себя витой ниткой белой пены, — отличный ориентир.

Севастополь можно было увидеть издали. Небо над ним всегда пылало розоватым заревом. Но на подходе к городу следовало быть особенно внимательной: тут «мессеры» властвовали безраздельно, тут зенитки давно пристрелялись к каждому клочку неба.

Впереди показалось знакомое зарево: Севастополь!

Илита облегченно вздохнула: хорошо, значит, не сбилась с курса. Теперь еще пять — десять километров, и «Ласточка» будет над городом, над своими.

Три красные ракеты, рассекая тьму и роняя за собой искристые перья, взлетели с земли вверх. Илита знала: это те, кто несут охрану Севастополя со стороны моря, спрашивают у нее: «Кто ты? Свой или враг?» Не медля, она достала ракетницу и выстрелила в сторону Константиновского равелина желтой ракетой — это был пароль на сегодня.

Огонек внизу засигналил: «Дорога открыта! Лети».

Вот было бы замечательно, если б зеленая елочка Илиты упала в центр города. Но зенитки врага начеку; они бьют все сильнее, стараясь отогнать «Ласточку». Илита, обманывая врага, то бросает самолет вверх, то, выключив мотор, планирует вниз.

Вот, кажется, центр Севастополя. Илита разворачивает машину и одновременно перерезает веревку. Елочка мягко соскальзывает с крыла…

Илита кричит ей вслед, забыв на мгновение, что голос все равно не дойдет к земле, опаленной тысячами бомб и снарядов:

— Привет героям Севастополя!..

Вот так это было.

Уже под утро она возвратилась на родной аэродром.

…Да, что-то долго не вызывает ее майор Джапаридзе. Видно, злость копит.

На промерзшем крыльце барака заскрипели чьи-то тяжелые шаги, хлопнула входная дверь. Кто-то прошел по коридору и остановился у комнаты Илиты.

Она подняла голову. Может, Егоров или Канторович пришли ее утешить?

Стук в дверь был решительным, резким.

— Кто там? Войдите.

— Спасибо, что пускаешь! — На пороге стоял майор Джапаридзе. — Ну, перво-наперво, с Новым годом тебя, Илита!

«Сейчас начнет драить, — грустно подумала Илита. — Ну как ему объяснишь, что я не могла поступить по-другому?»

Но лицо Джапаридзе не предвещало грозы. Глаза его были веселы, и смотрел он на Илиту дружески.

— И вас тоже, товарищ командир, с Новым годом! — чуточку помедлив, ответила Илита.

— А ты почему не на новогоднем вечере? — словно ничего не случилось, задал вопрос Джапаридзе. — Там мои мужики просто с ног сбились, тебя ожидаючи! Все глаза проглядели: скоро ли Дика появится? А ты тут сидишь одна-одинешенька… Уж не заболела ли, осетиночка? Смотри, героиня, тебе болеть нельзя!

Илита была удивлена: странно как-то ведет себя командир эскадрильи. Будто и не слышал он о случае с елочкой. Вместо того чтобы ругать, похваливает, героиней называет.

— Устала я, товарищ майор, — ответила Илита.

Джапаридзе прищурил глаза.

— Устала? — переспросил он. — А может, письмо тебя расстроило? Мне разведка донесла: тебе с последней почтой треугольничек прибыл, — закончил он шутливо.

Илита не могла удержаться, чтобы не притронуться к кармашку гимнастерки, где лежало письмо Харитона. Цело! Джапаридзе, заметив это невольное движение, улыбнулся. Словно желая поддержать Илиту в чем-то, он вытащил из планшетки смятую газету.

— Смотри, осетиночка, — заговорил он, волнуясь, — какие

тут стихи напечатаны…

Илита взяла газету. Это была армейская многотиражка. В глаза ей бросилась колонка стихов.

— Симонов написал. — Джапаридзе смотрел на Илиту, но видел, наверно, совсем другую женщину — ту, что родила ему двух девочек и живет сейчас в Грузии. — Вслух читай…

Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди.
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди…

Илита остановилась, а потом продолжала читать уже без передышки до самого конца. Стихи взволновали ее не только мужеством, с которым боец говорил о себе и своем ратном труде, но и верой его в любовь — единственную и вечную, сильную и красивую.

— «Жди меня!..» — повторил вслед за Илитой майор. Он грустно покачал головой. — Сколько их сейчас на земле, ждущих и тоскующих. Миллионы! И как ни обидно об этом говорить, многие, очень многие не дождутся своих любимых. Я ведь и сам подписал немало похоронок. Подписываю, а рука дрожит, сердце горечью полно, будто наношу кому-то рану… Ох, война — тяжелая штука! — Он вдруг посуровел. — Не мы ее начали, а кончать ее — нам! Будем воевать, воевать, воевать, пока всех фашистов, всех изуверов не перебьем…

Илита кивнула. Правду говорит Джапаридзе: война — это кровь и смерть, это горечь и обида, но другого выхода у советских людей нет — надо воевать, надо защитить свою землю от врага!

— Если не секрет, что пишет твой любимый? — неожиданно спросил Джапаридзе. — Он ведь тоже, кажется, в авиации?

— На тяжелом бомбардировщике летает, — медленно улыбнулась Илита.

Помолчали. Вдруг Джапаридзе укоризненно постучал пальцем по столу.

— Видишь, летает, бомбит фашистов, а ты себя не бережешь. Дика! Одна, без товарищей, к Севастополю лезешь — прямо на огонь, на «мессеров». Я из-за тебя немало поволновался! Ну, думаю, все, пропала. Ребята из звена Ефименко намного раньше тебя вернулись…

— А вам доложили, товарищ командир, почему я снова к Севастополю повернула? — спросила Илита.

— Доложили, доложили, — буркнул Джапаридзе. — Но кто приказывал тебе тащиться к Севастополю?

— Кто? — Илита на мгновение задумалась. — Сердце мне это приказало! Я вспомнила о севастопольских детях. Как они будут счастливы, когда увидят елочку!

Майор встал, положил тяжелую руку на плечо Илиты.

— А если б тебя сбили? Если б взяли в плен? Ты знаешь, какая судьба тебя бы постигла?

— Знаю, — твердо сказала Илита. — Мне было бы нелегко. Но тем, кто дерется в Севастополе, труднее. И севастопольским детям особенно трудно. У них отняли мир и покой, светлые комнаты и еду. Хотели отнять праздник Нового года. Только теперь у них будет праздник, и я счастлива, что смогла им помочь в этом. А взрослые, видя, как играют дети у елки, станут сражаться еще мужественнее, еще горячее!..

Джапаридзе вздохнул.

— Может быть, ты и права. Дика, — Он не снял руки с плеча Илиты. — Наверное, права. Будь я на твоем месте, честное слово, поступил бы так же! Кавказский характер: думает горец сердцем! А сердце всегда смелее головы. И все-таки, Дика, дорогая, армия держится железной дисциплиной. Разве ты этого не знаешь? Знаешь! И мы не сможем победить врага, если будем действовать вразброд…

Его прервали: распахнулась дверь и на пороге появился вестовой.

— Можно войти, товарищ командир? Мне сказали, что вы у лейтенанта Дауровой… Срочная шифровка…

— Расшифрована? — спросил Джапаридзе.

— Так точно, товарищ командир!

— Давайте. — Он взял у вестового листок.

Солдат ушел, а Джапаридзе, снова присев к столу, развернул донесение. Видно, сообщение было радостным, потому что лицо командира вдруг осветилось довольной улыбкой…

— Очень хорошо! — сказал Джапаридзе, прочитав шифровку. — А ведь мы, дорогая Дика, научились воевать, научились! Смотри, за два зимних месяца что сделали! Под Москвой дали немцам жару, из Ростова они бежали без оглядки, и тут, на крымской земле, мы укрепились…

Словно вспомнив о чем-то, Джапаридзе неожиданно остановился и хлопнул себя ладонью по щеке. Он полез в карман реглана, вытащил пачку печенья и кулечек с конфетами.

— Тебе нес, — с некоторым смущением признался он. — Ешь на здоровье! Впрочем, в воздухе придется лакомиться конфетами — сейчас всю эскадрилью подниму в воздух. Новое задание! — Он улыбнулся и снова постучал пальцем по столу. — А за самовольство свое ты у меня еще поплачешь…

Через полчаса летчики эскадрильи были у самолетов. За сутки не знающий ни сна, ни отдыха Козорез привел «Ласточку» в порядок. Илита обошла машину кругом: каждая дырочка залатана, каждый винтик смазан. Не руки у Сергея Ивановича, а золото!

— Можно лететь, Иваныч?

— Можно, — откликнулся Козорез, — только осторожно.

Ветер со стороны Азова нес злую снежную пыль, дышал в лицо холодом. Илита уже взобралась на крыло, когда услышала свою фамилию. От штаба бежал к ней паренек в унтах и ватнике, крича на ходу:

— Лейтенант Даурова! Я к вам стрелком-радистом!

Илита вспомнила Богомолова и грустно усмехнулась. Вот она, война: сегодня ты жив и силен, а завтра валяешься на госпитальной койке или того хуже — лежишь в земле.

Она кивнула новому своему напарнику и, не глядя на него, устроилась за штурвалом. Надо воевать! Надо!

НА ВОЛОСОК ОТ ГИБЕЛИ

Наступила весна 1942 года. Яркой голубизной засияло небо. На солнечной стороне пологих холмов появилась первая зелень, набухали почки.

Илиту радовало это пробуждение природы. Но как-то странно радовало. Глядя на синее небо, на цветок около барака, она наполнялась надеждами на скорое окончание войны.

Однако вести с фронтов не оправдывали этих надежд. Фашистские армии перегруппировались; их насытили пополнениями, присланными из далекой Франции, — ведь второй фронт, как обещали англичане и американцы, так и не был открыт. Разведка говорила, что гитлеровцы готовят новое наступление. Где — под Москвой, у Ленинграда или на Дону — это пока не было известно. Так что надеяться на скорое окончание войны трудно, очень трудно…

В одну из темных весенних ночей Илита на своей многострадальной «Ласточке» вместе с самолетами из звена старшего лейтенанта Ефименко снова шла на Севастополь. Машины до предела были загружены медикаментами, контейнерами с сухарями и консервами. Долгие месяцы осажденный город снабжался только с воздуха и с моря. Но в воздухе кружили фашистские «мессеры», а море кишмя кишело вражескими минами и подводными лодками. Трудно было пробиться сквозь эти заслоны. Но другого выхода не было: две «дороги жизни» — воздушная и морская — помогали севастопольцам бороться и побеждать.

Самолеты звена Ефименко летели низко над морем. Тьма скрывала их от наблюдателей противника; здесь они были в безопасности от зениток и «мессеров».

Илита подсчитала: сегодня у нее восемьдесят второй боевой вылет. Удастся ли дотянуть до ста? Вот Ефименко, например, налетал в два раза больше, и ничего — жив, здоров.

«А все-таки и я везучая! — думала Илита, внимательно вглядываясь в даль. Там в розовых всполохах разрывов лежал героический Севастополь. — Удалось же мне уйти от «мессеров» над приморским поселком! А история с елочкой на Новый год? Вот уж чудо, как меня немцы не засекли, когда я одна пробивалась к Севастополю!»

Примерно за час до рассвета звено повернуло в сторону берега и в условленном месте сбросило свой груз. Ефименко приказал летчикам лечь на обратный курс.

Выполнить маневр самолетам не удалось. Звено было

обнаружено противником. Вспыхнули прожекторы. Внезапно появились истребители врага — их было более десятка.

Два луча, перекрестившись, поймали «Ласточку». Свет бил Илите в лицо так пронзительно, что она на минуту ослепла. «Ну, все!» — мелькнуло в голове. Ей казалось, что через мгновение «Ласточка» вспыхнет, словно мотылек, попавший в огонь. Однако прошло несколько минут, а самолет летел, им можно было управлять. Илита решила воспользоваться маневром, который уже не раз спасал ее. Она круто изменила направление полета, направила «Ласточку» прямо к морю, имитируя падение. Огненные нити трассирующих пуль прошли совсем рядом, но не задели машины. Ах, теперь и «мессершмитты» взяли ее на прицел! Плохо дело.

Еще сто метров планирования. Еще полсотни. И прожекторы, только сейчас цепко державшие «Ласточку» в своих пронзительно белых лапах, выпустили ее. Ох, пронесло!..

Она осмотрела горизонт. Высоко в небе и чуть мористее был виден самолет Ефименко. Клещи прожекторов не выпускали его. Несколько «мессеров», то попадая в полосу света, то исчезая во тьме, секли его очередями.

«Неужели не вырвется?» — с испугом подумала Илита, ведя самолет у самой воды. Сейчас она не беспокоилась за себя — лишь бы с Ефименко, с ее командиром, все обошлось благополучно.

Она не имела возможности помочь Ефименко. Был бы сзади стрелок-радист, не задумываясь пошла бы на помощь. Но молодой паренек, заменивший Богомолова, остался на аэродроме из-за болезни. Значит, единственное, что ей остается, — смотреть издали, как командир звена пытается уйти от быстрых и ловких «мессеров».

Смотреть… Но смотреть уже было не на что: «мессершмитты» сбили У-2 Ефименко; самолет его, пылая, камнем упал в море.

Успеет ли Ефименко выброситься с парашютом? Не успел!..

— Не успел! — закричала Илита, сдерживая рыдание.

Она повернула машину и повела ее к родному аэродрому. Но тут же спохватилась: что, если Ефименко выбрался из самолета и находится в ледяной воде? Надо подойти к тому месту, где упал У-2. Бывали же чудеса — так пусть будет еще одно, пусть Илита заметит на воде Ефименко!

Она снова легла на прежний курс. Держась ближе к берегу, шла к клубящемуся, белому от барашек водовороту, оставшемуся после падения машины командира. Ближе!.. Еще немножко!..

«Мессеры», сбившие Ефименко, охотились теперь за вторым самолетом. Кажется, это был У-2 Канторовича. Самолет уходил, и

«мессеры», пытаясь достать его, рискованно проносились прямо над гористым побережьем.

Во всяком случае, никто сейчас Илитой не интересовался. Отлично! Она повела «Ласточку» к водовороту. Дважды и еще дважды прошлась над местом падения самолета Ефименко. Нет, не видно командира. И ни одного признака, что только сейчас в пучину канула умная боевая машина. Только круги волн идут все шире и шире, разбегаются барашки, и поверхность воды снова разглаживается.

Погиб Ефименко! Теперь уже ясно: погиб! Илита не могла сдержать слез.

…Она летела домой. Где-то в стороне слышалось гудение вражеских истребителей. Ушел ли от них Канторович? Илита вытерла слезы, крепче взялась за штурвал. Тяжелая ночь сегодня — горькая, обидная ночь!

Она не успела додумать, как два «мессершмитта». заметив «Ласточку», ринулись на нее. Вот первая очередь трассирующих пуль прошла слева, вторая — чуть впереди. Нащупывают, сволочи! Ловушку готовят!

Илита прижимала свою «Ласточку» к морю. Но опускаться к самым волнам боялась. Рискованно это. В случае прямого попадания ей не удастся воспользоваться парашютом: выброситься-то она успеет, а вот раскрыть парашют — нет.

Черной тенью мелькнула наверху машина врага. «Ласточка» вздрогнула, словно кто-то хлестнул ее сильной плетью. Попадание! Илита обернулась: сзади горели фанерные стенки фюзеляжа. Огонь, словно живое существо, бежал и бежал к мотору, к кабине. Прощай, «Ласточка», ты сделала все, что могла, ты дралась до последнего! Прощай! Илита выбросилась из горящего самолета. Машина, пылая и чадя, несколько раз перевернулась в воздухе и упала в море.

Летя в свободном падении, Илита в первую секунду ничего не сознавала. Потом вдруг сознание прояснилось, стало четким. Первым делом она рванула кольцо парашюта. Затем измерила взглядом расстояние до поверхности моря: успеет ли парашют раскрыться? Удар о воду может кончиться печально. О таких случаях Илита слышала. Так что же там с парашютом? Почему не чувствуется рывка строп?.. Рванули наконец-то! Она посмотрела наверх: шелковый купол туго натянут ветром — все в порядке!

Теперь надо надуть резиновый круг, что идет вокруг груди. Илита быстро открыла клапан спасательного круга, взяла в рот шланг. Круг надулся, стягивая тело тугим обручем. Внизу — вода. Громкий плеск, и Илита ушла в глубину. Упругая сила спасательного пояса тут же потянула ее наверх.

На воде она держалась хорошо. Мешал, правда, парашют, который быстро намок и, словно тормоз, связывал каждое движение. Но Илита быстро освободилась от него, перерезав стропы.

Первые мгновения она не чувствовала холода. А вода была адски холодна! И она пробиралась к телу сквозь ткань и мех комбинезона, ледяным прикосновением обожгла руки, ноги и грудь. Илита понимала, что долго продержаться в таком лютом холоде не сможет. Вся надежда на то, что с берега увидели гибель У-2 и вышлют патрульное судно. Но скоро ли придет это судно? С таким же успехом к месту гибели самолетов могли послать свои сторожевые катера и немцы, и тогда Илита окажется в руках врагов. Нет, уж лучше — смерть!

Илите было хорошо известно, как мучают фашисты наших пленных. Стремясь выпытать у них данные о расположении советских частей, о намерениях командования, они шли на всё. Моряки из десанта, высадившегося в Керчи и Феодосии, рассказывали Илите, в каком виде они нашли бойцов, захваченных фашистами: исколоты штыками, на груди вырезаны звезды, ногти на ногах и руках сорваны. Нечеловеческие мучения ждали тех, кто был захвачен гитлеровцами в плен…

Илита вспомнила, что во внутреннем кармане комбинезона у нее есть пистолет. Но достать его невозможно — пояс мешает. Да и неизвестно, будет ли стрелять пистолет после того, как оказался в воде. В общем, куда ни кинь, везде клин.

Руки и ноги у Илиты начали коченеть. Одно спасение — беспрестанно двигаться. Но откуда взять силы, чтобы без устали молотить руками по воде и болтать ногами? Севастополь был километрах в пяти. Если б все это случилось летней порой, доплыла бы до берега. Но сейчас зима, сейчас вода — не вода, а расплавленный лед…

Сознание ее мутилось. Ей вдруг показалось, что стоит только выпрямить ноги, и они коснутся дна. Вытянула, но никакого дна не нашла. Обман! Потом привиделся родной дом в Фарне — большой, крепкий, сложенный из кирпича. И поднявшееся солнце так славно освещало его. Веселые окна звали: «Входи, Илита, входи!» Но видение сразу же пропало. Илита ударила по воде рукой. Снова обман!..

Надо прийти в себя. Надо двигаться. Двигаться, двигаться, двигаться!.. Илита все плыла в сторону Севастополя. Каждый метр давался ей с великим трудом. Минута текла, как вечность. А холод, обжигающий, свирепый, казалось, хотел изгнать из тела Илиты последнюю каплю тепла…

Еще метр… И еще один… Она остановилась, устало и

безнадежно склонив голову набок. И тут же новое видение встало перед глазами: лицо отца. Да-да, она так ясно видела старого Крима, будто он и не умирал. Крим приблизился к ней, что-то сказал, улыбнулся. Потом его лицо, странно исказившись, поплыло в сторону…

Илита не чувствовала, как ее поднимали на борт подводной лодки, как старшина, пожилой человек с большими сивыми усами, вливал ей в рот обжигающий спирт, как растирали ей руки и ноги. Жизнь возвращалась в тело Илиты медленно, как бы нехотя…

Очнулась она только через три часа, уже утром. Около ее койки на табурете сидел старшина. У него было усталое, заботливое лицо, действительно чем-то похожее на лицо старого Крима.

— Где я? — словно сквозь сон, спросила Илита. Но ответа не услышала — волна забытья снова подхватила ее и понесла, понесла…

В ОСАЖДЕННОМ ГОРОДЕ

Пребывание в ледяной воде не прошло для Илиты бесследно: она заболела, и ей пришлось почти месяц пролежать в одном из севастопольских госпиталей с тяжелым, двусторонним воспалением легких. Собственно, первые дни в госпитале она была в забытьи. Бредила. В бредовых видениях она снова воевала: держала штурвал погибшей «Ласточки», шла на выручку Ефименко, сидела лицом к лицу с майором Джапаридзе, объясняя командиру историю с елочкой…

Война и то ощущение вечной опасности и тревоги, которые она постоянно испытывала, окрасили и прошлое Илиты. Когда в бреду она видела альпийские луга, белопенный стремительный Терек, пляску лихих джигитов под гармошку, ее не покидало чувство шаткости мира и спокойствия: каким-то краем души она помнила, что идет война, что тихая жизнь Фарна обманчива, что ее уже нет…

Но наконец Илита выздоровела. Весна была в разгаре, когда Даурова попрощалась с товарищами по госпиталю. Со многими она успела подружиться: с врачами, сестрами. Надев свою старую гимнастерку, Илита покинула больничную палату.

Госпиталь был укрыт от налетов вражеской авиации и артобстрела в глубине пещер, бывших каменоломен, — именно сюда и доставили Илиту моряки с подводной лодки, после того как подобрали ее на траверзе Севастополя.

День был по-весеннему теплый и приветливый; густой до синевы воздух стоял над морем, над крымской землей. Илита остановилась у входа в госпиталь — вход забаррикадировали толстыми бетонными плитами — и с жадностью глядела вокруг. В этот час в Севастополе было странно тихо, словно война кончилась и пушки и пулеметы замолкли навсегда. Тем печальнее выглядели пустынные, чуть дымящиеся руины города. Тем больше страшило гнетущее безлюдье. Но вот тишину прорезал визг снаряда: и-иу-уу-гах! И тут же застрочили пулеметы — торопливо, захлебываясь, перебивая друг друга.

Мира нет, спокойствия нет, идет война!

В госпитале каждую неделю проводились политлетучки. Было известно, что Гитлер, взбешенный стойкостью и мужеством защитников города, бросает на Севастополь всё новые и новые дивизии. Враг готовится к последнему штурму, он ставит на карту всё…

Шагая из госпиталя, расположенного на окраине, в центр города, Илита снова и снова вспоминала гибель старшего

лейтенанта Ефименко, свою «Ласточку», покоящуюся теперь на дне Черного моря. А ведь как раз в ту злосчастную ночь она думала, что Ефименко очень везучий…

Что ж, война есть война…

Илита думала о том, как сложится теперь ее судьба. По слухам, эскадрилью майора Джапаридзе перебросили в тыл, не то в Махачкалу, не то в Баку. Как же попасть в эскадрилью? А может, командование оставит ее на фронте, здесь? Летчиков в городе немного, но они все-таки есть…

Впрочем, если говорить правду, Илита не рассчитывала, что ей сразу же предоставят новый самолет и разрешат летать. В предписании, выданном ей на руки врачами госпиталя, было сказано, что лейтенант Илита Даурова нуждается в отдыхе. Что ж, у начальства будет отличная зацепка, чтобы не подпускать ее к штурвалу, мариновать в тылу…

Дорога то и дело петляла, поднимаясь на бугры, огибая ямы и бомбовые воронки, наполненные грязной дождевой водой. Вдоль обочин валялись искореженные брички, остовы автомашин, смятые и разодранные взрывной волной орудия и пулеметы. Сколько вражеской стали встретила грудью земля Севастополя! Сколько крови своих защитников впитала! Быть может, эта кровь и сделала ее тверже, мужественнее…

Дорога вильнула в сторону, огибая особенно широкую воронку, — сюда, наверно, врезалась авиабомба в тонну. Но что за чудо — на противоположном от Илиты краю воронки алел только недавно распустившийся крупный цветок мака! Илита не выдержала, сошла с дороги, приблизилась к цветку. Какой нежный, какой сочный этот мак! Родился на фронте, а живет по-мирному… Илита улыбнулась: ей припомнились цветы родного Фарна. Кажется, тысячу лет прошло с той поры, когда она ласкала их взглядом.

Она не стала срывать цветок, не стала губить его ради минутной прихоти. Только наклонилась и жадно вдохнула нежный аромат.

Где-то за поворотом дороги затарахтел автомобильный мотор. Вскоре мимо Илиты проскочила легковая трофейная машина. В ней сидели несколько военных — видно, какое-то начальство.

«Эх, хоть бы остановились, подвезли!» — встрепенулась Илита.

Словно уловив ее мысль, машина, отъехав метров двести, действительно стала. На дорогу выскочил молоденький шофер в матросской форме, откинул капот, озабоченно склонился над мотором.

Поравнявшись с машиной, Илита окликнула его:

— Что там у тебя стряслось?

— А хиба ж я знаю? — Шофер развел руками. — Трохвейная шкура! Хитрит…

Военные все, как один, посмотрели на Илиту. Она подняла руку к пилотке, приветствуя старших по званию. Один из военных был в генеральской форме, другой — в адмиральской. Лицо генерала показалось Идете знакомым. «Где я его видела?» — спросила она себя, не отрывая взгляда от крутого подбородка, от высокого лба и узких серых глаз генерала.

Шофер, по-видимому, справился с «трохвейной шкурой» — мотор вдруг заработал. Помахав Илите пилоткой, паренек вскочил в машину. Потом снова обернулся к Илите и крикнул:

— Эй, лейтенант!..

Илита остановилась. Она опередила машину метров на пятьдесят и уже настроилась продолжать путь пешком.

— Эй, лейтенант! — повторил шофер. — Шагай сюда, командующий зовет!

«Вот оно что! — осенило Илиту. — Значит, адмирал — командующий обороной Севастополя, а рядом — генерал Иван Ефимович Петров! То-то знакомое лицо…»

Она четким шагом подошла к машине:

— Слушаю вас, товарищ командующий!

— А ведь я вас знаю, — сказал вдруг генерал Илите. Он обернулся к адмиралу, будто требуя у него подтверждения этому. — Знаю, знаю…

— Откуда же? — вырвалось у Илиты.

— По газетному снимку. — Генерал Петров довольно усмехнулся. — Садитесь, подвезем.

Еще недоумевая, Илита уселась рядом с шофером.

— Знакомься, адмирал! — обратился Петров к своему спутнику. — Это та самая Дика, которая сбросила для севастопольских ребятишек на Новый год елку. Во фронтовой газете был ее портрет…

Теперь Илита припомнила: вскоре после Нового года в эскадрилью Джапаридзе приезжал корреспондент из фронтовой газеты и, несмотря на сопротивление Илиты, сфотографировал ее. Своего портрета Илита не видела. Но, оказывается, он был напечатан и его видел даже командующий обороной Севастополя.

— Помню, помню, — говорил между тем адмирал, обращаясь к Илите. — Мы тогда, товарищ Даурова, подобрали елочку твою и записку на Нахимовской улице. А потом в нашем подземном, — он улыбнулся, — в нашем временном Доме пионеров такой праздник устроили — лучше не бывает! Наши ребятишки хотели

написать тебе благодарственное письмо, да адреса не знали…

— Добрая была выдумка. — Петров кивнул, всматриваясь в профиль Илиты. — Вы из госпиталя, товарищ Даурова?

— Так точно.

— Куда путь держите?

— Сначала в штаб. — Илита пожала плечами. — А там буду думать, как попасть в свою часть… к летчикам…

— В свою часть? — Генерал Петров покачал головой. — Насколько мне известно, вы были в эскадрилье майора Джапаридзе. Так вот, эскадрилья эта уже месяц как находится в Азербайджане. Туда сейчас не добраться.

— Но ведь летные части есть и в Севастополе? — не выдержала Илита.

— Есть-то есть, — согласился генерал. — Но… — он на мгновение замолчал, — но потери в самолетах у нас немалые, а летчиков более чем достаточно. И коли так, придется вам, лейтенант Даурова, повоевать на земле…

— Я — летчик, товарищ генерал! — воскликнула Илита. — Я хочу летать!

— Мало ли кто из нас чего хочет, — устало буркнул Петров. — А война, обстановка свое требует. — Он положил руку на плечо Илиты. — Не беспокойся, дорогой товарищ, дело мы тебе подберем. Вот почему бы тебе не стать разведчицей? Не в воздухе, а на земле. Очень нам сегодня нужны разведчики, очень! — Он легонько похлопал Илиту по плечу. — Сколько у врага дивизий под Севастополем? Сколько танков? Сколько самолетов на аэродромах и артстволов в батареях? Где и как расположили фашисты свои силы? Как строят укрепления? С какой стороны городу угрожает наибольшая опасность? — Петров внимательно посмотрел на Илиту. — На все эти вопросы, товарищ Даурова, должны будете ответить и вы! Понятно? А не ответите — сдадим город… не выдержим…

— Хорошо сказал, — поддержал Петрова адмирал. — И я бы на вашем месте, лейтенант Даурова, ни минуты не колебался в своем решении: коли нужна фронту разведка, вы, как мужественный, смелый и бывалый воин, беритесь за разведку!

Илита молчала. Конечно, фронту нужна разведка, нужны разведчики. Тут двух мнении быть не может. Но ведь Илита — летчик, притом не скороспелый, а кадровый, прошедший большую школу выучки. Правильно ли это — сунуть ее в пехоту? «Неправильно, — не соглашалась в душе Илита. — И как генерал не понимает, что для меня это — обида!»

Но Петров, казалось, не замечал расстроенного лица Илиты. Он продолжал говорить:

— И лучше всего будет, если мы определим лейтенанта к тебе, — обернулся он к адмиралу, — в разведку, в хозяйство Красникова. Женщине зачастую легче проникнуть в тыл врага, в оккупированные селения, и высмотреть там всё до пылинки. А твоего молодца-матроса хоть в платье кутай, хоть платок ему на голову накинь — все отличат. Верно я говорю?

— Верно, — подтвердил адмирал. — Такую дивчину, как Илита Даурова, только переодень в гражданское — и на первый взгляд ее не отличишь от крымской татарочки…

«А что? — подумала Илита. — Правда, не отличишь. Я такая же чернявая. И глаза с маленькой раскосинкой. Может, действительно пригожусь в разведке?»

Она вздохнула: тяжело было расставаться с делом, которое стало для нее самой жизнью.

Машина свернула к оврагу, рассекавшему гряду коричневых холмов, проехала глубокой ложбиной еще с полкилометра и остановилась. Здесь, в обрывистых кручах, были вырыты десятки пещер. Их темные, укрепленные камнями и бревнами входы с воздуха были, вероятно, совершенно неразличимы.

Генерал Петров, командующий — адмирал и адъютант командующего, майор, молчавший всю дорогу, вышли из машины. И тут же к ним подбежал высокий, тщательно выбритый офицер. Одет он был даже слишком щеголевато: тужурка из черного сафьяна, на ногах хромовые сапоги «гармошкой», голова увенчана высокой каракулевой кубанкой.

«Красников! — догадалась Илита. — Бритый Барс — так, кажется, его прозвали защитники Севастополя!»

Вскинув руку к кубанке, Красников коротко отрапортовал о положении дел в части. Командующий выслушал его, потом, улыбнувшись и погладив пальцем короткие седеющие усы, пошутил:

— Слышал я, Барс, у тебя в полку полным-полно женихов? Так вот, привезли мы тебе невесту…

Красников с удивлением взглянул на Илиту, которая только сейчас выбралась из машины.

Заметив этот удивленный взгляд, генерал улыбнулся еще шире.

— Невеста наша с хорошим приданым, — продолжал он. — Второй год воюет. На своем «У-2» чудеса творила. Что бы вы ели, если б она не сбрасывала вам каждую ночь контейнеры с сухарями и консервами? И пули, которыми вы стреляете, она доставляла с Большой земли. Видите, какое приданое у нашей невесты. Зовут ее Илита Даурова, а по-простому — Дика. Ну, все, теперь сами договоритесь…

Красников пожал Илите руку.

— Много слышал о вас, лейтенант Даурова, — сказал он. — Рад, что будем воевать вместе.

Илите тоже немало рассказывали о Красникове. Он командовал поредевшим полком морской пехоты — самым стойким и, пожалуй, самым лихим полком в армии, оборонявшей Севастополь. О храбрости самого Красникова ходили легенды — в госпитале только и говорили, что о Бритом Барсе и его отчаянных матросах.

— Я в разведке не воевала, — сказала Илита. — Не знаю, справлюсь ли, товарищ командир полка… — Она покосилась на генерала Петрова. — Тут у вас нужны иные навыки.

Командующий усмехнулся, разгадав хитрость Илиты.

— Ничего, ничего, — заговорил он. — Морячки свои тайны раскроют. Всю азбуку разведки у них пройдете, пригодится в жизни.

В этот момент за бугристой линией горизонта тяжело заухали пушки, и над головой Илиты засвистели снаряды.

— Ну, теперь на сутки зарядили, — сказал Красников. — Сейчас и «мессеры» появятся…

И правда, где-то в стороне загудели вражеские самолеты. По ним начали бить наши зенитки. Петров кивнул шоферу:

— Укройте машину. Разобьют — пешком ходить придется.

Шофер вытащил из багажника зеленовато-серый брезент, в одну секунду растянул его на «трофейке». Машина стала похожа на небольшой холмик — таких кругом было немало.

— Веди к себе. Барс, — сказал Красникову генерал, — Доложи-ка поподробнее. Что у вас, потери большие? Как с боепитанием? — Он взглянул на часы, потом покосился на небо, где свистели невидимые снаряды. — Точно начали. Как раз в обед. Вроде бы «крестятся». — Он взглянул на Илиту. — Не робейте. Дика, справитесь! Как говорится, не боги горшки обжигают. А с моряками жить интересно — веселый и бесстрашный они народ!

Красников кивнул Илите на соседнюю пещеру. Вход в нее был так искусно замаскирован, что она в первую секунду не смогла его разглядеть.

— Иди туда, лейтенант. Там разведчики устроились. Спроси старшину Никонова. Освобожусь — приду, обо всем договоримся.

Сказав это, Красников ушел вместе с командующим, адмиралом и адъютантом. А Илита, постояв около шофера, довольно нерешительно направилась к жилищу разведчиков. Она переступила каменный порожек и оказалась в пещере. Своды здесь были низкие, дневной свет проникал неглубоко. Хорошо,

что у Илиты был с собой фонарик. Шагов через двадцать она заметила на стенах пещеры отблеск коптилок. Потом расслышала громкие мужские голоса.

Там, где пещера расширялась, привалившись плечом К стене, стоял матрос — дневальный. Он лениво посасывал самокрутку. Заметив Илиту, шагнул ей навстречу:

— Кто идет?

— Лейтенант Даурова. Мне нужен старшина Никонов.

— Документы!

Илита протянула направление из госпиталя. Часовой посветил фонарем «летучая мышь», что висел на вбитом в стену крюке, и с удивлением взглянул на Илиту.

— Дивчина? — воскликнул он. Раньше он, наверно, не расслышал ответа Илиты, когда она назвала свою фамилию. — Вот так штука! Но у вас, товарищ лейтенант, направление в штаб. Почему же вы здесь появились? Неувязочка вышла…

— Генерал Петров приказал явиться сюда! — отчеканила Илита.

— Эй, братва! — крикнул в глубину пещеры дневальный. — Старшину требуют!..

Глаза Илиты постепенно привыкали к полумраку, царившему в пещере. Она заметила в глубине грубо сколоченный стол и на нем две коптилки, сделанные из медных снарядных цилиндров. Дальше — нары в три этажа, аккуратно составленные у стены автоматы, снарядные ящики, в которых хранились гранаты — всё больше противотанковые, с рубчатыми боками.

Позевывая, в накинутом поверх тельняшки бушлате — в пещере было довольно прохладно, — подошел старшина. Он был недоволен, что его разбудили, — утром вернулся из трудного поиска, два дня не спал и еще не успел прийти в себя.

— Кому я тут понадобился? — грубовато спросил он, разглядывая Илиту.

Дневальный без слов протянул ему направление. Коренастый, широкоплечий, похожий на комель огромного дуба, Никонов, прочитав бумажку, посмотрел на Илиту с таким же удивлением, с каким только что смотрел на нее дневальный. Затем присвистнул.

— Направлена к вам командиром полка по устному распоряжению генерала Петрова, — объяснила Илита.

Старшина еще раз перечитал направление. Потом, наклонившись к Илите, заинтересованно спросил:

— Стало быть, товарищ лейтенант, вы и есть та самая Дика, которая сбросила севастопольским детишкам елочку на Новый год?

— Выходит, что я.

— От себя лично и от друзей большое вам моряцкое спасибо! — Никонов улыбнулся. — Молодец вы, Дика!

Илита смущенно молчала.

Услышав разговор, из глубины пещеры один за другим подходили матросы-разведчики и с откровенным интересом разглядывали Илиту. Она слышала их шепоток:

— Неужто деваха?

— Медицина, наверно…

— Не медицина, а небесная пташка!

Никонов строго посмотрел в сторону своих подчиненных, и они смолкли. В ту же секунду в проеме пещеры показалась стройная фигура.

— Бритый Барс! — пронеслось среди разведчиков. — Сам!

— Здорово, орлы! — бодро и зычно поздоровался Красников, останавливаясь около Илиты. — Ну что, знакомство состоялось? Высокие договаривающиеся стороны нашли общий язык?

Матросы молчали. Лишь Никонов позволил себе сказать словцо:

— Найдем.

Бритый Барс внимательно оглядел разведчиков.

— Должны найти! — с уверенностью сказал он. — А чтобы это произошло побыстрее, я вам кое-что объясню. Представляю: лейтенант Илита Даурова, а попросту — Дика. Летала на У-2. Доставляла севастопольцам медикаменты, боеприпасы, провиант. Теперь ее «этажерочка» покоится на дне Черного моря. Как это произошло, лейтенант Даурова при случае расскажет вам сама. Если, конечно, сочтет нужным… Была она летчицей — теперь военная судьба ее изменилась. Будет разведчицей на земле. Примите ее в свое боевое товарищество. Илита Даурова окончила еще до войны летную школу, на фронте давно. По званию она старше любого из вас. Но в нашем деле, как известно, звание — не самое главное. Нужен опыт, нужна сноровка. За этим и пришла к нам Илита Даурова. Будет она в разведке на особом положении… Ясно, старшина Никонов?

— Ясно, товарищ Брит… то есть товарищ командир полка! — Никонов замялся. — Вот только одна незадача: с жильем-то как? У нас товарищ Даурова разместиться не может: курим и, опять же, иной раз выражаемся густовато…

Красников рассмеялся.

— Ладно, это мы решим. Устрой ее, Никонов, в той пещере, где санитарки и радистка. А за обучение Дауровой в разведке… и за все прочее отвечаешь лично. Понял? Лично.

— Понял, товарищ командир полка! — отчеканил старшина.

— Ну, лейтенант Даурова, желаю успеха! — Красников

протянул Илите руку и крепко пожал девичью ладонь. — Можете при необходимости обращаться непосредственно ко мне. Все!

И, чуть сутулясь из-за низко нависающих сводов пещеры. Бритый Барс пошел к выходу.

Так весной 1942 года Илита Даурова стала разведчицей на земле Севастополя.

БОЙ НА ИНКЕРМАНСКИХ ВЫСОТАХ

У Илиты и мысли не было, что Красников назначит ее командиром разведроты. До недавнего времени ротой командовал старший лейтенант Глухов, убитый в одном из поисков. Теперь за Глухова остался старшина Никонов.

Конечно, Илита старше его по званию. Но во всем остальном Никонов мог дать ей сто очков вперед — он считался в полку первоклассным разведчиком.

Впрочем, для того чтобы поставить Илиту в «особое положение», были и другие соображения. Многие матросы, числящиеся в разведке, прошли, как говорится, огонь и воду и медные трубы, не раз и не два смотрели в глаза смерти. Они считали себя избранными. Ясно, остальные тоже неплохо воюют, но их дело — самое опасное! Можно было предполагать, что разведчики без большой радости встретили бы назначение Илиты на должность командира разведроты. И Бритый Барс, естественно, учитывал это.

При всем желании моряки из группы Никонова не могли смотреть на Илиту, как на командира. Они видели в ней младшую сестренку, товарища, ну, наконец, просто красивую девушку.

Что греха таить, и в летной школе, и в эскадрилье Джапаридзе, и здесь, в разведроте, мужчины засматривались на Илиту. Сердце не камень и хочет счастья даже во время войны. Да и странно было бы, если б летчики и матросы не замечали красоты Илиты. Стройная, узкое, словно точеное, лицо с горящими глазами не могли не привлекать внимания.

А сейчас, после госпиталя, Илита, пожалуй, была еще красивее, чем раньше. Появилось в ее лице что-то одухотворенное, тонкое, едва уловимое, — это были тени пережитого, выстраданного. И даже отсутствие косы, которую срезали в госпитале по приказу врача в то время, как Илита находилась в беспамятстве, не портило красоты Дики. Она была похожа на юного сорванца, на паренька, недавно спустившегося с гор…

С Никоновым Илита сразу подружилась, нашла общий язык. Она смотрела на старшину, как смотрела бы на отца. В свою очередь, Никонов опекал Илиту словно родную дочь. Как-то киевлянин Леша Захарченко позволил себе подшутить над Илитой, сказав, что по пословице «у бабы ум короткий, а волос длинный» и что, мол, Илита даже этому положению не соответствует — у нее и волос короткий. Никонов отозвал в

сторону Захарченко и выдал болтливому разведчику по первое число. С тех пор Захарченко словно язык проглотил.

Впрочем, Леша был хорошим, милым парнем. И позднее, когда он не вернулся из очередного поиска, Илита корила себя: подумаешь, пошутили с ней, так она — в амбицию! Не со злости вспомнил Леша старую пословицу — чтоб людей повеселить. Ведь без шутки на войне не прожить…

Никонов охотно делился с Илитой своим опытом, знаниями. Как он знал карту! Как угадывал каждое изменение в дислокации немцев в районе Севастополя!

И все-таки в глубине души Илита злилась, что старшина так долго держит ее в части. Скорей бы в рейд по фашистским тылам!

Но однажды обида ее прорвалась. Она повысила голос на Никонова. Чего это он прицепился к словам врача из госпиталя: «Дауровой нужен отдых»? Отдыхать она будет после войны! Нечего мариновать ее в пещере! «Штабной крысы» из нее не выйдет, пусть Никонов на это не рассчитывает!

— Не могу сидеть сиднем под толстыми каменными сводами, — говорила Илита, горячо сверкая глазами, — когда рядом товарищи воюют, идут на смерть! Вот что, старшина: или посылай меня в разведку, или я обращусь прямо к Бритому Барсу!

Никонов устало вздыхал. Ему не хотелось ввязываться в спор. Он просительно говорил Илите:

— Подождите чуток, товарищ лейтенант. Рановато вам в разведку идти.

За те две недели, что Илита пробыла в полку Красникова, погибло немало разведчиков. Не вернулся из рейда во вражеский тыл Леша Захарченко, который так неловко пошутил с Илитой. Подорвался на «хитрой» мине грузин Нонешвили. Окруженный врагами, метнул себе под ноги последнюю гранату сибиряк Геннадий Феофилактов. Услышав о новых потерях, Красников каждый раз грустно подытоживал:

— Разведрота, а людей и на взвод не наберется…

Группа разведчиков таяла не по дням, а по часам. Пополнения ждать было неоткуда. Правда, поговаривали, что вот-вот наши сбросят в Севастополь десант, и тогда горстка разведчиков превратится действительно в разведроту. Но десанта все не было и не было…

Фашисты же не отказывали своим частям в пополнении. День ото дня они усиливали натиск на обескровленную армию защитников Севастополя.

Илита ждала, когда Бритый Барс разрешит ей идти в разведку. Но вышло так, что еще до первого рейда по тылам противника она побывала в опасном деле.

Как-то майской ночью командиру полка Красникову сообщили, что в районе Инкермана попала в беду отдельная рота, которой командовал старший лейтенант Гуриев. Фашисты окружили ее. Связь с ротой была прервана. Опасность грозила и артиллерийскому полку, где командиром был Чичугин, а комиссаром — Железняк: фашисты обложили полк с трех сторон.

Нужно было контратаковать прорвавшегося врага. Но откуда взять для этого силы? Генерал Петров обратился к Красникову. И Красников, смертельно усталый, бледный от бессонницы, начал искать выход из создавшегося положения.

Он вызвал разведчиков. Объяснил им обстановку. Сказал, что свежих частей в гарнизоне Севастополя нет, и единственная группа, способная выручить роту Гуриева и оттеснить фашистов от позиций артполка Чичугина и Железняка, — это разведчики. Конечно, их мало. Но он, Красников, выделит в распоряжение Никонова еще человек сорок — пятьдесят.

— Что ж, надо — значит, надо, — ответил за всех Никонов. — Только дело это треба хорошенько обмозговать.

— Думай, думай, старшина, — согласился Бритый Барс. — Но одно знай: времени у нас в обрез, немцы-то Гуриева доколачивают, скоро и за артполк примутся…

Отпустив разведчиков, Красников попросил Илиту задержаться.

— Пойдешь с Никоновым, — сказал он Илите. — А то, я слышал, тебе пороха на земле хочется понюхать. — Он устало вздохнул. — На опасное дело вас отправляю. Не послал бы тебя… Но посылаю, потому что верю: ты не подведешь. Да, кстати, Гуриев — твой земляк, осетин…

«Гуриев, Гуриев, — повторила Илита про себя. — Знакомая фамилия. Гуриевых много, и кое-кого я знаю. Только о каком Гуриеве идет речь?»

Илита не обратила внимания на то, что впервые со времени пребывания в полку Красников назвал ее на «ты». А для самого Красникова это было своего рода братанием. Он говорил «ты» только тем, кого искренне полюбил. Илита нравилась суровому командиру полка и как красивая, скромная девушка и как мужественный, цельный человек.

Через полчаса у Никонова был готов план рейда. Опытный солдат, знавший окрестности Севастополя как свои пять пальцев, он рассудил, что к роте Гуриева можно добраться через минное поле, то есть именно там, где немцы не рассчитывали на прорыв. Гуриев, по-видимому, и сам считал это минное поле непроходимым. Во всяком случае, когда еще была связь между ротой и артполком Чичугина и Железняка, он сообщил, что

фашисты силой в два батальона прижимают его к минному полю.

Никонов был уверен, что его группа пройдет минное поле и выведет из-под огня роту Гуриева.

Миновала полночь, когда группа отправилась в путь.

Бойцы шли уже два часа. Кто бывал в Крыму весной, знает, как темны южные ночи. Ориентироваться было трудно. Сами того не ведая, немцы помогали бойцам находить верное направление: то и дело с вражеских позиций взмывали в небо ракеты — наши очень точно называли их «фонарями». Да кроме того, на исходе второго часа, когда до Инкермана было уже совсем близко, горизонт вдруг окрасился многочисленными вспышками разрывов — там рота Гуриева отбивалась от двух батальонов фашистов.

Быстрый марш почти в полной темноте утомил бойцов. Но Илита, наверно, устала больше всех. Ноги налились свинцом. Во рту пересохло. Дыхание стало прерывистым. Илите казалось, что они идут не час, не два, а сто часов. Когда же конец пути?

Пересеченная местность. Ложбина, а потом холм. Новая ложбина и новый холм. Эти мгновенные перепады могли бы привести в отчаяние кого угодно. Но дело было не только в перепадах. Все кругом усеяно воронками от снарядов и бомб. Не всегда различишь их в темноте ночи. Так что матросам из полка Красникова, шедшим на выручку роты Гуриева и артполка Чичугина и Железняка, приходилось чуть ли не руками ощупывать каждый метр дороги.

И все-таки Илита завидовала своим товарищам. Они мужчины, они как-то увереннее чувствуют себя на войне. А у нее временами так сводило ноги судорогой, так резало грудь от недостатка воздуха, что она еле сдерживалась, чтобы не попросить о привале.

Густой голос старшины Никонова произнес где-то впереди:

— Ложись! Ждать сигнала!

«Наконец-то! — обрадовалась Илита, падая на землю. — Пришли».

Она несколько минут лежала, прислушиваясь к недалекому шуму боя. Потом перевернулась на спину, положила автомат на грудь и, отдыхая, бездумно глядела в темное небо.

Она заставляла себя дышать ровно. Надо набраться сил, чтобы в бою действовать быстро и ловко, чтобы ни на локоть не отстать от мужчин.

Однако мало-помалу прежние мысли снова завладели ею. Здорово все-таки, что Бритый Барс послал ее в бой. Она так ждала этого часа! И вот он наступил…

«Откуда же мне известна фамилия Гуриева? — думала

Илита. — Уж не сын ли это старого Вано Гуриева из Куртатинского ущелья?»

Вано Гуриева Илита знала хорошо. Она познакомилась с ним, когда ее выбрали в Верховный Совет. Бывала в доме Вано, охотно советовалась со стариком, слушала его рассказы о старом. Вообще дом Вано Гуриева горцы не обходили стороной. Знали, что хозяин — человек хлебосольный, отзывчивый, мудрый. Кстати, Вано Гуриев был одним из самых почетных гостей на свадьбе Илиты и Харитона.

Однако не только хлебосольством и мудростью прославился Вано Гуриев. Он был народным сказителем-певцом. Песни ею — красивые и сердечные — полюбились и молодым и старым, их распевала вся Осетия.

Особенно известной стала песня о Ленине. Правда, в ее создании участвовал не один Вано Гуриев. Он придумал первый куплет, напел мелодию; кто-то из сельчан — теперь уже и не вспомнишь кто — добавил второй куплет и чуточку изменил мелодию. Так, идя по свету, песня о дорогом Ильиче набирала силу. Ведь каждый, кто прикасался к ней, отдавал словам и мелодии самую большую любовь — любовь к Ленину!

Вспомнилось Илите, как она впервые слушала песню о Ленине в доме Вано. Он запевал ее, а присутствующие здесь же сыновья и дочери тихо вторили. Слова песни и мелодия были безыскусны, просты, но Вано вкладывал в каждое словечко столько души, что сердца загорались любовью к Ильичу, — хотелось во всем походить на него, хотелось идти сквозь бури и невзгоды к тому счастливому завтра, ради которого Ленин жил и боролся, ради которого отдал свою жизнь.

И тем, кто пел песню о Ленине, и тем, кто слушал ее, казалось, что Владимир Ильич незримо присутствует среди них; он доволен этим светлым, просторным, ладно сбитым домом, построенным вместо бедной сакли, он радуется, что люди зажили мирно и богато, он благословляет их на большие, дерзкие дела…

Но вот Вано умолкал. Слезы стояли у него в глазах. Слезы — не книга, которую можно прочесть, но в эту минуту все понимали, какими чувствами полна душа простого осетина Гуриева, разделяли эти чувства…

Где теперь старый Вано? Уж наверно не сидит дома сложа руки. Он коммунист, и можно не сомневаться, что в трудную для Родины годину он, не щадя своих сил, трудится в поле.

Илита представила себе весеннее поле. Рассвет… Солнце — розоватое, нежное — кладет первую позолоту на влажную пашню. И вот навстречу солнцу шагает Вано Гуриев. Он мнет сильными еще пальцами комья земли, пробует ее языком — так делали

крестьяне в старину, чтобы узнать, можно ли приступать к пахоте…

Вано и ведать не ведает, что сын его, младший Гуриев, в опасности, что, быть может, в эту минуту он лежит на Инкерманских высотах, истекая кровью…

Илита вскочила, будто ее ударили. Что это она разлеживается, когда нельзя терять ни секунды, когда бойцы из роты Гуриева дерутся из последних сил, ждут помощи от моряков полка Красникова?

Она огляделась. Где же товарищи? Куда исчез старшина Никонов? Неужели все ушли вперед, а она, позволив захватить себя воспоминаниям, осталась одна?

Она тихонько свистнула. Потом еще и еще. Никто не отозвался.

Вдруг, прорвав тишину, оглушительно затрещали на правом фланге пулеметы. Небо сразу расцвело огнями ракет.

Илита было уже двинулась вперед, когда неподалеку раздался ответный свист. Затем тихий, приглушенный голос окликнул ее:

— Эй, сестренка, куда собралась? Лежи, пока команду не дали!

«А я уж струсила! — упрекнула себя Илита. — Товарищи-то рядом. Одну меня не оставят».

Прошло еще несколько минут. Илита напряженно всматривалась в ту сторону, откуда неслось беспрестанное татаканье пулеметов. Наверно, рота Гуриева еще стоит. Впрочем, Илита не удивлялась этому. Она хорошо знала, как сражались защитники Севастополя, — они дрались с фашистами до последнего патрона, до последней гранаты; порой двое или трое оставшихся в живых сдерживали роту вражеских солдат.

— Быстрее за мной! — раздался впереди знакомый голос.

Это был не Никонов. Но кто же?

Илита вскочила и побежала вслед за матросами, которые в темноте были почти неразличимы. Она скорее угадывала их движения, чем видела.

Пробежав метров пятьдесят, Илита неожиданно вспомнила, кто сейчас подал команду. Сергей Федунов! Да, это тот самый, кто стоял дневальным в пещере разведчиков, когда она впервые там появилась! Сергей Федунов был хорошим сапером и, по-видимому, именно он вместе с несколькими саперами, выделенными ему в помощь Бритым Барсом, сделал проход в минном поле. Да, теперь дорога к роте Гуриева расчищена!

У виска Илиты свистнула первая пуля. Но Илита не испугалась, лишь отметила этот странный, неприятный свист.

В конце концов, разве не привыкла она смотреть в глаза смерти? Прошлой осенью «Ласточка» отвлекала «мессершмитты» от госпиталя, расположенного в прибрежном поселке. Почти всю зиму летала в Севастополь — более восьмидесяти вылетов сделала. Сколько пуль, сколько зенитных снарядов потратили на Илиту враги, а она жива и невредима!

Не забыть ту ночь, когда погиб старший лейтенант Ефименко и когда ей пришлось целый час плыть в ледяном крошеве, борясь с бессилием, с отчаянием, с холодом. Но и тогда смерть не поборола ее!

И сегодня она не сдастся! Тем более, что она не одна, с ней рядом сильные и смелые товарищи, с ней рядом — знает он об этом или не знает — старый Вано Гуриев, его вера в торжество народного дела, его песня о Ленине!

«Вперед, Дика, вперед!» — подбадривала она себя.

Немцы по-прежнему то и дело бросали в воздух ракеты. В их странном мертвенном свете можно было кое-что разглядеть. Саперам во главе с Сергеем Федуновым пришлось немало поработать, чтобы проделать узкий проход в минном поле. Илита обратила внимание на обрывки колючей проволоки, на два или три «ежа», сдвинутых в сторону, на горку обезвреженных мин, — все это, по мнению фашистских вояк, должно было накрепко закрыть дорогу к участку, где оборонялась рота Гуриева. Только вышло по-иному…

— Сюда, сюда! — указывал путь Федунов, направляя в проход разгоряченных бегом бойцов.

Это было начало довольно крутого подъема. Илита остановилась на миг, чтобы перевести дыхание. Федунов испуганно взглянул на нее, затем одним рывком оказался рядом:

— Ты ранена, Дика?

— Нет, — задыхаясь, ответила Илита. — Нет, Сережа, все в порядке… — Она наконец отдышалась. — Близко рота Гуриева?

— Метров двести еще.

— А где старшина Никонов?

— Он левее. Отвлекает немцев. Скоро услышишь, какую пальбу откроет. — Федунов дружески кивнул Илите: — Ну, снимаемся с якоря?

Торопливо шагая рядом с Федуновым, Илита то и дело опасливо поглядывала по сторонам: сколько мин понатыкали фашисты в землю! Федунов заметил взгляд Илиты и, усмехнувшись, сказал:

— Мне не впервой по этим «игрушкам» шагать.

Как много значит в боевой обстановке поддержка товарища, его ободряющее слово. Вот даже сейчас, достаточно было

Федунову усмехнуться, назвать мины «игрушками», как стало спокойнее на душе.

Они догнали остальных, залегли. Федунов предупредил бойцов, что надо подождать, пока на левом фланге Никонов с группой матросов не начнет отвлекающие действия.

Прошло несколько минут. И вдруг слева, где угадывалась низина, ухнули раз за разом взрывы гранат, затем, захлебываясь, застрочил станковый пулемет.

— Сейчас — рывок, и мы должны прорваться к роте Гуриева, — шепотом оповестил бойцов Федунов.

Он вскочил первый.

— За Родину! — громовым голосом крикнул он. — Бей гадов!..

До сих пор в этом ночном рейде для Илиты не было ничего необычного. Темнота, мешающая ориентировке, свист пуль, мины, грозящие неожиданной смертью, — все неприятно, все это вызывает в душе холодок страха. Но, в конце концов, на войне без подобных неприятностей не обойтись.

Все изменилось, как только Федунов крикнул «За Родину! Бей гадов!». Страх исчез. Илита уже забыла о минах. Она не слушала свиста пуль. Вместе с товарищами она бросилась вперед, различив в сумраке рассвета холмик, за который продолжала цепляться рота Гуриева. Все тело Илиты было наполнено неистребимым, жгучим желанием как можно быстрее достигнуть холмика, увидеть врагов и крошить, крошить, крошить их из автомата!..

Илита не успевала за Федуновым. Он бежал быстро, и фигура его вскоре растворилась в темноте. И тут же впереди взорвались мины. Это было похоже на треск разорванного полотна: тр-трр-тр-ах! Остановившись, Илита с беспокойством подумала о Федунове. Куда он исчез? Не он ли, по несчастью, подорвался на мине?

Грохнуло еще несколько взрывов — теперь дальше, может быть, даже за холмиком.

Переведя дыхание, Илита снова устремилась вперед.

Теперь взрывы следовали один за другим. Строчили без устали пулеметы. Винтовочные выстрелы и автоматные очереди, казалось, навсегда вытеснили тишину из этого мира.

Но в море огня и металла, в неистовом грохоте Илита неожиданно различила тонкое, сверлящее жужжание. «Мина!» — мелькнуло в голове. Илита распласталась на земле, затем, нащупав рукой край неглубокой воронки, скатилась в яму.

И тут рядом с ней кто-то хрипло спросил:

— Куда тебя несет, сумасшедшая?

— А ты кто? — Илита испуганно отпрянула, подняла автомат.

— «Кто, кто»!.. — недовольно повторил небритый, опаленный порохом солдат, лежащий за стареньким «максимом». — Свой я, вот кто! Из роты Гуриева! А ты откуда взялась такая?

— Я из полка Красникова, — объяснила Илита. — Мы вам на помощь пришли.

— С неба, что ли? — с едва заметной улыбкой спросил солдат.

— Не с неба, а через минное поле.

— Врешь! — не выдержал солдат и даже оставил на мгновение свой пулемет. — Неужели через минное поле?

Илита пожала плечами, как бы говоря этим, что врать не мастер. Затем спросила:

— Ну, как вы тут?

— Как видишь, — ответил солдат. — Немцы стеной прут. К самому минному полю нас прижали! Я уж думал, амба нам. Да вот, видно, не пришел наш черед умирать…

— Где же Гуриев? — спросила Илита. — Жив он?

— Не знаю. Минут двадцать как повел бойцов в атаку на прорыв. Что-то не видно его больше…

— «Не видно»! — вскипела Илита. — А чего видно из твоей воронки? Сидишь тут и звезды считаешь, а командир, может быть, в двадцати шагах от тебя кровью истекает!..

Солдат хмуро уставился на нее.

— Ты на меня не кричи, — медленно заговорил он. — Ты кто? Лейтенант? Все равно не кричи. Мне сам Гуриев приказал: ты, Максименко, с места не сходи, дерись до последнего…

Илита уже не слушала пулеметчика. Она ухватилась за край воронки и в один миг оказалась наверху.

— Куда? — вскинулся солдат. — Немцы там! Убьют! Вот дивчина сумасшедшая!..

Солнце в эту минуту показалось над горизонтом. Стало светлее. Илита бежала вперед, стреляя на ходу из автомата. Кричала ли она? Наверное, да. Но она не слышала своего крика. Она только успела заметить, что слева и справа от нее вдруг появились фигуры товарищей-матросов. Вслед за Илитой они устремились на врага.

Этих фигур становилось все больше и больше, — к морякам теперь присоединились оставшиеся в живых бойцы из роты Гуриева.

— Ура! Ур-ра-а!.. — понеслось над холмом. Этот громкий, победный крик на минуту заглушил и разрывы мин, и треск пулеметов. — Ур-ра-аа!..

Илита выскочила на ровное место, увидела впереди трех немецких солдат и скосила их короткой автоматной очередью.

— Так их, сволочей, сестренка! — рявкнул неподалеку голос Федунова.

Илита обернулась. Сергей Федунов, ширококостный, кряжистый, будто медведь, легко, играючи бросил в ближний немецкий окоп тяжелую противотанковую гранату. Затем глянул на Илиту, улыбнулся, вытер пот с лица и побежал дальше.

Жив Федунов!

Немцы не выдержали контратаки матросов, начали отступать. Рота Гуриева была спасена.

Бой переместился севернее, к полуокруженному фашистами артполку Чичугина и Железняка.

Но Илита уже не участвовала в нем. Недавняя вспышка энергии, бросившая ее в атаку, вдруг прошла, и сейчас она не могла шевельнуть ни ногой, ни рукой. Свинцовая усталость сковала тело. Она присела на край окопа, оглянулась по сторонам.

Следы недавнего жестокого и кровавого боя виднелись повсюду. У ног Илиты лежал сломанный приклад винтовки. Чуть дальше — кисет с вышивкой. Ветерок тормошил листочки писем, валявшихся на земле. А что это за темная фигура лежит у вражеского окопа?

Илита заставила себя встать. Утомление было так велико, что она не шла, а ковыляла. Около окопа, раскинув руки и уткнувшись лицом в землю, лежал человек в матросском бушлате. Руки его мертвой хваткой вцепились в автомат.

С трудом перевернув человека в бушлате, Илита пощупала пульс на тонкой кисти. Пульса не было. Или ей только так показалось? Она снова взялась за руку и на сей раз различила его: вот он, тусклый, вялый удар, за ним еще один. Илита приподняла голову человека и слегка окропила щеки водой из фляжки. Веки раненого затрепетали.

— Кто ты? Что с тобой? — тихо спросила она.

— Гу-ри-ев, — невнятно ответил человек. Он наконец открыл глаза и увидел Илиту. — Гу-ри-ев…

«Гуриев! — взволнованно подумала Илита. — Я нашла его!»

— Пи-ить… — сказал Гуриев и снова закрыл глаза.

Илита всунула ему горлышко фляги прямо в зубы. Пусть пьет. Пусть потребует от Илиты чего угодно — она все сделает, чтобы он остался жив!

Она была так возбуждена, что заговорила по-осетински:

— Таймураз? Вано фурт дэ?[4]

— Чызг уый дэн[5], — ответил Гуриев, отрываясь от фляжки. В глазах его мелькнуло удивление.

— Дон аназ, мефсымар![6] — сказала Илита, снова поднося

фляжку к губам раненого. — Ты меня не узнал? Я — Илита Даурова…

Гуриев кивнул, показывая этим, что вспомнил Илиту. Он пил, закрыв глаза. На тонком горле его, словно живое существо, ходил кадык. Илита заметила это, и ее вдруг охватила такая жгучая жалость к своему земляку, к этому сильному духом человеку, что она чуть не заплакала.

А он, оторвавшись от фляжки, попытался встать. Неудачно. Рука у него подломилась, и он снова опустился на землю.

— Обними меня за шею, — сказала Илита. Она закинула руку Таймураза Гуриева себе за спину и с усилием приподняла тяжелое тело мужчины.

— Я — сам… сам…

— Самому тебе не дойти.

Они стояли теперь — Илита и Таймураз — и оба шатались: она от непомерной тяжести раненого, он от потери крови.

— Пошли, — сказала Илита, сделав первый шаг.

Нет, так ничего не получится! Легче нести Таймураза, чем вести его. Но согласится ли раненый, чтобы женщина несла его? Горский характер — он и тут мог выказать себя. Илита была уверена, что Таймураз воспротивится этому, он скорее умрет, чем позволит ей взять себя на плечи.

— Куда ты ранен? — спросила Илита. — Может быть, тебе нельзя идти?

— Можно идти, — ответил Гуриев. — Я должен идти… Я должен вывести роту из окружения…

— Не беспокойся, Таймураз, — уговаривала Гуриева Илита, — рота выведена из окружения… Бритый Барс послал нас к тебе на помощь… Немцы бегут…

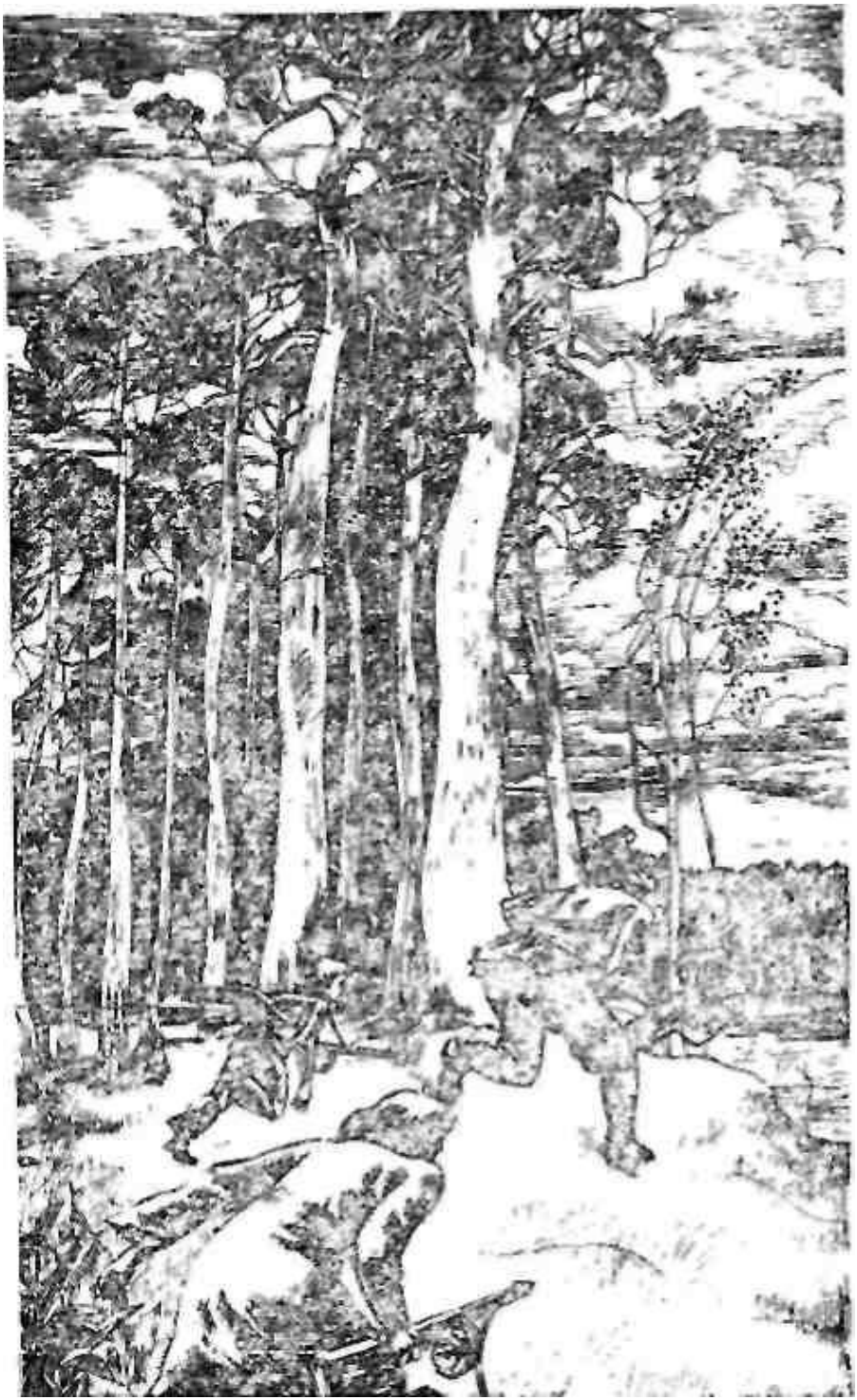
Куда идти с раненым? Илита не знала, что делать. Уходить той дорогой, которой провел их сюда Федунов? Но разве они с Гуриевым осилят эту дорогу? Нет, надо двигаться вслед за наступающими матросами, двигаться на север…

Не успели они пройти и десяток шагов, как к ним подбежал рослый белокурый боец.

— Наш командир ранен? — взволнованно спросил он у Илиты.

Боец обнял Гуриева, помогая ему идти. Теперь он обращался только к своему командиру:

— Держитесь, товарищ старший лейтенант! Мы еще с вами повоюем, верно? Глядите-ка, немцы как драпанули! Сейчас артполк начнет долбать их линию обороны…



И правда, в ту же секунду где-то в вышине засвистели особенным, пронзительным свистом снаряды артполка Чичугина и Железняка. Затем горизонт окрасился вспышками разрывов.

— Так их, гадов! — радостно воскликнул белокурый боец. — Товарищ командир, видите, наши артиллеристы дают фрицам прикурить! Эх, хорошо!..

— Далеко отсюда расположение артполка? — спросила Илита у солдата.

— Да нет, близко. — Он махнул свободной рукой. — Сейчас овраг будет, потом холмик, за холмиком и стоят наши артиллеристы. Молодцы ребята! — продолжал он. — Комиссар у них — голова! Ему бы армией командовать, а не в полку комиссарить. Слышали про такого? Железняк Наум Леонтьевич.

Илита ответила:

— Не слышала…

Наум Леонтьевич Железняк? Вроде бы действительно Илита слышала о нем. Но где? Она мысленно перебрала последние события, те места, куда забрасывала ее судьба: аэродром под Лазаревским, фронтовой аэродром на Дону, эскадрилья майора Джапаридзе, госпиталь… Да-да, она познакомилась с Железняком именно в госпитале! Теперь она вспомнила.

Боец продолжал еще что-то рассказывать о знаменитом комиссаре артполка, а Илита вызвала в своей памяти те дни, когда она находилась в госпитале.

Двустороннее крупозное воспаление легких — болезнь не шуточная. Бывали часы, когда врачи сомневались, останется ли Илита жива. Она и сама пала духом: температура по вечерам скакала к сорока градусам, мучала рвота, болело сердце.

Утром, когда наступало облегчение, Илита шла к выходу из пещеры: хотелось подышать свежим воздухом, увидеть, как на склонах севастопольских холмов оседает снег, распрямляются ростки первой зелени.

И вот как-то у входа в пещеру она повстречалась с человеком, который вдруг заговорил с ней так просто, словно был знаком многие и многие годы. Незнакомец, как и Илита, носил плотную больничную пижаму. Но если Илита накинула поверх пижамы ватник, то на нем была хорошо сшитая офицерская шинель. И вообще, несмотря на то что лежал он в госпитале и лечился, по-видимому, от тяжелого ранения, выглядел он собранным, аккуратным, подтянутым.

Он спросил у Илиты, откуда она, давно ли воюет. И спросил он это так неназойливо, так по-дружески, что Илита неожиданно для себя размягчилась душой и поведала незнакомцу всю свою биографию.

Потом офицер рассказал о себе. Впрочем, он был немногословен. Скромно заметил, что воюет с начала войны и, как говорится, бог миловал: два месяца назад у него под ногами

разорвалась мина, а отделался царапиной.

Илита невольно улыбнулась: хороша царапина, если ему пришлось два месяца лежать в госпитале.

— А ведь мы с вами породнились, — неожиданно сказал незнакомец. — Да, да, породнились, — повторил он, отвечая на недоуменный взгляд Илиты. — Когда вас привезли в госпиталь, нужна была кровь для переливания…

— Ну и что же? — не выдержала Илита.

— Да ничего… — Незнакомец стеснительно улыбнулся. — Взяли у меня триста кубиков…

— Значит, у меня теперь ваша кровь? — Илита взволнованно всплеснула руками.

— Выходит, что так…

Илита растерялась. Сказать этому человеку «спасибо»? Но разве эта благодарность способна выразить то чувство, которое Илита испытывала, глядя на своего спасителя. По-другому и не назовешь его никак — только спаситель.

Должно быть, незнакомец заметил смущение Илиты. Он вдруг заговорил о том, что недавно получил с Большой земли — так называли защитники Севастополя Россию — письмо от жены. Плутало это письмо чуть ли не три месяца, пока добралось до Севастополя. Но зато другого такого радостного письма он, Железняк, в жизни своей не получал: в декабре 1941 года жена родила сына!

— Не знаю, как она его назвала, — продолжал рассказывать он. — Да это и неважно. Важно, чтоб хорошим, сильным человеком вырос. — Он доверительно наклонился к Илите: — Никому я об этом не говорил, а вам почему-то захотелось раскрыть свою тайну… Написал я сыну письмо, ну вроде бы он уже взрослый и все может понять… А в письме — напутствие. Как жить ему надо, как к хорошему привыкать и как отвыкать от плохого. Я коммунист и верю, что сын мой тоже будет коммунистом… Идет смертельная схватка с фашистами, и никто не может дать гарантии, что я останусь в живых. Так вот, я написал: если убьют меня, пусть сын сделает то, чего не сделал я. Пусть все свои силы, всего себя до последней кровинки отдаст Родине, партии…

Илита смотрела на своего собеседника с восхищением. Вот мужественный человек! И самое приятное, что нет в нем и тени рисовки, зазнайства. Илите польстило, что незнакомец рассказал ей о письме из дома, о рождении сына и о своем отцовском напутствии — это ведь не каждому рассказывают.

Она подумала: «Если б у меня был сын от Харитона, я бы написала ему то же самое».

Разговор у входа в пещеру, где находился госпиталь, во многом повлиял на Илиту. Жизнелюбие человека в офицерской шинели, его негромкий, но убежденный патриотизм, его вера в человеческие силы — все это передалось Илите. Душа ее окрепла. И болезнь, будто почувствовав, что Илиты ей не переломить, пошла на убыль.

Странно, что лицо и фигуру человека, поделившегося с ней своей кровью, она помнила — для этого достаточно было закрыть глаза, а вот фамилия из памяти выветрилась, хотя потом Илите не раз называли имя ее спасителя — комиссар артполка Железняк.

И вот, оказывается, Железняк этот рядом с ней!

Бывают же чудеса на войне…

Вместе с белокурым бойцом — он был на удивление сильным парнем — Илита перенесла Таймураза через овраг. Когда они миновали первый холмик, боец неожиданно приставил ладонь ко лбу и впился взглядом в даль.

— Что там? — с тревогой спросила Илита.

— Кажись, танки нас контратакуют…

Пришлось остановиться. Тем более, что впереди, на повернутой к немцам стороне холма, упало несколько вражеских снарядов; груда земли взметнулась вверх, на минуту скрыв от Илиты и ее помощника панораму боя.

Таймураз был в забытьи. Белокурый боец ловко разрезал гимнастерку командира в перевязал ему перебитое, окровавленное плечо.

— Если б только плечо ему задело, — сказал он Илите, — а то, кажется, ноги тоже перебиты. И вроде бы контузило его…

Боец был прав: немцы пустили в ход танки. В низине, направляясь к холмам, шли семь фашистских «ягуаров».

— Нельзя нам оставаться здесь, — сказала Илита, напряженно следя за движением танков. — Пошли. В расположении артполка и то безопаснее. А кроме того, там есть врачи — помощь Гуриеву нужна немедленно!..

Они подняли Таймураза и направились ко второму холмику. По временам приходилось ложиться, потому что немецкие танки вели ожесточенный огонь. Но даже лежа они прикрывали своими телами раненого командира.

Впереди снова упали два снаряда. Кто-то вскрикнул. Из сплошной завесы пыли вынырнули несколько лошадей. Илита проводила их удивленным взглядом: откуда взялись здесь лошади? Но тут же вспомнила, что из-за нехватки горючего орудия в Севастополе давно перешли на конную тягу.

— В укрытие, черти! — закричали рядом.

Илиту резко толкнули в спину. Она упала. Потом, подняв голову, встретилась глазами с белокурым бойцом, державшим на руках раненого Гуриева. Они были в замаскированном окопе. Чуть поодаль стоял, улыбаясь, плотный, круглолицый человек в офицерской шинели. Илита сразу же узнала его:

— Товарищ комиссар!

— А это ты, Дика?

— Я.

— Еще секунда, и ты бы уж не смогла мне ответить, — сказал Железняк. — Глаза у вас есть? Прямо на «ягуары» прете. — Он шагнул к Илите, потом, заметив на руках бойца раненого, склонился над ним. — Гуриев! — Обернулся к Илите: — Жив? — И, не ожидая ответа, позвал: — Эй, санитары, живо сюда!

Два санитара, уложив Гуриева на носилки, понесли его в блиндаж, где разместилась медицинская часть.

— Ну, Дика, рассказывай, как ты тут очутилась? Если скажешь, что прилетела на самолете, я все равно не поверю…

— Я с разведчиками из полка Красникова, — ответила Илита, не отрывая взгляда от лица Железняка. — Шли на помощь роте Гуриева. Ну, а дальше… — она развела руками, — отогнали немцев, а теперь и к вам дорогу нашли.

— Значит, стала разведчицей на земле?

— А что? Разведчики в полку Бритого Барса знаменитые, воюют не хуже летчиков.

— О! — засмеялся Железняк. — Вот как заговорила! Выходит, летчики и разведчики воюют отлично, а мы, артиллеристы, на «посредственно»? Ладно. Сейчас увидишь своими глазами, как умеют драться артиллеристы, боги войны!

Железняк вызвал начальника связи полка. Тот доложил, что повреждение на линии связи исправлено и только сейчас удалось соединиться с Красниковым.

— С Красниковым потом поговорим, — остановил его Железняк. — А сейчас давай Жидилова вызывай. Пусть морячки ударят немцам во фланг! Действуй, начальник связи!

Конечно же, Илита слышала фамилию Жидилова. Он командовал бригадой морской пехоты. Отчаянной храбрости были эти жидиловцы. Немцы боялись их и недаром прозвали «черной смертью» — не только за черные бушлаты, но и за ожесточенность в бою, за упорство, равного которому не было, за неустрашимые лихие атаки.

Значит, на помощь артполку и разведчикам идут жидиловцы? Хорошо! Покатятся немцы назад, как пить дать, покатятся!

Илита с удовольствием и восхищением смотрела, как четко, без малейшей суетливости и волнения действует комиссар

артполка Железняк. «Ягуары» были уже совсем близко, когда он приник к стереотрубе и, прижимая телефонную трубку плечом, ровным голосом корректировал огонь своих батарей.

Отсюда, с наблюдательного пункта, картина боя была как на ладони. Вот первая вражеская машина с черными крестами на броне подошла к самому подножию холма и вдруг встала на дыбы, подброшенная могучим ударом снаряда.

— Есть один! — радостно воскликнул Железняк.

Батареи пристрелялись. Вскоре запылал второй «ягуар», за ним еще один. Снаряды артиллеристов настигали фашистские машины, сплошной завесой огня отсекали их от холма. Два танка повернули обратно, два замедлили ход, словно раздумывая, повернуть или нет. Но поздно — прямым попаданием у одного замешкавшегося «ягуара» была снесена башня. Затем запылал и другой.

— А эти два, пожалуй, уйдут, — с сожалением сказал Железняк, не отрываясь от стереотрубы. — Ну-ка, попробуем их достать…

Он дал команду наводчикам, и дружные залпы орудий накрыли последние фашистские «ягуары».

— Вот это — работа! — крикнул Железняк, и, не удержавшись, хлопнул Илиту по плечу. — Видишь, Дика, как работают боги войны — артиллеристы?

— Вижу, — взволнованно сказала Илита. — А вы, товарищ комиссар, действуете, будто опытный дирижер…

— Что ты, Дика… — Железняк устало вздохнул. — Вот наш командир полка, Чичугин, тот действительно дирижер. А я так, вроде подмастерья. Жаль Чичугина — ранило его, отправили в госпиталь… А ты что стоишь без дела, Дика? Сходила бы узнала, сколько килограммов стали вытащили наши медики из Гуриева…

Начальник связи полка, молоденький лейтенант, провел Илиту в медчасть. Он пошептался с вышедшим из блиндажа капитаном, и тот милостиво разрешил Илите взглянуть на Гуриева.

— Только не разговаривать! — предупредил он. — Гуриев очень ослабел…

— Может быть, ему нужна кровь? — поспешила спросить Илита. Сейчас, после встречи с комиссаром Железняком, отдавшим ей когда-то свою кровь, она чувствовала жгучее желание сделать то же самое, что сделал Железняк.

Но капитан покачал головой.

— Переливание крови Гуриеву уже сделано.

Илита разочарованно вздохнула. Капитан внимательно посмотрел на нее и спросил:

— Вы, случаем, не невеста Гуриева?

— Нет, — ответила Илита.

— А кто же?

Что ответить этому медику? Сказать, что она землячка Гуриева? Но тогда получается, что она хочет отдать свою кровь командиру роты именно по этой причине. Только дело не в том, что она и Гуриев одной национальности. Нет, совсем не в том! Есть большее родство, чем родство национальное. Вот ведь старшин лейтенант Ефименко украинец, а не осетин, но был для Илиты дороже брата. Да и сам Ефименко относился к Илите, как к сестре. Вот и старшина Никонов русский, но берег Илиту, беспокоился о ней, будто родной. Или вот комиссар полка Наум Леонтьевич Железняк… Он отдал Илите свою кровь. Он сделал больше — каким-то чудом заставил Илиту поверить в жизнь, и она поборола болезнь. Но разве Железняк осетин?

Да, есть другое родство у советских людей! Родство единой судьбы. Родство общности целей. Родство, завещанное дорогим Ильичем.

Илита вспомнила Кочиева, который командовал дивизионом торпедных катеров около Новороссийска. Кочиев, Гуриев, она и еще несколько десятков тысяч осетин, сражающихся на фронте, — что могли сделать они одни против потока фашистских армий? Это великое счастье, что осетины вошли в семью народов России, сроднились с ними под знаменем Ленина. А ну-ка, Гитлер, попробуй одолей бойцов великой советской семьи — русских и украинцев, грузин и казахов, осетин и евреев! Не выйдет, никогда не выйдет!

Все эти мысли, словно стая птиц, пронеслись в голове Илиты. Она так и не ответила капитану. Тот наконец оставил свой допрос и пропустил Илиту в блиндаж.

Гуриев лежал на деревянных нарах. Он был бледен, но, заметив Илиту, улыбнулся ей краешком губ. Илита кивнула ему и погрозила пальцем: надо молчать! Гуриев понял этот жест и все-таки не выдержал сказал:

— Спасибо, сестра…

На этом и окончилось короткое свидание. Капитан проводил Илиту. Уже выйдя из блиндажа, он остановился и укоризненно посмотрел на спутницу.

— Что же вы мне раньше не сказали, что вы сестра Гуриева? — спросил он.

Илита не стала его разубеждать.

— Будет жив ваш брат, — утешил ее капитан. — Удивляюсь я одному: как вы, такая тростиночка, несли его сюда четыре километра?

— Неужели четыре километра? — удивилась Илита. — Но ведь я не одна его несла…

Через несколько минут начальник связи полка соединил Илиту с Бритым Барсом. Она рассказала Красникову то, что знала. Бритый Барс просил Илиту передать старшине Никонову и Федунову свою благодарность.

— Всех троих представлю к награде, — пообещал он.

Она закончила разговор с Красниковым, когда к полю боя подошли жидиловцы. Их громкое «Полундра!» разнеслось над холмами Инкермана.

Железняк встретил Илиту широкой улыбкой.

— Ну, Дика, мы с тобой дело сделали, — заговорил он. — Теперь очередь за матросами Жидилова. Кстати, я слышал, это ты подняла роту Гуриева в атаку?

— Кто же вам такое сказал?

— Как — кто? — Железняк хитро улыбнулся. — Немцы донесли. По прямому проводу. Так, мол, и так, увидели мы Дику впереди атакующих разведчиков — и отошли во избежание больших неприятностей…

Он не выдержал, засмеялся. Илита засмеялась вместе с ним. Что за удивительный человек! Только что смерть была рядом, только что комиссар руководил действиями многих батарей и отбил танковую атаку противника, а вроде и не было всего этого — смеется, шутит, живет!

«Это и есть мужество», — подумала Илита, не отрывая восхищенного взгляда от Железняка.

Моряки Жидилова отогнали фашистов. Положение на этом участке фронта было полностью восстановлено.

Днем группа разведчиков во главе со старшиной Никоновым возвратилась в родной полк.

ВСТРЕЧА С ВАЛЕРИКОМ ВОЛКОВЫМ

Но отдыхать пришлось недолго. Не прошло и недели, как старшина Никонов сказал Илите, что Бритый Барс разрешил ей идти в разведку.

— Теперь можно, — басил Никонов. — Понюхали вы пороху, товарищ лейтенант. Знаете, что к чему.

Сердце у Илиты дрогнуло. Горячая волна радостного волнения захлестнула грудь. Но Илита тут же осадила себя. Одно дело — на поле боя, другое — в разведке. Справится ли она? Сумеет ли быть такой же ловкой, хладнокровной и бесстрашной, как закаленные в рейдах по тылам врага матросы-разведчики?

К вечеру весеннее небо потемнело, откуда-то с севера нагрянули тучи, грозя земле затяжным дождем. Такая погода была разведчикам на руку. Темь — хоть глаза выколи, шумит дождь — ну кто заметит, как смельчаки перейдут линию фронта?

В разведку вместе с Илитой шли два матроса — Иван Петруненко и Ибрагим Ибрагимов. Первый — молодой парнишка, почти юноша, белоголовый, с прозрачными голубыми глазами, в которых всегда угадывалась какая-то грустинка; рассказывали, что у Ивана в самом начале войны убили отца и мать, — фашисты разбомбили родное село Петруненко, находившееся неподалеку от Луцка. Второй — татарин из Казани. Широкоплечий, мускулистый, но очень ловкий, он, казалось, самой природой был создан для каких-то незаурядных, отчаянных дел; кроме всего прочего, Ибрагимов прекрасно говорил по-татарски, что облегчало работу разведчиков в тылу.

В поиск группу отправлял сам Бритый Барс. Он вызвал в штаб Илиту, старшину Никонова, Петруненко и Ибрагимова. Вместе обсудили план действий. Задание у разведчиков было сложное. Партизаны, действующие в тылу врага, передали, что фашисты срочно перебросили в Крым свежие танковые и артиллерийские части — видно, готовится очередной штурм Севастополя. По мысли Красникова, Иван Петруненко, переодетый в какое-нибудь немыслимое рванье и похожий на подростка-беспризорника, каких в то тяжелое время немало бродило по оккупированному Крыму, должен был нащупать места скопления танков за разрушенным Чоргуном. А Даурова и Ибрагимов выяснят, действительно ли второй эшелон врага разместился в районе Нижнего Чоргуна за рекой Черной. Партизаны имели данные, правда не совсем точные, что за Черной скапливаются большие резервы гитлеровцев — пехотные и артиллерийские части, специально предназначенные для прорыва Севастопольской

обороны.

Никонов учел каждую мелочь. Илита и Ибрагим тоже переоденутся в гражданское платье. Будут говорить, что они местные, тем более что Ибрагим сможет объясниться с татарами на их родном языке, а Илита по виду совсем татарочка. Старшина сказал, что ей лучше вымазать лицо грязью и низко повязать голову темным платком, иначе слишком уж бросается в глаза ее красота.

Наконец у каждого разведчика были соответствующие «документы» — поддельные справки, какие немецкая комендатура выдавала полицаям и лицам, работающим на фашистов.

Под прикрытием темноты промокшие до костей Илита, Иван Петруненко и Ибрагим Ибрагимов довольно быстро перешли линию фронта. Отшагали с километр, когда начался густой лес. Шли в сторону Чоргуна. Петруненко и Ибрагимов двигались бесшумно и быстро, словно переняли повадку у рыси, Илита даже позавидовала им. Впрочем, дождь и ветер так шумели, что совершенно заглушали звуки шагов.

Два раза разведчики натыкались на вражеские блиндажи. Их спасло то, что часовые прятались от ливня в укрытиях. Казалось, природа тоже мстила оккупантам: заставила их покрыть орудия брезентом, не пускала в небо фашистские самолеты; даже прожекторы не бросали свои синие столбы света — они были бессильны пробить дождевую завесу и плотные заграждения черных туч.

Часа через два остановились. Иван Петруненко должен был расстаться с товарищами. Договорились, что встретятся на следующие сутки после полуночи в этом же лесу. Ориентиром назначили высоченную ель со странно разделившимся стволом, напоминавшим рогатку. У подножия ели спрятали солдатские телогрейки и автоматы.

Попрощались. У Илиты подкатил к горлу комок, когда она пожала руку Петруненко. Ей подумалось, что они расстаются навсегда. Она с трудом подавила в себе желание сказать: «Прощай, Ваня!»

Он исчез в чаще леса. Илита долго смотрела ему вслед, смотрела до тех пор, пока Ибрагим не потянул ее за локоть.

Целый день Илита и Ибрагим ходили по селениям и хуторам, расположенным за рекой Черной. Их дважды окликали местные жители, и в обоих случаях Ибрагим отвечал по-татарски; жестикулировал, показывал пальцем на Илиту — вот, мол, сестра больна, дома есть нечего, идем к богатому родственнику.

Сравнительно легко им удалось разведать район Нижнего

Чоргуна. Тут они засекли крупное скопление вражеских войск. По количеству укрытых брезентом бунтов снарядов, патронных ящиков и строений, занятых немцами, можно было судить и о численности находящихся здесь частей. Они ничего не записывали, только прикидывали в уме ориентиры, по которым впоследствии должны были ударить наша артиллерия и бомбардировщики.

На условленное место под ель, похожую на рогатку, Илита и Ибрагим вернулись раньше назначенного времени. Ивана Петруненко еще не было.

— Придет, — тихо сказал Ибрагим, словно подслушав грустные мысли Илиты.

Отдохнули. Потом Ибрагимов предложил до появления Петруненко провести беглую разведку в окрестностях селения Черкез-Кермен. Дело в том, что сведения о наличии в этом селении немцев были очень противоречивы. По одним данным, сообщенным партизанами, в Черкез-Кермене разместился чуть ли не полк вражеских солдат, по другим — кроме нескольких полицаев здесь не было никого. Если разведчики все уточнят, Бритый Барс только похвалит их.

На счастье, как и в прошлую ночь, пошел дождь.

Позади остался лес. Потом — широкая лощина. Когда-то в лощине протекал ручей. Теперь, по-видимому, он изменил направление. Но глубокое, словно срезанное бритвой русло не заросло, не выровнялось; Илита и Ибрагим шли по нему, словно по траншее.

Ровно в полночь они были у южной окраины селения. Сначала разглядели сарай. За сараем — высокие штабеля бревен и поленницы дров. Кто из хозяев будет сейчас так аккуратно складывать все это? Похоже, немецкие это бревна и дрова — то ли для дотов они их приготовили, то ли для большой кухни, может быть даже полковой.

Осторожно пробрались в сарай, отдышались. Сели рядом, касаясь друг друга плечами.

— Ай, курить охота — мо́чи нет! — прошептал Ибрагим.

Илита не ответила: знала, что Ибрагим сказал это ради словца. Он — опытный разведчик и не пойдет на то, чтобы выдать себя.

— Пошли, Ибрагим, — позвала она товарища. В сарае было холодно. Промокшая насквозь одежда неприятно липла к телу, Илиту знобило. — Пойдем. Надо двигаться, а то замерзнем. — Она вспомнила, как боролась с холодом той страшной ночью, когда «мессеры» сбили «Ласточку» и пришлось целый час коченеть в воде. Ощущение смертельного озноба, испытанного

однажды, до сих пор было самым тяжелым воспоминанием для Илиты.

За штабелями бревен и поленницами дров, однако, не было ни кухни, ни каких-либо других строений. Пришлось пройти метров сто, пока в туманной мути не зачернели какие-то большие плотные пятна — то ли стога прошлогоднего сена, то ли дома Черкез-Кермена. Нигде ни пятнышка света, ни человеческого голоса, ни лая собаки.

— Странно… — Илита наклонилась к самому уху Ибрагима. — Если перед нами дома, то куда девались люди?

Ибрагим пожал плечами.

— Я в этом селении уже давно не был, — зашептал он. — Всякое могло случиться. Или жители переселились, или…

Он не закончил фразы, но Илита и без этого поняла, что́ могло случиться с мирными людьми, если они чем-то не угодили оккупантам. Расстрелять или повесить все население — это для фашистов было самым обычным делом.

— Что ж, придется проверить, — сказал Ибрагим.

Он пригнулся и двинулся вперед, быстро и бесшумно, будто кошка. Илита пошла за ним.

Темные пятна постепенно «проявлялись». Теперь уже можно было разглядеть дома. Добравшись до крайнего дома, Илита и Ибрагим долго стояли, прислушиваясь к царившей вокруг тишине.

Дождь начал стихать и вскоре совсем перестал. Ветер прогонял с неба медлительные тучи. Стало светлее.

— Может, заглянем в один из домов? — спросила Илита у Ибрагима. — Хорошо бы найти кого-нибудь из местных — глядишь, и данные бы собрали…

— Хорошо бы, — согласился Ибрагим. — Только кого найдешь в этих развалинах? — Он кивнул на дом. Тот был почти полностью разрушен — без крыши, одна стена раскололась и упала, печка разворочена. Да, жить в таких развалинах люди не могли.

Вдруг невдалеке от разведчиков резкий голос громко и испуганно крикнул:

— Хальт! Хальт!..

И длинная автоматная очередь разорвала тишину.

Разведчики мгновенно втиснулись в маленькую каморку под верандой, где хозяева, по-видимому, держали раньше кур.

На улице снова раздался крик:

— Хальт!..

Ему откликнулись голоса, выкрикивавшие немецкие ругательства. Вспыхнул неяркий свет двух или трех фонарей.

Потом снова застучали автоматы. По топоту подкованных сапог, по удалявшимся голосам можно было догадаться, что фашистские патрули кого-то преследуют. Уж не Ивана ли Петруненко?

Шум затих. Затем замелькали фонари и послышались громкие голоса патрулей — немцы возвратились. По всей видимости, человек, за которым они гнались, ушел. А может быть, и человека никакого не было, ложная тревога: ведь фашистам, оккупировавшим нашу землю, за каждым кустиком мерещился партизан.

Однако эта неожиданная тревога кое-что прояснила разведчикам. Во-первых, ясно, что местных жителей в селении нет, а если и есть — единицы. Во-вторых, становится фактом, что в Черкез-Кермене размещены фашистские части и, судя по многочисленности патрулей, не маленькие. Если Илите и ее товарищам удастся благополучно вернуться в Севастополь, завтра же селение подвергнется бомбардировке.

Прошло с полчаса, и в Черкез-Кермене снова воцарилась тишина. Надо было уходить. И разведчики бы ушли, если б Ибрагиму с его острым слухом не почудилось, что за печкой кто-то есть.

Он толкнул Илиту локтем, повел глазами на развалины.

Илита пожала плечами: она ровным счетом ничего не слышала.

Тогда Ибрагим вытащил пистолет и, крадучись, направился к печке. Илита шла за ним. Они миновали первую комнату с огромной дырой в полу, заваленную полуобгорелым тряпьем. Подошли к печке.

— Кто там? Выходи! — угрожающе заговорил Ибрагим, всматриваясь в темноту. — Выходи, а то убью!

Никто не откликнулся.

— Почудилось тебе, Ибрагим, — прошептала Илита на ухо товарищу.

Ибрагим, не отвечая, вытащил из кармана трут, которым обычно пользовались заядлые курильщики за неимением спичек, и чиркнул кремнем. Фитилек вспыхнул, и в его неверном и слабом пламени разведчики увидели в самом углу скорчившуюся фигурку мальчика.

— Кто ты? — тихо спросил Ибрагим, приближаясь к парнишке.

— Валерик… Валерик Волков. А вы партизаны?..

— Хальт! — остановил мальчика Ибрагим. — Значит, тебе партизаны понадобились? Хорошо. А гестапо тебе не нужно? Гестапо тебе не нравится?..

Паренек хотел было прошмыгнуть мимо Илиты. Он прыгнул.

Загремев, упали какие-то доски, взметнулась сажа из печки, — мальчик пытался добраться до окна.

— Стой! — властно сказала Илита. — Стой! — Она бросилась к мальчугану и задержала его. — Вот дурачок! Если б мы и были партизанами, все равно не стали бы кричать об этом на каждом перекрестке. Не бойся, мы плохого тебе не желаем…

Мальчик ответил не сразу. Стоял, прерывисто дыша.

— А чего ж вы тогда о гестапо вспомнили? — спросил он наконец.

— Это для проверки, — объяснил Ибрагим.

— Так ты сказал, что тебя зовут Валерик? — Илита погладила мальчугана по голове. — Валерик Волков?

— Да.

— В этом доме есть еще кто-нибудь? — снова задала вопрос Илита.

— Нет. Раньше здесь жили Санниковы, но их фашисты куда-то увезли.

— А твои родители живы?

— Их убили.

— Что же ты думаешь делать?

— Хочу найти партизан или добраться до Севастополя.

— Понятно. — Илита вздохнула.

Вот он, новым порядок, который с таким пафосом провозглашают фашисты. Они увозят из родных мест мирных людей, сажают их в концлагеря или расстреливают. Они убивают каждого, кто честен, кто не хочет стать рабом. Они морят голодом детей… Разве этот Валерик Волков не ребенок еще? А ведь он хлебнул столько горя, сколько иной раз не выпадало и на долю взрослого.

Илита посмотрела на Ибрагима. В ее взгляде была мольба: «Возьмем мальчишку с собой!» Ибрагим понял ее, кивнул.

— Слушай, — заговорила Илита, обращаясь к Валерику, — ты жил в этом селении?

— Да, жил, — ответил Валерик. — Я тут каждую улочку знаю, каждый камешек. А когда у меня родителей убили, я у знакомых ночевал. А днем по селению ходил и всё высматривал: где у фрицев танки и сколько солдат в школе стоят…

— Молодец! — сказала Илита. — Кем был твой отец?

— Сапожником. — Валерик поднял голову. — А на гражданской войне в армии Буденного служил. Его убили, потому что он партизанам помогал…

Помолчали. Потом Илита тронула Валерика за локоть:

— Собирайся. С нами пойдешь.

— А мне и собираться нечего — все мое на мне…

Валерик неслышно, как тень, скользнул с крыльца в темноту. Илита с Ибрагимом последовали за ним.

На востоке чуть засветлело. Близилось утро. Иван Петруненко, наверно, уже ждет друзей. В лес возвращались сухим руслом. Правда, после недавнего дождя оно уже не было сухим — под ногами разведчиков хлюпала вода.

Иван Петруненко оказался на месте. Услышав тихий свист Ибрагима, он бросился товарищам навстречу. Увидел Валерика — и остановился, недоумевающе глядя на него.

— Это наш новый попутчик, — объяснила Илита. — Мы его в Черкез-Кермене нашли. Родителей нет, убили фашисты…

— Вот как! — растроганно и мягко сказал Иван. Он, видно, вспомнил в это мгновение, что сам тоже остался без отца и без матери. — Ладно, будем корешами. Согласен?

— Согласен! — улыбнулся Валерик.

Они посидели на мокрой траве, пожевали оставшиеся в кармане у Ибрагима галеты, вытащили из тайника оружие. Иван рассказал, что ему удалось поговорить с местными жителями; он добыл ценные сведения о расположении танковых частей врага, но, возвращаясь, столкнулся с немецким патрулем и чуть было не попал в беду.

— Значит, это по тебе стреляли на окраине Черкез-Кермена? — спросила Илита.

— Было такое.

— Счастливый твой бог, Ванюша, — сказала Илита.

Что ж, задание было выполнено. Теперь предстояло самое трудное: снова перейти линию фронта, доставить собранные сведения командованию.

И тут им не повезло.

Они старались обойти стороною те два блиндажа, которые встретились им по пути в тыл. Вперед ушел Ибрагим. Он лучше других знал местность и обратный путь к линии фронта. И тут внезапно он наткнулся на третий блиндаж. Часовой не заметил разведчика, но, по-видимому, различил звук его шагов. Он наугад выпустил длинную очередь из автомата. Две пули попали в Ибрагима. Выронив автомат и схватившись обеими руками за грудь, Ибрагим стал медленно опускаться. Сидя на земле, он в ярости принялся рвать вокруг себя траву, негромко бормоча по-татарски:

— Мине яралады… Мине яралады!..[7]

Шедшие позади Илита, Петруненко и Валерик бросились к нему, осторожно подняли, потащили в укрытие и уложили там. Но Ибрагим вдруг приподнялся из последних сил, взглянул на Илиту и прошептал:

— Вот, Дика, убили, однако, Ибрагима…

Илита пыталась поддержать неожиданно потяжелевшее тело товарища, но не смогла, не хватило сил. Ибрагим умирал: он хрипел, кровь пузырилась на его губах…

— Ибрагим!.. — позвал Петруненко. Синие глаза его были полны слез…

У Илиты мелькнула мысль: хорошо бы перенести тело Ибрагима через линию фронта и похоронить товарища в Севастополе, который он так мужественно и храбро защищал. Но разве это удастся? Придется хоронить Ибрагима здесь, в этом лесу.

Разведчики нашли неподалеку глубокую воронку от случайного снаряда. Ножами расширили могилу для товарища. Опустили туда тело Ибрагима. Документов у него не было никаких, кроме фальшивой справки из немецкой комендатуры. Только в одном из карманов убитого Илита нашла помятое письмо с полустертыми, еле различимыми строками.

Она посветила фонариком, разобрала несколько слов: «…будь здоров, папа, и, пожалуйста, побыстрее убей Гитлера…»

Да, Ибрагим как-то говорил, что у него двое пареньков… Теперь его ребятишки остались сиротами, как Иван Петруненко, как Валерик Волков… Обидно, обидно до смерти!..

Тело Ибрагима забросали землей.

Они уже собрались в путь, когда Валерик вопросительно посмотрел на Илиту.

— Можно, я возьму автомат Ибрагима?

— Конечно! — Илита обняла мальчугана. — Теперь ты солдат! Ты займешь место героя-разведчика Ибрагима Ибрагимова.

Валерик прижал автомат к груди и произнес, словно клятву:

— Я буду драться с фашистами, как дрался Ибрагим. Я отомщу врагам за отца, за маму, за Ибрагима!..

— Ты хорошо сказал, Валерик! — похвалила его Илита.

Они постояли несколько минут у могилы Ибрагима. Ни Валерик, ни Иван Петруненко не вымолвили ни слова. Только Илита тихо сказала:

— Прощай, друг. Прощай, Ибрагим!..

РЕЧКА ЧЕРНАЯ

Разведчики тронулись в путь. Лес вскоре кончился. Начались густые кустарники, то и дело перемежавшиеся оврагами. Недавние дожди безжалостно размыли землю, ноги при каждом шаге вязли в липкой грязи. Высоко над головой прошли бомбардировщики врага, и вскоре южнее, наверно в районе Севастополя, послышалось густое уханье тяжелых разрывов. «Утюжат Севастополь, гады, хотят сломить волю его защитников!»

Петруненко шел впереди. За ним безмерно уставшая Илита. Эти двое суток в тылу фашистов казались ей вечностью. Да, если за штурвалом самолета испытываешь большое напряжение, то здесь, в разведке, — нечеловеческое. Каждый шаг грозит смертью. Каждое движение может стать последним. И главное, твоя ошибка, даже малая, ставит под угрозу товарищей. Вот где закономерно правило: «Один — за всех, и все — за одного».

Рассвет уже начался. А туман, к счастью для разведчиков, все еще был густым — солнце не растворило его, не прогнало. «Хоть бы еще часок-другой туман продержался», — подумала Илита, оглядываясь на шагавшего следом Валерика. Мальчик тоже выбивался из сил, но ни разу не пожаловался, не попросил отдыха. На особенно трудном переходе через крутой овраг Петруненко пытался было взять у него автомат. Но Валерик не отдал. Глаза его сверкнули, когда он сказал:

— Не дам! Я тоже солдат!

Этот глубокий овраг должен был вывести разведчиков к речке Черной. По карте Илита прекрасно изучила местность у речки. Но карта — одно, а действительность — другое. Горки и низины на карте казались легко преодолимыми. А преодолевать эти же горки и низины на деле, особенно после того как двое суток не спал, плохо ел, не раз испытал крепость своих нервов, — ох, как это трудно!

Тело ныло, болело. Глаза временами слипались, и надо было собрать всю волю в кулак, чтобы приподнять тяжелые веки. Мокрая, влажная, неприятно липкая одежда оттягивала плечи, словно была сделана из чугуна. Но все это чепуха по сравнению с неубывающим, тревожащим ощущением близкой опасности, когда ждешь удара и справа, и слева, и сзади…

Речка Черная была рубежом, на котором вот уже несколько недель стояли наши и фашисты. В тыл к врагам разведчики шли другой дорогой, тогда им не было нужды форсировать речку. Сейчас такая необходимость была.

Илиту этот последний рубеж очень беспокоил. Речка Черная

простреливалась с двух берегов. Ясно, свои по разведчикам бить не станут. Зато фашисты — у них давно пристрелян каждый участочек — обрушат на группу шквал огня. Обидно будет, если, проделав длинный путь и собрав много ценных разведданных, погибнешь на виду у своих…

Края оврага расходились все дальше и дальше, в просвете мелькнула оловянная пленка воды. Вот она, речка Черная, самая опасная часть пути! Петруненко, шедший впереди, остановился и долго стоял, вытянув шею, всматриваясь в просвет, ведущий к реке. Илита и Валерик тоже замерли.

Тишина. Ни один звук не нарушал ночной покой речки Черной.

— Спешить не будем, — прошептала Илита Ивану. — Если сунемся в воду наобум, перестреляют нас, как уток…

— Вышли-то мы к хорошему месту, — ответил ей Петруненко. — На той стороне наши ждут. Но, как говорится, близок локоть, да не укусишь: немцы пальбу откроют. — Он помолчал, видимо что-то соображая. — Не дай бог, если наткнемся на патрульных с собаками — верная смерть!..

Илита долго глядела на свинцовую гладь реки. Последние дожди сделали реку полноводнее, она сильно разлилась. Не шутка преодолеть такую преграду!

— А течение-то какое! — Петруненко досадливо цокнул языком. — Зверь, а не река…

— Ты умеешь плавать? — спросила Илита у Валерика.

— Умею. В прошлом году — это еще в мирное время — на районных соревнованиях второй приз получил. — Валерик улыбнулся. — Среди младших ребят, конечно…

Они оставались в кустах еще с полчаса. Присматривались к реке, прислушивались к звукам, доносившимся со стороны. Говора людей не было слышно. Зато откуда-то с реки дважды залаяла собака. В соседней ложбине звонко пела синичка и вдруг, будто напугавшись чего-то, вспорхнула.

— Нет, думаю, нельзя нам сейчас речку форсировать, — сказал Петруненко. — Убьют. Придется ждать ночи…

Илита не ответила. Она размышляла. Может быть, действительно не спешить и подождать ночи? Но сведения, которые они раздобыли, очень нужны командованию. Не исключено, что именно сегодня фашисты начнут новый штурм Севастополя. А как было бы здорово, если б еще до начала наступления наши артиллеристы и летчики нанесли удары по местам скопления вражеских войск! Ясно, рискованное это дело — переправляться через речку, когда наступил рассвет. Однако рискнуть стоит, очень даже стоит!

Разведчики устали, вымотались до предела. Если у взрослых силы на исходе, то каково Валерику? Илита обратила внимание на то, как осунулось лицо мальчишки, — кажется, одни глаза и светятся. Не выдержит Валерик, если придется сидеть еще сутки на этом берегу…

«Интересно, глубокая ли сейчас речка? — раздумывала Илита. — Сможем ли мы плыть, такие усталые? Эх, только бы переплыть! На том берегу поблизости от воды редкий лес, кустарник — за полминуты можно добежать и укрыться. Если повезет, и на том берегу, в кустарнике, окажется наш пулемет, он прикроет переправу…»

— Ваня! — негромко окликнула Илита Петруненко. — Давай все-таки попробуем определить, есть ли на берегу немцы. Ты ползи к реке по этой стороне оврага, а я — по той. А вдруг поблизости нет фашистских постов? Нам на переправу нужно всего пять — семь минут. Стоит рискнуть!

Петруненко кивнул.

— Хорошо, товарищ лейтенант. — Он посмотрел на Валерика: — А малец пока здесь сховается, замрет.

— Конечно, — согласилась Илита. — Слышал, Валерик? Мы скоро вернемся. Спрячься.

С большой осторожностью Илита карабкалась по крутому скосу оврага. Иногда замирала, прислушивалась. Тяжелые ветки то и дело цеплялись за одежду, рвали ее. С мокрых кустов густой дробью сыпались на спину и голову дождевые капли. Но странно — Илита вдруг перестала чувствовать усталость, еще недавно наполнявшую каждую клеточку тела. Видимо, тревожная обстановка и ощущение приближающейся опасности вызвали в ней новые силы.

Минут через двадцать Илита оказалась на бровке оврага. Сначала лежала несколько минут неподвижно, потом поднялась на колени, решилась встать во весь рост. Берег был покрыт густым, крупным кустарником. Глядя поверх этих кустов, Илита подумала, что немецкий дозор может укрываться в зарослях, и его не различишь, как не различишь сейчас и ее. Выскочишь на

берег, а фашисты тут как тут!

Илита долго смотрела на другую бровку оврага. Там где-то был Петруненко. Однако она не смогла заметить ни Петруненко, ни присутствия вражеских солдат.

Прошло еще несколько минут. Ниже по течению с сердитым криком взлетела стая каких-то черных птиц, закружилась на одном месте, и Илите показалось, что птиц вспугнули люди. Во всяком случае, именно оттуда раздался сердитый крик. Ну и положение! Речка — двадцать или двадцать пять метров шириной, за речкой — свои, а идти к ним опасно. Словно бы и впрямь по пословице все получилось: близок локоток, да не укусишь!

Закончив наблюдение, Илита спустилась обратно в овраг, подползла к Валерику. Петруненко еще не вернулся, и, ожидая его, она присела рядом с мальчиком. Промокший и озябший, он прижался к ней, спросил шепотом:

— Тетя Илита, как вы думаете, перейдем мы к своим?

— Перейдем, — ответила Илита.

— Сегодня?

— Посмотрим, что Ваня скажет.

Илита искоса поглядывала на мальчугана. У него было очень худое, изможденное лицо. В глазах, в упрямом и уже отмеченном морщинкой лбе, в остреньком подбородке — во всем угадывалось перенесенное горе, во всем было страдание. Будь прокляты фашисты, ввергнувшие столько людей в пучину войны! Ведь ее огонь опаляет прежде всего детей и стариков…

В ближних кустах послышался шорох, из ветвей высунулось дуло автомата, а затем показалось напряженное лицо Петруненко. Он тоже не заметил вражеского дозора, но, как и Илита, обратил внимание на вспугнутых птиц и звучавшие в отдалении человеческие голоса.

— Давайте переправимся ночью, — предложила Илита, с состраданием глядя на бледного и уставшего Валерика. — А сейчас отдохнем. Только лучше бы нам оттянуться от берега.

Так и сделали. Но отдыхать не пришлось. Где-то в тылу, по-видимому в начале оврага, раздался собачий лай. Разведчики притаились. Неужели немецкий дозор с собаками? Тогда их найдут! Лай был все ближе и ближе… Возможно, овчарки шли по следу, и дозор не мог миновать разведчиков.

Илита мгновенно приняла решение:

— К берегу! Бегом! И все сразу в воду!..

Пригибаясь, Илита, Петруненко и Валерик бросились к устью оврага. В одну секунду сброшены телогрейки — в воде они набухнут и потянут вниз тяжелым грузом. Илита подбодрила

взглядом Валерика.

— Не бойся, доплывем!.. — Она замялась. — Только брось автомат, он будет тебе мешать…

Валерик не ответил. Но, как всегда бывало в тех случаях, когда он не хотел согласиться с чужим мнением, на лбу его появилась упрямая морщинка.

— Ладно, — решила Илита, — не бросай. И все-таки запомни: жизнь человека дороже автомата…

— Смотря какого, — тихо сказал Валерик. Он решительно не желал расставаться с оружием Ибрагима Ибрагимова.

Сзади захлебывались лаем овчарки. Теперь уже было ясно, что они напали на след разведчиков в самом начале длинного оврага. А оттуда — прямая дорога к берегу!

Иван Петруненко отбежал в сторону, на ходу крикнув Илите:

— Пусть Валерик плывет между нами, Дика!

И бросился в воду.

Петруненко плыл широкими саженками. Автомат был у него за плечами. Он раза два оглянулся назад. Было видно, как он кивнул Валерику, торопя его. Но вот прыгнул в воду и Валерик. Последней бросилась в речку Илита.

Холодная вода обожгла ей лицо, как и тогда зимою, после гибели «Ласточки». Будто наваждение, перед глазами замелькали страшные картины ее борьбы с морем: медленные, тягучие волны шли одна за другой, относя Илиту все дальше и дальше от берега, злая лапа холода сжимала сердце, далекие разрывы зенитных снарядов — это били по оставшимся «уточкам» немецкие батареи — лишь подчеркивали безнадежность положения летчицы…

Илита окунула лицо в воду, почувствовала новый ожог и сразу же освободилась от страшных видений.

Она проплыла метров десять, когда из оврага вырвались две огромные овчарки. Следом торопливо шагали немецкие солдаты в зеленоватых шинелях с подобранными под ремень полами.

— Хальт! — заорал один из них, вскидывая автомат и выпуская бесприцельную очередь. — Хальт!..

И, словно в ответ на этот крик, из кустов справа и слева ударили два вражеских пулемета. Пули вспарывали воду между Илитой и Валериком. Пришлось нырнуть. Однако мысль, что Валерик побоится нырять с автоматом в руке, тут же толкнула ее к поверхности.

— Валерик, брось автомат! — повелительно крикнула она мальчугану. — Брось, говорю!..

Фонтанчики от немецких пуль приближались к Валерику. И тут он нырнул.

«Хватит ли у него смекалки отклониться в сторону? — мелькнуло в голове у Илиты. — Только так можно выйти из-под прицела…»

Мысль оборвалась. Илита тут же нырнула. А когда очутилась на поверхности, сразу же увидела Валерика. Он по-прежнему греб одной рукой, сжимая второй драгоценный автомат. По-видимому, он сумел выйти из-под огня немцев — течение несло его к берегу, занятому защитниками Севастополя. Молодец Валерик!

Сзади послышались торопливые всплески. Илита быстро оглянулась. Совсем рядом с ней скалила зубы немецкая овчарка — она догоняла разведчицу.

Илита в третий раз нырнула, пошла под водой в сторону. Когда задерживать дыхание стало уже невмочь, рванулась вверх. Теперь картина изменилась. Со своего берега их заметили, начали прикрывать огнем. Собака взвизгнула, голова ее исчезла под водой. Один из немцев на том берегу, нелепо взмахнув руками, повалился лицом вперед, а двое других, согнувшись и петляя, побежали к кустам.

Как сквозь сон, Илита подумала, что Петруненко уже достиг берега. Это он стрелял по собаке, он убил немца-дозорного. Так оно и было. Но после первого же выстрела Петруненко по дальнему берегу начали бить и наши минометы.

Илита была уже на берегу. Она готовилась к быстрой перебежке: лишь бы добраться до кустов, а там и лес рядом, он укроет, спасет… Но где Валерик? В волнении она позабыла о мальчике. Вот глупая! Илита выскочила на открытое место, чтобы найти Валерика…

Впрочем, к этому моменту вражеские пулеметы уже замолкли. Наши минометы накрыли их сильным и метким огнем.

Ах вот он, Валерик! Плывет медленно, то опускает лицо в воду, бессильно никнет, то вновь поднимает голову.

Илита в один миг очутилась около мальчика и вытащила его на берег.

— Дика! Валерик! — окликнул их Петруненко из кустов. — Бегите сюда, я вас прикрою огнем!

Валерик ожил, подстегнутый этим ободряющим криком. Они побежали к кустам, откуда Петруненко вел огонь по фашистам.

Крепкий парень в тельняшке и бушлате подхватил ослабевшую Илиту, потом оставил ее, метнулся к Валерику.

Он подхватил бесчувственного мальчика и в один миг донес его до кустов.

Только тут наконец можно было отдышаться. Матросы — их было человек пять-шесть, — улыбаясь, смотрели на Илиту и Валерика. Петруненко подсел к мальчику и ласково обнял его:

— Вот мы и у своих!
«У своих!» — счастливо улыбнулась Илита.

«ОКОПНАЯ ПРАВДА»

В душные июньские ночи над развалинами Севастополя стоял густой, неприятный туман. Стрелы ракет — и наших, и немецких — с трудом вспарывали его толщу.

Илите часто казалось, что туман этот рожден не разрывами снарядов и бомб, не дымом от все еще тлеющих пожарищ — хотя в городе давно уже сгорело все, что могло гореть, — не поднятым к небу прахом земли. Ей думалось, что зловещее темное облако, упавшее на Севастополь, — страшное чудовище, выпестованное самой войной.

Наступали последние дни героической обороны Севастополя.

В июне Гитлер бросил на город двенадцать дивизий — почти двести тысяч солдат и офицеров, около тысячи танков, семисот орудий, более пятисот бомбардировщиков! Во сколько же раз фашистов было больше, чем защитников Севастополя? В двадцать, в тридцать?..

Илита слышала, что на одного защитника крепости приходилось пятнадцать — двадцать врагов, прекрасно вооруженных и сытых. А севастопольцы жили впроголодь, и патроны выдавались бойцам лишь по десятку в день.

Севастополь встал непреодолимой преградой на пути гитлеровцев, спутал их планы летнего наступления на Кубань, Ставрополье, Кавказ — районы, богатые хлебом и нефтью. Оставлять у себя в тылу непокорившуюся крепость Гитлеру казалось опасным, да и престиж фашистов, привыкших в Европе к легким победам, падал с каждым днем. Гитлера раздражало, что, задержавшись на юге, он до наступления зимы не мог снова повернуть свои бронированные орды на Москву, окружить ее и сровнять с землей. Он был взбешен нечеловеческим упорством защитников и Севастополя, и Ленинграда, и Сталинграда. Он не мог понять, как держатся эти превращенные в руины, обескровленные города.

Осажденный Севастополь боролся двести двадцать дней — до июня 1942 года. Весь мир с тревогой ждал: чем закончится июньское наступление на город?

Начиная со второго июня, пять дней и пять ночей немецкая артиллерия, не умолкая ни на минуту, била и била по Севастополю. Одна за другой появлялись в воздухе немецкие эскадрильи, нагруженные десятками тонн бомб. В городе не осталось ни одной улицы, ни одного переулка, ни одного дома! В эти дни на каждый квадратный метр обороняемой территории упало около полутора тонн смертоносного металла. Еще ни одни

город на свете не принимал на себя такого мощного огневого удара. Кто бы мог поверить, что здесь останется что-нибудь живое?

Но когда после мощной артподготовки фашистские дивизии снова рванулись к городу, их встретил ураганный огонь. Казалось, стреляли камни, руины, сама земля…

В последние дни обороны Севастополя Илита и ее товарищи защищали от яростно наседавшего врага Ушакову балку — важный стратегический рубеж.

Все эти дни рядом с Илитой был и Валерик. Она привязалась к нему, как к собственному сыну. Мальчик отвечал ей самой горячей привязанностью, на какую было способно его сердце, еще не преодолевшее весь ужас жизни в оккупации. Да и все матросы в роте Илиты относились к Валерику с предельной нежностью; каждому хотелось сделать для мальчугана что-нибудь хорошее, сказать ему ласковое слово, потрепать по отрастающим вихрам. Ведь у многих дома, то ли на оккупированной врагом территории, то ли в далеком тылу, остались такие же вот мальчишки!..

Матросы то и дело норовили сунуть Валерику что-нибудь из своего скудного осадного пайка. Но он всегда отвергал эти подношения, говорил: «Я такой же солдат, как все».

Один из бойцов был особенно настойчивым. Ночью он подложил Валерику в карман ватника несколько конфет. Мальчик разозлился и демонстративно швырнул конфеты на землю.

— А парень-то с характером! — заговорили матросы, узнавшие об этом случае. — Волчонок, как есть волчонок!

И прозвище это — Волчонок — так и осталось за ним, хотя Валерик был добрым и сердечным пареньком.

Мастерству владеть оружием — автоматом и пулеметом, гранатой и бутылками с горючей смесью — его учили Ваня Петруненко и Энвербек Азиев, Василий Паукштит и Аркадий Журавлев — каждый, у кого оказывалась минута свободного времени.

Валерик щеголял теперь в настоящей военной форме. Из ворота полурасстегнутой гимнастерки выглядывали синие поперечные полоски матросской тельняшки. Ее подарил мальчику дядя Энвербек — учитель из далекой Осетии. Он берег тельняшку для своего сына. Но как было не подарить ее такому джигиту, каким оказался Валерик!

Армейские брюки, укороченные Илитой, сидели на Валерике немножко мешковато, но это не причиняло ему огорчений. На голове у него красовалась красноармейская пилотка со звездой. И шинель была настоящая, красноармейская.

Валерик был горд и счастлив, что он тоже находится в рядах героических защитников Севастополя. Пусть не было приказа начальника флотского экипажа о зачислении Валерия Волкова в ряды воинов-моряков — не это главное! А главное то, что матросы приняли его в свою семью, в свое святое солдатское, матросское братство, верят ему, любят его!

Гитлеровцы стремились во что бы то ни стало овладеть Ушаковой балкой, чтобы через нее прорваться к Корабельной бухте. Если б это случилось, им удалось бы выдвинуть вперед орудия и обстреливать каждый корабль, идущий к севастопольским причалам с боеприпасами и медикаментами; исчезла бы возможность погружать на санитарные транспорты раненых защитников Севастополя, которых нельзя было оставлять в этом аду.

В Ушаковой балке все дома были разрушены. Уцелел только один из трех этажей здания школы. Стоявшая здесь прежде часть, истаявшая в непрерывных боях, вырыла в крутом обрывистом склоне балки пещеры и блиндажи. Здесь-то и размещалась разведка Илиты Дауровой, перешедшая в знаменитую, прославленную бригаду морской пехоты Жидилова.

Принимая на себя все более и более ожесточенные атаки врага, гарнизон Ушаковой балки редел, но не отступал. Почти каждый час приходилось хоронить убитых. Честно говоря, не всегда было место, где бы их по-настоящему можно было похоронить. Делать могилы в откосах балки — значило сейчас же вызвать на себя прицельный огонь противника. Закапывать на дне балки невозможно: при первом же дожде стремительно текущая вода размоет могилы. Убитых хоронили в одной из пещер, выдолбленных в склоне.

По гребням балки тянулись укрепленные камнем и бревнами окопы. Именно там было самое опасное место, именно на эти окопы фашисты обрушивали шквал минометного и артиллерийского огня, именно на эти редуты катились волны атак. В темные ночи подходы к укреплениям минировались. Смельчаки выползали как можно дальше вперед и закапывали там противотанковые мины, а немцы рвали и рвали небо ракетами, вывешивали над балкой свои «фонари», чтобы спугнуть саперов. Сколько наших бойцов осталось на этой заминированной полосе! Но зато как только танки врага пытались прорваться к Ушаковой балке, они один за другим подрывались на минах, из окопов по ним начинали бить противотанковые ружья, а в прорвавшиеся танки летели бутылки с зажигательной смесью. И как памятник бесстрашным защитникам Ушаковой балки вдоль всего ее восточного берега чернели остовы сгоревших немецких

«ягуаров» и «фердинандов».

Первые дни Валерика в окопы, наверх, не пускали. Сначала он никого не хотел слушаться, но когда Бритый Барс во время очередного посещения роты прикрикнул на него, Валерик перестал обижаться на Илиту и товарищей, не пускавших его на передовую. Он старался делать все, чтобы как-то облегчить ратный труд бойцов: чистил оружие, готовил еду, похлебку или кашу, когда в роту доставляли продукты. «Ты у нас и швец, и жнец, и на дуде игрец», — смеялись матросы, а Федунов шутя звал его «кок-каптенармус».

Надо ли говорить, что Валерику было обидно оставаться все время в стороне от боя, быть в укрытии именно тогда, когда его товарищи ежесекундно рисковали жизнью. По ночам, во сне, он снова и снова видел, как фашисты бьют его отца, как замахиваются на него штыками, и просыпался от собственного крика, в холодном поту…

Особенно страшно становилось ему, когда на передовую уходила Илита, — он привязался к ней, как к родной, она заменила ему и старшую сестру, и мать. Когда она возвращалась, пропахшая пороховым дымом, запорошенная землей взрывов, он кидался к ней, чуть не плача от радости.

Однополчане и земляки Илиты — Энвербек Азиев, выздоровевший и пришедший в бригаду Таймураз Гуриев и Николай Дзампаев — сочинили песню о товарищах по гарнизону и в минуты затишья пели ее на родном, осетинском языке.

Илита слушала со слезами на глазах, а сидевший рядом Валерик попросил ее перевести слова песни на русский язык. Неторопливо, вслушиваясь в звучание слов, Илита переводила мальчику песню, словно рассказывала историю стремительно тающей роты, вспоминала погибших, тех, кто со связками гранат бросался под вражеские танки, кто под огнем врага закапывал на подходах к Ушаковой балке противотанковые мины, кто, тяжело раненный, не покидал поля боя…

— Хорошая песня, тетя Илита! — сказал Валерик.

— «Тетя Илита»… — задумчиво повторила она. — А ведь ты однажды назвал меня мамой, Валерик. Я хотела бы заменить тебе ее. И мне приятно, когда ты зовешь меня так…

Валерик помолчал, потом сказал нерешительно:

— Хорошо… Я буду называть тебя так. Ведь тогда, на Черной речке, ты спасла мне жизнь… Знаешь, мне хочется перевести эту песню на русский язык, чтобы ее пели все! Перепишу и раздам…

— Переведи, дорогой… Но где ты столько бумаги возьмешь? Боевые донесения и те писать не на чем…

— Поищу в развалинах.

Валерику повезло. В руинах школы, под грудами битого кирпича и щебня, он нашел склад наглядных школьных пособий: географические карты и анатомические плакаты, гербарии, множество всевозможных таблиц. Заваленные при взрыве обломками стен, они чудом уцелели от всепожирающего огня.

У Валерика был матросский нож в кожаных ножнах, подаренный ему Энвербеком Азиевым. Этим ножом Валерик разрезал плакаты на листы и написал на них слова песни в своем переводе на русский язык. Он, конечно, не был настоящим поэтом, и перевод получился примитивный и по-детски наивный, но в песне рассказывалось о судьбе погибших товарищей, поэтому она взволновала всех.

А после этого, в одну из бессонных ночей, пронизанных зловещим светом плавающих в небе фашистских «фонарей», Валерик, лежа в пещере, думал о том, как еще помочь защитникам Севастополя. У него оставалось несколько листов бумаги, и он решил продолжить выпуск «Боевых листков», первые номера которых по инициативе комиссара Железняка были выпущены еще во время боев на Инкерманских высотах. Ведь далеко не все могли услышать передаваемые по радио сводки Информбюро — большинство защитников балки в те дни спускались из окопов в укрытие на час-два в сутки. Да кроме того, Валерик решил давать в «Боевые листки» материалы о подвигах своих товарищей.

В это время в роте осталось совсем немного бойцов, и Валерик тоже каждый день бывал наверху, на линии обороны, подносил автоматные и пулеметные диски, мины и еду измученным, уставшим до полусмерти бойцам. По ночам, при свете карманного фонарика, в пещере, Валерик наскоро переписывал услышанные по радио новости, сочинял заметки о подвигах однополчан. Все это он заносил на листочки с заголовком «Окопная правда», а потом разносил их вместе с едой и боеприпасами по окопам.

Илита с большою жалостью думала о будущем Валерика. Несколько раз она говорила, что отправит его с очередным транспортом раненых, когда придет за ними пароход, но Валерик просил оставить его здесь.

— Ведь у меня, мама Илита, никого теперь нет, только ты…

И он остался, хотя потом Илита не могла себе этого простить. Ведь если бы тогда настояла она на своем и отправила Валерика, вероятно, не случилось бы беды…

В последний день обороны Севастополя в Ушаковой балке осталось всего десять человек. В своем одиннадцатом листке «Окопной правды» Валерик в тот день написал:

«Наша десятка — мощный кулак, который враг считает дивизией, — сказал генерал-майор Жидилов, — и мы должны драться, как целая дивизия…»

Нет силы в мире, которая победила бы нас. Советское государство, потому что мы сами хозяева своей земли, потому что нами руководит Ленинская партия коммунистов, объединяющая все народы Советского Союза. Вот посмотрите, кто мы, оставшиеся в живых защитники Ушаковой балки.

Здесь, в полуразрушенном здании 52-й школы:

Командир бригады генерал-майор Жидилов — русский.

Капитан-кавалерист Гобаладзе — грузин.

Танкист рядовой Паукштит Василий — латыш.

Врач медицинской службы капитан Мамедов — узбек.

Летчик младший лейтенант Илита Даурова — осетинка.

Артиллерист Петруненко из Киева — украинец.

Сержант-пехотинец Богомолов из Ленинграда — русский.

Разведчик Журавлев из Владивостока — русский.

Лейтенант-пехотинец Азиев — осетин.

Я, бывший ученик 4-го класса, а теперь рядовой боец Волков Валерий — русский.

Когда-то Ушакову балку защищало несколько рот, теперь нас осталось десять человек. Но посмотрите, какой мощный кулак мы составляем, каким фашистским силам противостоим! Сколько фашистов лезет на наши окопы, а мы их откидываем и откидываем назад. Сколько лежит перед нашими окопами трупов этих незваных пришельцев, а мы еще держимся и будем держаться до последнего человека, будем стоять насмерть. Фашистские сволочи думают, что нас здесь тысячи, и идут на нас тысячами. Трусы! Отступая, они оставляют на поле боя тяжелораненых и убегают! Как хочется выжить, чтобы потом, когда кончится война, рассказать нашему народу правду о героическом Севастополе!

Дорогая десятка! Кто из вас останется жив, где бы вы после войны ни оказались, приезжайте обязательно сюда, на места наших последних боев, в стены этой 52-й школы, и расскажите ее будущим ученикам о том, как оборонялся Севастополь. Я хотел бы стать птицей, чтобы облететь весь Севастополь, каждый дом, каждую улицу,

все увидеть, чтобы потом рассказать об этом народу. Нас таких — миллионы! Гитлер нас никогда не победит! Нас миллионы, посмотрите! От Севастополя до героического Ленинграда, от Мурманска до Ташкента, от Владивостока до Кавказа таких бойцов, как наша десятка, множество, и они, как сталь, непобедимы».

Так писал в своем последнем, одиннадцатом листке «Окопной правды» Валерий Волков, чье имя сегодня известно каждому пионеру.

СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ГАВРОШ

В тот знойный июньский полдень Седьмая морская бригада Жидилова вынуждена была отойти на Сапун-гору, последнюю перед Севастополем линию укреплений.

…Город опоясан сплошным ураганом огня. В безоблачный день солнце скрыто черными клубами дыма и пыли. Грохот бомбовых разрывов сотрясает Севастополь, немцы вот-вот прорвут линию укреплений и займут северную сторону.

Несколько дней назад был получен приказ эвакуировать морем население и раненых, после чего войска должны были оставить город. Эвакуация шла, а Севастополь продолжал сражаться за каждую пядь земли, сдерживая бешеный натиск фашистов. На последних рубежах враг захлебывался в собственной крови. Каждый шаг к Севастополю обходился Гитлеру дороже, чем взятие Парижа!

Ушакова балка… Отбита пятнадцатая за день атака. Сколько осталось в живых из «дивизии десяти»? Илита не могла ответить сама себе на этот вопрос. Может быть, она да Валерик только и остались на этом рубеже? Но нет, вон свистнул и что-то крикнул Гобаладзе, подал голос из своего окопа Энвербек Азиев, кто-то третий, невидимый за бруствером, крепко выругался справа. Значит, еще живем, еще стоим! Отступать будем, только когда придет приказ…

Итак, пятнадцатая атака отбита, и фашисты примолкли, уползли к своим окопам. Они даже не убрали тяжелораненых и убитых: тела гитлеровцев лежат на ничейной полосе в самых невероятных позах.

Спрятавшись от Илиты за поворотом окопа, Валерик ловко перекинул через бруствер свое тело и, энергично работая локтями, пополз к распластанным на земле врагам. Он знал, что у каждого из защитников балки остались считанные патроны, на исходе гранаты, а на ничейной полосе валялось оружие, автоматные диски, гранаты… Еще неизвестно, когда придет — и придет ли вообще — приказ оставить балку, и каждый патрон может пригодиться.

Подобрав два автомата, Валерик так же ползком вернулся на свое место. Потом, пригнувшись, побежал по ходу сообщения — надо было отдать подобранное оружие бойцам.

Ближе к нему в окопе оказался Аркадий Журавлев. Поспешно скручивая цигарку, вытирая пот с грязного, перепачканного землей лба, он улыбнулся Валерику:

— А, севастопольский Гаврош! С добычей? Значит, мы совсем

перешли на подножный боекорм? Ну-ка, давай… Автомат ничего, почти полный диск. Молодчик, Валера! Вот бы еще попить, парень, а? Жаркий день, и на небе, и на земле жара — спасу нет… А спускаться в балку нельзя — того и гляди, опять пойдут, сволочи. Прямо остервенели нынче! Видно, фюрер здорово им хвост накрутил.

— Сейчас принесу попить, — пообещал Валерик и побежал по ходу сообщения к своему месту, где у него был припрятан котелок.

Раньше за водой для бойцов он всегда спускался в балку, где из-под камней бил чистый хрустальный ручеек. Но вчера Валерик заметил в нескольких шагах от линии окопов, впереди и чуть ниже по склону, что в глубокой воронке заблестела вдруг вода. Видно, осколком перебило водопроводную трубу, хотя это и было странно — водопровод в Севастополе перестал работать уже давно… Во всяком случае, в воронку из разорванной взрывом трубы сочилась пресная вода, и Валерик ползал туда вечером, как только землю чуть-чуть прикрывала темнота.

Захватив котелок, он снова перемахнул через бруствер, но на этот раз Илита увидела его. Крикнула:

— Куда, Валерик? Вернись!..

Но он не послушался. Ловкий, как ящерица, мальчик через минуту уже был в воронке и, повесив котелок на торчащую сбоку трубу, ждал, пока он наполнится. С удовольствием напился сам, а потом решил, что, коли выпала передышка, надо постараться напоить Илиту и всех оставшихся в живых, — скоро, наверно, фрицы снова ринутся в атаку.

Вскарабкавшись на край воронки, он вгляделся и вдруг внизу, в соседней с балкой лощине, увидел три танка. Они стремительно мчались, волоча за собой пыльные хвосты, а на броне у них сквозь пыль сверкали красные звезды. Валерик даже не задал себе вопроса, откуда могли взяться в тылу врага наши танки. Разливая из котелка воду, он вскочил во весь рост и закричал что было силы:

— Наши! Наши танки!.. Товарищи, дорогие!..

Услышав его крик, Илита тоже выскочила из окопа, поднялись и другие. Они видели, как танки, развернувшись на дороге, пошли в сторону Ушаковой балки. Самый ближний танк неожиданно повел огонь.

— Это фашисты! — закричала с отчаянием Илита. — Валерик, беги в укрытие! Беги! Это обман!.. Это фашисты!..

Энвербек, Журавлев и другие попрыгали в окопы, и через несколько секунд дробно и гулко забили противотанковые ружья. Схватив давно приготовленную связку гранат, Илита снова

выскочила на бруствер, — не могла же она оставить Валерика на ничейной земле! Но было уже поздно: Валерик лежал, а на него, грозя вмять беззащитное тело гусеницами в землю, уверенно и даже, пожалуй, торопливо полз фашистский «ягуар».

Вскинув над головой связку гранат, Илита, забыв обо всем, бросилась танку навстречу. Вероятно, водитель не сразу ее увидел — она подбегала сбоку, — и это спасло Илите жизнь. До распластанного на земле Валерика оставалось несколько метров, когда Илита метнула под гусеницы «ягуара» связку гранат. Взрыв окутал машину, лязгнули лопнувшие траки, и танк завертелся на одном месте. По нему теперь в упор били бронебойными Журавлев и Гобаладзе. Танк загорелся. Откинулась крышка верхнего люка, фашист пытался выскочить из горящей машины, но, высунувшись по пояс, тут же упал, сраженный меткой пулей.

Горел невдалеке и еще один танк, черное облако дыма разрасталось над ним. В дыму мелькали языки пламени. Третий танк повернул назад.

Илита подползла к Валерику. Севастопольский Гаврош был еще жив, но кровь текла у него по шее, пробивалась сквозь ткань

гимнастерки. Илита подхватила худенькое тело Валерика и поволокла по земле к окопам. Навстречу ей выскочил Журавлев.

— Убили?! — закричал он.

Валерика отнесли в укрытие, перевязали, но уже ничто не могло помочь маленькому воину. Он бормотал что-то бессвязное, называл чьи-то имена. Один только раз сказал отчетливо:

— Мама Илита! Я тебе воды принес…

Когда Валерик затих, Илита сияла у него с шеи пропитанный кровью пионерский галстук и спрятала у себя на груди. Слезы комком стояли в горле…

Через час во дворе бывшей школы в Ушаковой балке появилась маленькая могила. На нее положили белый плоский камень, на котором Энвербек Азиев выцарапал штыком:

«Волков Валерий. Севастополь. 1942 год. Июнь».

ДО СВИДАНИЯ, СЕВАСТОПОЛЬ!

Вскоре немцы поднялись в новую атаку. Шестнадцатая по счету в этот горестный для Илиты день, она не была столь же яростной, как остальные. Отбили ее сравнительно легко. Видно, фашисты тоже выдохлись. Защитники Ушаковой балки надеялись, что они угомонятся до утра. Но нет, в сумерки началась новая, семнадцатая. На этот раз враги подошли совсем близко к школе; сквозь шум боя можно было даже расслышать их крики. К этому времени фашисты прорвались к северной окраине Севастополя и устремились к центру. Но Сапун-гора, наиболее укрепленная часть севастопольской обороны, еще держалась.

У защитников Ушаковой балки кончились патроны. Перед атакой Илита пробежала вдоль окопа; в живых осталось шесть человек. На шестерых приходилось около сотни патронов, десяток гранат — вот и все. Если бы сейчас немцы предприняли танковую атаку, они без труда захватили бы балку, за обладание которой отдали столько жизней. Но еще дымились перед самой балкой обгорелые, черные, подбитые днем «ягуары», и враги бросили на защитников балки только пехоту.

Конец боя Илита не помнила, как потом ни старалась вспомнить, словно память заволокло дымом последних разрывов. Она помнила только фигуры немецких солдат всего в нескольких шагах от себя, искрометные всплески огня, ослепительную вспышку разорвавшейся где-то сбоку гранаты.

Пришла в себя от истошно злого крика:

— Ага, драпаешь, фриц!..

Автоматные очереди застучали прямо над головой Илиты, потом над ней склонились двое. Они подняли Илиту и усадили спиной к стенке окопа. Один из них принялся осторожно ощупывать ее голову.

— Посвети, браток, — произнес он хриплым, словно простуженным голосом.

Вспыхнул свет карманного фонарика, и острая боль заставила Илиту стиснуть зубы. Словно издалека слышала она второй голос:

— Ранение в голову, старшина. Осколочное…

— Держи пакет. Перевязывай, — приказал первый и вдруг с удивлением добавил: — А ведь это деваха!..

Илиту мучила жажда, сильно хотелось пить, перед глазами, зажмуренными от жгучей боли, неслась пенная вода Терека, падали с каменных круч, звенели водопады.

— Пить… Пить!..

Она почувствовала прикосновение к губам металлического

горлышка алюминиевой фляги и долго и жадно пила. Потом, откинувшись к стенке окопа, с трудом открыла глаза. Спросила:

— Отбили?..

— Удрапали, сволочи!

— А вы кто? — как сквозь сон, прошептала Илита.

— Морские. Комбриг Жидилов и комиссар Ехлаков послали. Снимаем последние посты обороны. Через несколько часов санитарный транспорт причалит. Если пробьется. И все! Отвоевался пока наш Севастополь…

Но Илита уже не слышала объяснений словоохотливого моряка, опять туман заволок ее сознание, снова где-то рядом разорвалась граната, и снова, скрежеща гусеницами, полз на неподвижное тело Валерика «ягуар» с только что намалеванной красной звездой на боку…

— Валерик! — крикнула Илита.

Поднимавшие ее под руки матросы переглянулись.

— Кого это она кличет? — спросил один из них.

— Сына или братишку, должно быть, — предположил его товарищ. — Эй, санитары!..

Они передали почти бесчувственную Илиту подбежавшим санитарам, а сами, припав к брустверу, принялись по-кошачьи острыми глазами всматриваться в тьму, изредка освещаемую ракетами. Им предстояло вместе с группой прикрыть отход оставшихся в живых защитников Севастополя…

В Песчаной бухте, на каменистых склонах, в пещерах, под навесами береговых глыб, лежали раненые. Выли здесь безрукие, безногие, с обожженными лицами, с тяжелыми ранениями в живот и грудь. Наиболее тяжелых санитары уносили на плащ-палатках выше по склону и оставляли там, в заброшенной печи для обжига извести, — здесь постоянно дежурили сестры.

Илита вышла из перевязочного пункта, держась за каменную степу обрыва, прошла немного и села. Голова гудела и разрывалась от боли, болели раны, болели только что наложенные швы, — накладывали их без наркоза, по живому телу: в госпиталях осажденного города уже не было анестезирующих средств.

Илита села, прислонившись спиной к нагретому солнцем камню. Мимо пробежала худенькая, шустрая медсестра, остановилась на мгновение:

— Ну как? Полегче? Скоро должен «Ташкент» подойти, если эти гады не потопят…

Илита кивнула, проводила взглядом фигурку сестры и, глядя на ослепительно сверкающую под солнцем бухту, стала вспоминать о последних днях обороны. «Значит, все-таки

оставляем Севастополь. Но ничего, мы еще вернемся, мы с вас, мерзавцы, за все спросим! И за Валерика спросим, за мальчика моего…»

Она перебирала в памяти слова, сказанные ей когда-то Валериком, видела его бесхитростную, милую улыбку, и боль и обида стискивали сердце…

Расстегнув верхние пуговицы гимнастерки, Илита вытащила из-за пазухи единственную оставшуюся после Валерика вещь — пионерский галстук, заскорузлый и жесткий от запекшейся на нем крови… Положив его на колени, Илита, не выдержав, заплакала.

Она не знала, сколько времени просидела так. Привел ее в себя грубоватый укоризненный голос:

— Эдак не годится, товарищ боец… Боль терпеть надо, на то мы и солдаты…

Илита открыла глаза, но сквозь слезы не могла рассмотреть того, кто подошел к ней. А незнакомец, кряхтя, устроился на камешке рядом с ней и, вытянув ноги в сбитых кирзовых сапогах, сказал:

— Закурю… Махорочка — это и от раны, и от всякой душевной хвори первейшее лекарство. Верно тебе говорю… Лезь ко мне в карман, тащи оттоль кисет да зажигалку. Заверни цигарку потолще, курить больно охота…

И только тут Илита увидела, что у солдата повреждены обе руки: из рукава левой торчала забинтованная культяпка, а правая — в гипсе — была подвязана к груди.

Илита неумело свертывала цигарку, а безрукий нетерпеливо следил за ней, приговаривая:

— Жалко мне тебя, деваха, ей-богу, жалко… В окопе вот как трудно, ежели кто не курит. Сидишь — и спать нельзя, и встать нельзя — враз полоснет очередью, и размяться невозможно. Тоска — хоть помирай на месте. А как глотнешь дымку, будто рукой усталость сымает… Даже слезы иной раз покатятся, словно стакан водки одним дыхом опрокинул, ей-богу!

Илита поднесла солдату грубо скрученную папироску — он жадно схватил ее губами, — затем пошарила у безрукого в кармане, нашла трофейную зажигалку, дала прикурить. И солдат, благодарно кивнув, долго дымил, не выпуская изо рта цигарку, с наслаждением щурясь. И только когда она догорела до конца, он, с сожалением глянув на обжигающий губы окурок, выплюнул его.

— Ну вот и порядок. Сразу на душе полегчало… Спасибо, товарищ боец… А ты какого полка?

— Седьмой бригады.

— А! Это, стало быть, Жидилова? Слыхал, будто его сразу в

генералы двинули? А? Этот заслужил. Бесстрашный, вроде Бритого Барса. Такого знаешь?

— Да. Я и у него в части была…

— Кто не знает этого черта! Прямо скажу тебе — волк бесстрашный, вот он кто есть. И вся его матросня, полундры эти, вроде урагана. Смелые все и на врага лютые — страсть!.. Тебя звать-то как, деваха? Имя твое какое?

— Дика… А настоящее имя — Илита.

— Да, деваха, нам трудно на войне, а тебе еще труднее… Не женское это дело — воевать… — Солдат беспокойно огляделся. — Э-э! Как же это? Выходит, я свой вещмешок в пещерке оставил?.. А?.. Ведь там и рубаха запасная, и портянки, и табачку осьмушка… Побегу, а то пропадет в суматохе…

Илита против воли усмехнулась:

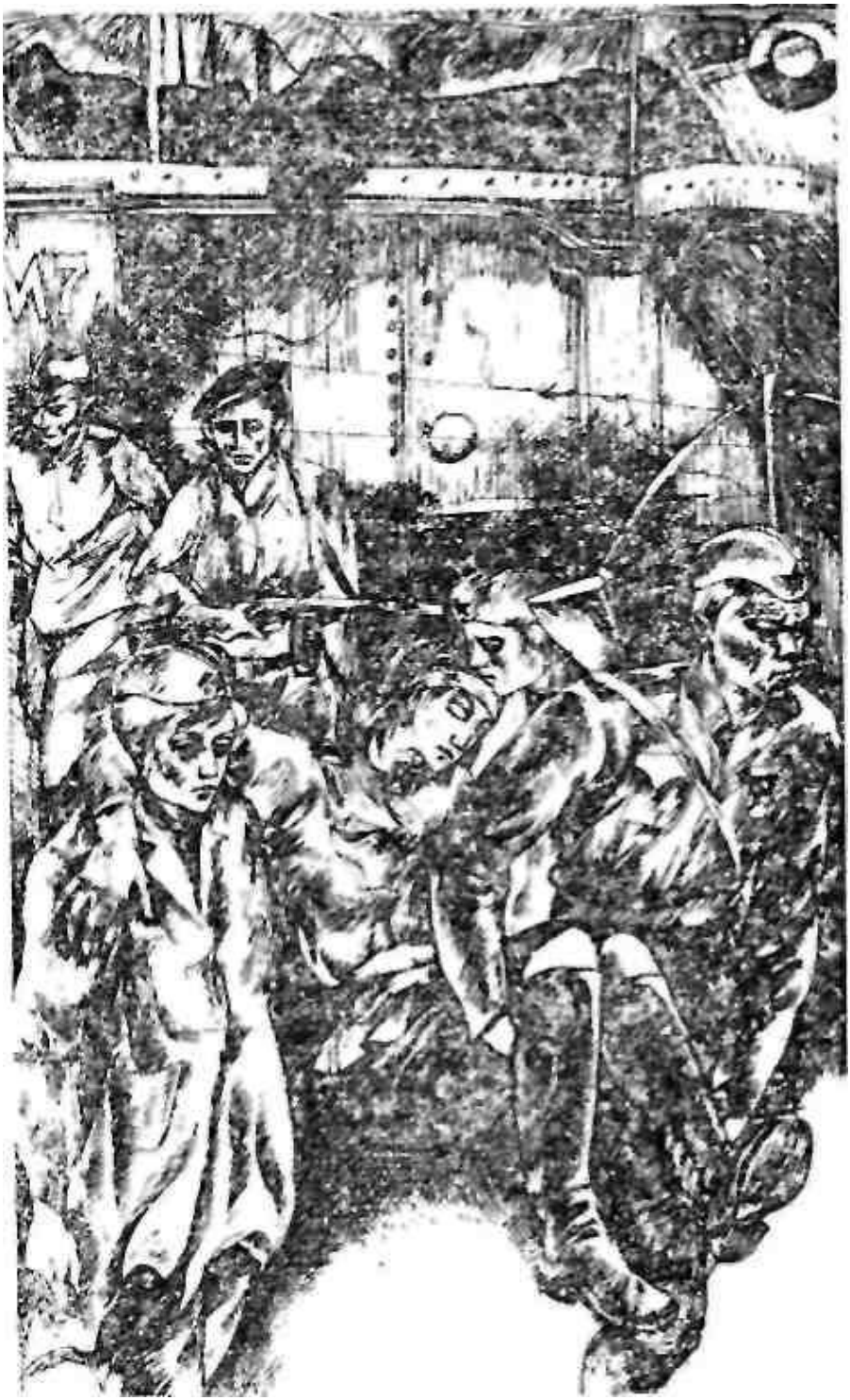
— Беги, отец, беги. Где головы пропадают, там вещмешку пропасть совсем легко…

Солдат кое-как, с трудом, встал и ушел. Илита осталась одна. Она снова почувствовала себя плохо: кружилась голова и, видимо, начинался жар. Все перед глазами плыло, туманилось, мысли лезли одна на другую… В сознании ее возникали картины только что отгремевших боев, вражеские танки, висящие в небе проклятые «фонари»…

А над Песочной бухтой появилось несколько «юнкерсов». Они промчались к входу в бухту, пронеслись над открытым морем, и где-то там тяжело заухали разрывы бомб. Илита поняла, что транспорт на подходе и враги пытаются его потопить или закрыть ему вход в бухту. Если транспорт потопят, тогда выхода нет — плен или смерть… А у Илиты даже пистолета нет — в пылу последнего боя, расстреляв патроны, она швырнула им в подбегавшего фрица… Вовремя подоспели морячки! Если бы не они, измывались бы сейчас фашисты над Илитой, пытали бы…

Наступал вечер. Изредка открывая глаза, Илита видела, что в море, перед самым входом в бухту, рвутся снаряды и бомбы, а в воздухе наши «ястребки» бьются с «мессерами» и «юнкерсами»… Да, если не удастся кораблю пробиться в бухту и если он не уйдет отсюда невредимым, значит — конец!

Когда в небе над бухтой появились «юнкерсы», большинство раненых попрятались в укрытиях и оттуда следили за ходом воздушного боя. «Ястребки» вели неравный, напряженный бой. Снизу, видимо с палубы транспорта, били по фашистским стервятникам зенитки. Плевались огнем уцелевшие береговые батареи…



Илита то теряла сознание, то снова приходила в себя. Мимо нее несколько раз пробежала та же худенькая, шустрая сестра,

которая ее перевязывала. Наклоняясь над Илитой, тревожно шептала:

— Потерпи, потерпи еще, милая… «Ташкент» близко… Отогнали наши «ястребки» этих сволочей… Теперь недолго…

И когда под покровом тьмы, раздираемой светом ракет, к берегу пришвартовался огромный корабль, Илита уже ничего не видела, не слышала. Сестра с трудом подняла ее и потащила к трапу.

— Да держись же ты хоть немного, — ворчала она.

Возле трапа кто-то из матросов подхватил Илиту и на руках поднял на палубу. А она все бормотала:

— Куда вы меня? Куда? Валерик будет искать… — И снова боль железными обручами стискивала голову, и снова кровавый туман застилал глаза…

Илита пришла в себя в стационарном госпитале. Белые стены, белый потолок, в окна заглядывают зеленые виноградные ветки… И — тишина: ни выстрелов, ни разрывов бомб, ни плеска волн, — заполнила ее гаснущее сознание…

СНОВА НА РОДИНЕ

После ранения под Севастополем Илита много месяцев пролежала в госпитале, а когда окончательно встала на ноги, врачи решительно настояли на демобилизации ее из армии: и ранение, и контузия были серьезными. А Илита рвалась в бой, она не могла даже представить себе, как будет заниматься какими-то мирными делами в то время, когда ее товарищи гонят фашистские орды на запад… Но нестерпимые головные боли подтверждали правильность решения врачебной комиссии.

«Да, отлеталась, отвоевалась ты, Дика», — с горечью говорила она себе, шагая по улицам родного Фарна.

Воспоминания о Валерике толкали ее к детям. Поэтому она выбрала для себя работу в детском саду. Ведь именно за этих малышей проливали кровь она и ее товарищи, сотни тысяч советских людей, погибших на войне и погребенных в братских могилах…

Но долго работать Илите Дауровой в детском саду не пришлось. Земляки выбрали ее председателем сельского Совета. И новые заботы окружили бывшую летчицу. Селение большое — восемь тысяч жителей. Пламя войны только что отхлынуло от родного края. Все кругом было разрушено фашистскими варварами. Работы было невпроворот.

А фронт требовал хлеба, мяса, одежды. Надо было налаживать хозяйство, поднимать землю. Не было ни тракторов, ни лошадей, люди сами впрягались в плуги, чтобы хоть кое-как вспахать колхозное поле.

Некоторые потеряли веру в то, что снова может наступить мирная, счастливая жизнь, — надо было побеждать это неверие, надо было будить в людях веру в жизнь, жажду жизни… И Илита всю свою энергию, все свои силы отдавала новому для нее делу.

Строились взамен разрушенных новые дома, проводилось электричество, газ, покрывались асфальтом улицы, росли новые сады… И среди всех забот Илита каждый день находила несколько минут, чтобы побывать в школе, среди детей. С трудом сдерживая слезы, одного за другим обнимала детишек, с волнением слышала их оклики: «Мама Илита!.. Мама Илита!..», когда они бросались ей навстречу. И тогда вспоминала Валерика, его улыбку, не по-детски серьезный взгляд серых глаз…

Фронт отодвигался все дальше на запад, война уже шла на вражеской земле. Читая газеты, Илита радовалась и в то же время грустила: ей не удалось самой дойти до Берлина. Она часто думала о Харитоне, все не гасла ее вера в то, что он жив. Может

быть, где-то лежит в госпитале. Ну что ж, она ждала долго, подождет еще…

И вот пришел долгожданный День Победы. О ней возвестил миру залп из тысячи орудий. А Илита Даурова продолжала напряженно трудиться. Но раны, тяжелая контузия… Они давали знать о себе. И снова — госпитальная койка. Илиту освободили от работы. Когда она поправилась, долго сидеть без дела не могла.

А письма на ее имя все шли и шли. Веселая Машенька теперь доставляла их не в детский сад, а в Камбелеевку — в одноэтажный домик из красного кирпича на главной улице селения. У входа в этот дом вывеска — «Камбелеевский Совет депутатов трудящихся Пригородного района Северо-Осетинской АССР». Здесь работала теперь Илита.

Но иногда воспоминания охватывали Илиту с такой силой, что ей хотелось немедленно сесть в машину, на поезд, в самолет и отправиться туда, где она воевала, где погиб Валерик. Ведь он так просил, что, если кто-нибудь из защитников Ушаковой балки останется жив, пусть приедет в школу № 52 и расскажет ее новым ученикам, как обороняли балку…

И однажды Илита не выдержала. Случилось это после того, как в Совет пришла дочь Николая Дзампаева, воевавшего вместе с ней, Илитой, у стен той памятной на всю жизнь школы. Заира стояла, скромно потупясь, путаясь и сбиваясь, рассказывала об отце, какой он был добрый и справедливый. Расплакавшись, достала из сумочки мятый треугольник солдатского письма.

— Вот, Илита Кирилловна, может, вам интересно. Это последнее папино письмо… Оно из Севастополя…

Дрожащими руками Илита схватила исписанный карандашом листок, принялась читать, с трудом разбирая полустертые буквы.

> «Добрый день, Митя, Георгий, Гази, Петя, Бабуца! — писал Николай. — Как живете? Как здоровье? Пользуюсь случаем — немного утихли фашистские атаки… Я нахожусь в тяжелом месте. Пули летят, как град. Ноги ранены. Если меня не будет, то узнаете вот от этих людей — Гуриев Таймураз из Карца, два брата Газдановых, Азиев из Зильги, русский мальчик Валерий Волков, Карсанов Дзиба, Арчегов Угалык из Фарна, Гаджиев Коля и наш депутат Илита Даурова из Фарна. Итак, вы меня уже не увидите. Прощайте! Севастополь. Июнь, 1942 год».

Илита и Заира поплакали, обнявшись, над этим письмом, а потом Илита рассказала девушке, как мужественно погиб ее отец и как оставшиеся в живых товарищи похоронили его в пещере на

восточном склоне Ушаковой балки…

— Илита Кирилловна! — сказала сквозь слезы Заира. — Вы, наверно, поедете в Севастополь?

— Обязательно поеду.

— Если можно, я поеду с вами. А?

— Хорошо, дорогая…

Когда Заира ушла, Илита достала бережно хранившееся у нее письмо Вани Петруненко: он писал его накануне смерти, тяжело больной. К письму был приложен одиннадцатый номер «Окопной правды», написанный рукой Валерика, тот самый номер, где он завещал оставшимся в живых приехать в Севастополь, на места бывших боев.

Перечитывая листок Валерика, Илита перебирала в памяти: кто же из «дивизии десяти» остался в живых? Жидилов, командир 7-й бригады моряков. Сейчас он, судя по газетным сообщениям, генерал-лейтенант. Жив и Энвербек Азиев. А третья — она, Илита Даурова. Все остальные либо пали в боях, либо умерли от ран…

Как только позволило время, Илита взяла с собой Заиру и поехала в Севастополь. Поехали через Москву — хотелось передать в Музей Советской Армии последний листок «Окопной правды». Идите в музее чрезвычайно обрадовались и показали материалы, которые были получены раньше. Среди них оказалась любительская фотография, где рядом с Валериком и Илитой стояли Николай Дзампаев, Таймураз Гуриев, Энвербек Азиев, Тотырбек Борукаев и другие их товарищи по севастопольской обороне.

Илита, с трудом сдерживая слезы, долго рассматривала выцветшую простенькую фотографию, вглядываясь в родные, но уже полузабытые, стертые временем лица… Когда уезжала, ей подарили в музее копию фотографии, и Илита бережно хранит ее…

В Севастополе к Илите присоединились камбелеевские пионеры, которые совершали поход по боевому пути Валерия Волкова. Это Илите удалось добиться в Орджоникидзе, чтобы ребятам помогли съездить в город-герой.

И вот Илита, Заира и пионеры стоят у нового здания школы-интерната на берегу Ушаковой балки, проходят по линиям окопов — еще можно различить их очертания, — стоят у бережно охраняемой, огороженной могилы во дворе школы… Школа-интернат шумит веселыми детскими голосами, и только в комнатке, которая отведена под музей Валерия Волкова, всегда царит строгая и торжественная тишина…

На знаменитой горе Гарпищенко шелестит листвой молодой парк имени юного героя. Этот парк сажали пионеры,

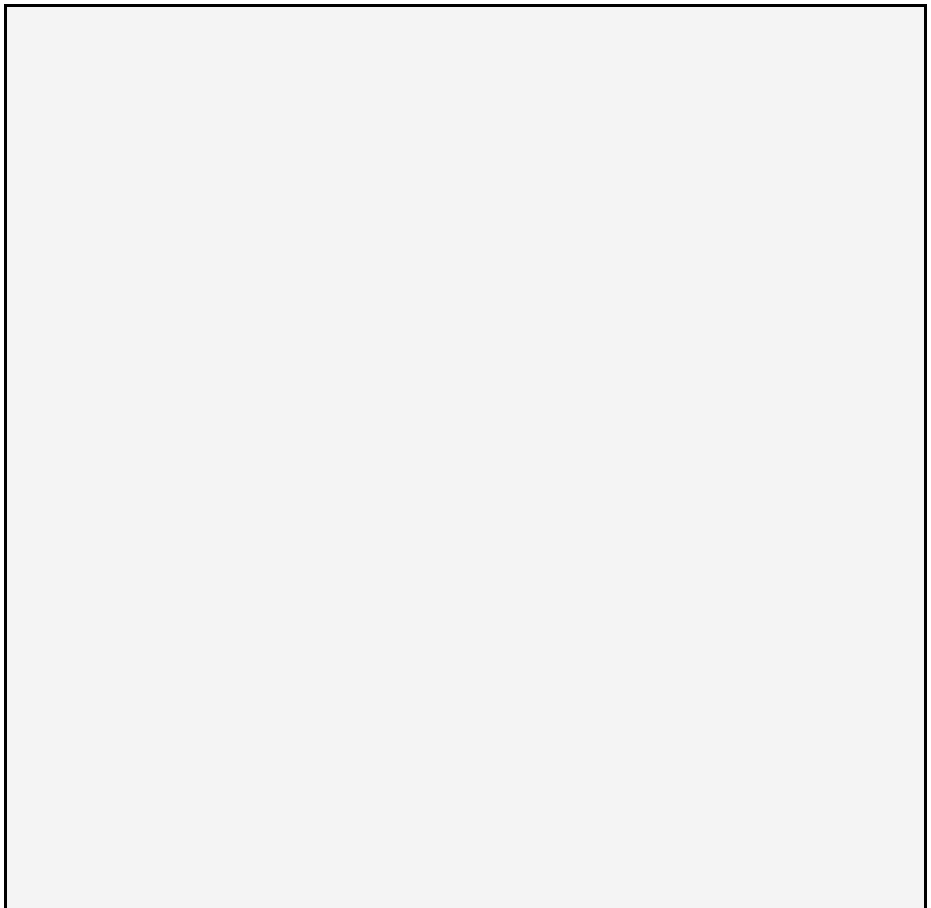
приезжавшие со всех концов нашей страны. Илита прошлась по его аллеям, посидела в негустой тени незнакомых ей северных деревьев.

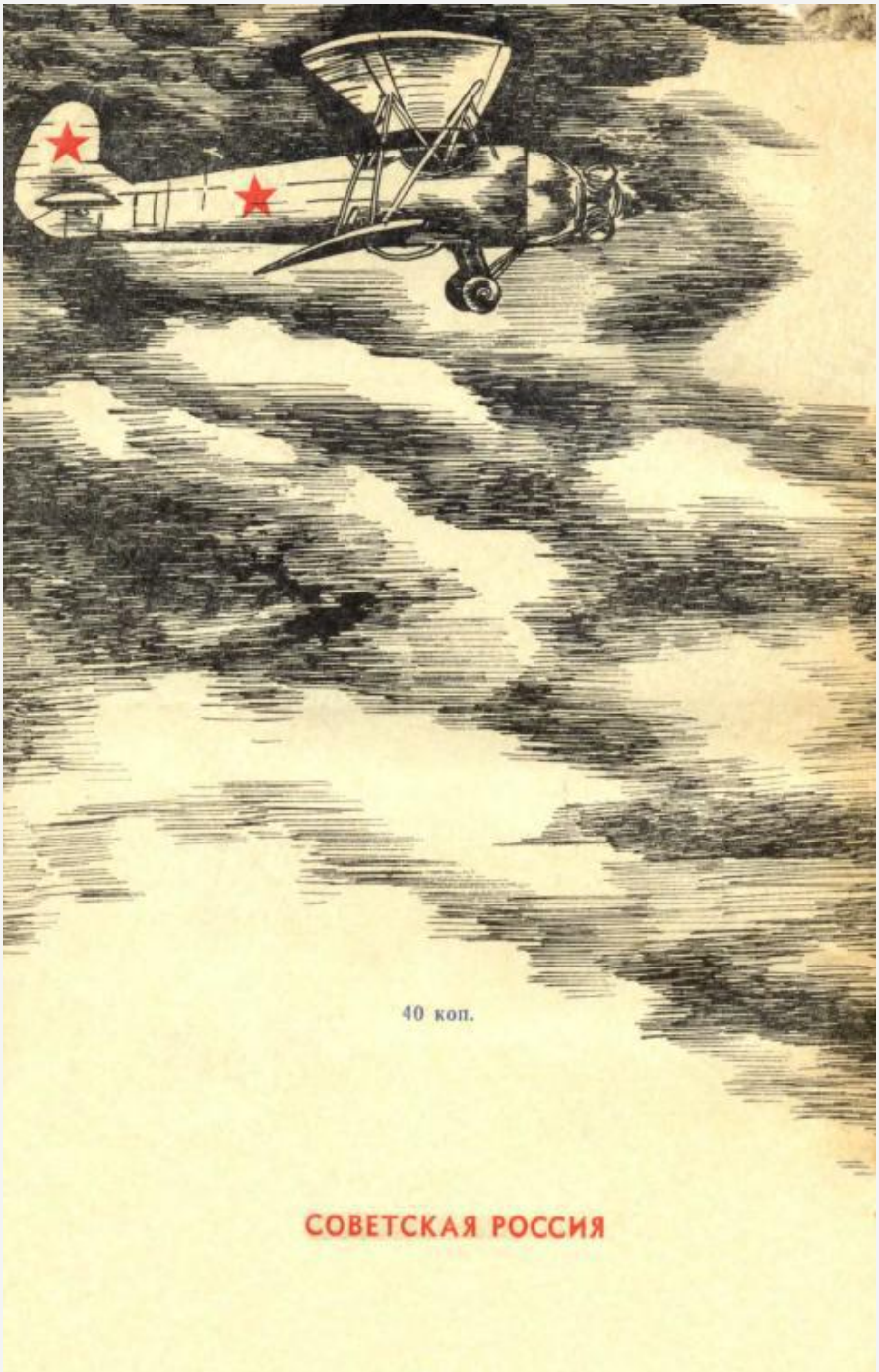
Благодарна человеческая память! Илита думала, что только она да еще два-три человека вспоминают Валерика, а оказывается, имя его известно повсюду, и повсюду люди благодарны Волчонку за его мужество и бесстрашие…

Не так давно камбелеевскому колхозу был вручен орден Ленина. На митинге в честь этого события Илита Даурова сказала:

— Когда-то мы, горцы, из рук Ленина получили эту землю. Мы с честью отстояли ее от врагов в жестоком бою. А теперь на нашем знамени сияет высшая награда — орден родного Ильича. Не посрамим же нашего знамени! Пусть враги знают, что нет такой силы, которая победила бы нас!..

И снова бегут, летят дни, наполненные работой. К Илите Кирилловне идут с бедами и с радостями, и она охотно делится с людьми своим опытом, мужеством и мудростью.





notes

Примечания

1

Осетины называют «сестрами» всех женщин своего рода (фамилии).

2

На́рты — мифические предки осетин. То же название носит и осетинский народный эпос.

З

Нихáс — место в ауле, где происходят беседы и встречи. *(осет.)*.

4

Таймура́з? Сын Вано?

5

Он самый.

6

Выпей воды, брат!

7

Я ранен… Я ранен!..